

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Ярославский государственный педагогический
университет им. К. Д. Ушинского»

На правах рукописи

Купцов Александр Евгеньевич

**КОММУНИКАТИВНЫЕ ЧАСТИЦЫ КАК ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА
РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ДОПОЛНИТЕЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИИ
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ
(на материале английского, испанского
и русского языков)**

Специальность 10.02.19 – теория языка

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
доцент Владимир Николаевич Бабаян

Ярославль, 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
ГЛАВА 1. ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЧАСТИЦ КАК СЕМАНТИЧЕСКИХ КОМПОНЕНТОВ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИСКУРСА	14
1.1. Лингвистические особенности частиц английского, испанского и русского языков и проблема их классификации.....	15
1.2. Проблема описания и изучения семантического и прагматического потенциала частиц.....	27
1.3. Частицы как языковые средства актуализации коммуникативной организации высказывания.....	32
1.4. Различные подходы к определению понятия «дискурс» и его основные характеристики.....	41
1.5. Художественный дискурс как один из основных типов дискурса.....	48
1.6. Единица дискурса и проблемы его сегментации.....	53
Выводы по Главе 1.....	55
ГЛАВА 2. ФУНКЦИИ КОММУНИКАТИВНЫХ ЧАСТИЦ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ	61
2.1. Коммуникативно-прагматические функции коммуникативных частиц в англо-, испано- и русскоязычном художественном дискурсе.....	61
2.1.1. Коммуникативно-прагматические функции выделительно- ограничительных частиц.....	63
2.1.2. Коммуникативно-прагматические функции модальных частиц и модальных слов.....	85
2.1.3. Коммуникативно-прагматические функции усилительных частиц.....	103
2.1.4. Коммуникативно-прагматические функции отрицательных частиц.....	119
Выводы по Главе 2	137

ГЛАВА 3. НАЦИОНАЛЬНО-СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАТИВНЫХ ЧАСТИЦ В АНГЛО-, ИСПАНО- И РУССКОЯЗЫЧНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРЕ.....	144
3.1. Взаимодействие коммуникативных частиц и риторических средств в англо-, испано- и русскоязычном художественном дискурсе.....	144
3.1.1. Эмфатические конструкции и частицы.....	146
3.1.2. Синтаксические конструкции с отделительными частицами.....	151
3.1.3. Коммуникативные частицы и артикль.....	154
3.2. Универсальные и национально-специфические особенности использования коммуникативных частиц в англо-, испано- и русскоязычном художественном дискурсе.....	160
Выводы по Главе 3	166
Заключение.....	170
Список литературы.....	178
Список источников исследования.....	210

ВВЕДЕНИЕ

Настоящее диссертационное исследование посвящено изучению особенностей функционирования коммуникативных частиц, которые являются языковыми средствами репрезентации дополнительной информации в художественном дискурсе.

Интерес к изучению частиц объясняется тем, что они выражают различные логические и грамматические значения в художественном дискурсе в целом и характеризуются полифункциональностью. Способность частиц «кодировать» все многообразие прагматических значений, связывать высказывание с отношением адресанта к адресату и к описываемой ситуации, намерения и эмоции говорящего, «соотносить его с ситуацией непосредственного действия» требует многоаспектного описания их функциональной семантики [Николаева, 1985, с. 3-7]. Частицы обладают способностью передавать самые разнообразные коммуникативные характеристики, таким образом, коммуникативная роль частиц обусловлена, в первую очередь, коммуникативными потребностями человека, а именно точно и адекватно донести цель своего высказывания. По справедливому мнению большинства исследователей (В. Г. Гак, Т. М. Николаева, В. Е. Шевякова, Т. В. Янко и др.), способность частиц акцентировать тему и рему является одной из важнейших.

Коммуникативные частицы употребляются в сочетании с риторическими средствами, которые имеют особое значение в художественном дискурсе. В качестве риторических средств могут использоваться различные лексические и синтаксические конструкции (например, порядок слов, лексические повторы, инверсия и т. д.), а также художественные образные формы выражения. Риторические средства и частицы украшают художественный дискурс и делают его более выразительным. В соответствии с полнотой смысла единицы дискурса образуют риторические отношения, которые используются для достижения определенных целей при передаче актуальной информации в художественном дискурсе.

Актуальность темы диссертационной работы определяется необходимостью комплексного исследования особенностей функционирования коммуникативных частиц и определения их специфики как средств репрезентации дополнительной информации в художественном дискурсе в английском, испанском и русском языках. Вопрос о коммуникативно-прагматических функциях частиц, занимающих особое место в системе языковых средств выражения актуального членения в художественном дискурсе, также недостаточно разработан. Каждая единица дискурса связана с другой посредством отношения в соответствии с полнотой смысла. Эти отношения автор художественного произведения использует для достижения поставленных целей при репрезентации актуальной информации.

Степень изученности научной проблемы. При всем разнообразии лингвистических исследований в настоящее время многие вопросы относительно функционального диапазона коммуникативных частиц в разноструктурных языках остаются еще не до конца изученными и получают различное толкование. Так, неоднозначно истолковываются вопросы, связанные с содержательной интерпретацией коммуникативных частиц в английском, испанском и русском языках, так как отсутствуют ясные и четкие критерии разграничения признаков частиц.

Приходится констатировать, что частицы как средство передачи дополнительной информации еще не получили в лингвистической литературе достаточно полного освещения. Между тем вопрос о роли частиц в художественном дискурсе заслуживает более глубокого и тщательного изучения, поскольку они относятся к разряду языковых средств, отличающихся коммуникативной релевантностью, и способны влиять на структуру дискурса. Среди разнообразных существующих в науке о языке концепций относительно природы и сущности понятий «дискурс» и «художественный дискурс» следует обратить внимание на то, что данные понятия трактуются по-разному, так как исследователи языка кладут в их основу разнообразные онтологические признаки.

Наконец, необходимо также отметить отсутствие специальных научных работ, посвященных системному исследованию роли коммуникативных частиц в художественном дискурсе, а также коммуникативно-прагматических интерпретаций данных лексических единиц в английском, испанском и русском языках.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что в нем впервые осуществлен комплексный подход к исследованию коммуникативных частиц на семантическом, логико-коммуникативном и синтаксическом уровнях предложения в англо-, испано- и русскоязычном художественном дискурсе. При этом детерминируются такие аспекты рассматриваемого явления, как закономерности функционирования выделительно-ограничительных, модальных, усилительных и отрицательных частиц в коммуникативной структуре предложения-высказывания на материале разноструктурных языков; роль частиц в коммуникативно-синтаксической организации предложения-высказывания и выявлен корпус частиц английского, испанского и русского языков, выделяющих коммуникативный центр предложения-высказывания; особенности взаимодействия частиц с другими средствами выражения дополнительной информации в англо-, испано- и русскоязычном художественном дискурсе.

Научная гипотеза исследования заключается в том, что коммуникативные частицы в англо-, испано- и русскоязычном художественном дискурсе являются ярко выраженными коммуникативно ориентированными языковыми средствами, которые обладают способностью репрезентировать дополнительную информацию.

Объектом исследования являются коммуникативные частицы в англо-, испано- и русскоязычном художественном дискурсе.

Предметом исследования выступают семантические и коммуникативно-прагматические характеристики коммуникативных частиц, а также особенности их функционирования в коммуникативной структуре предложения-высказывания

художественного дискурса разноструктурных – английского, испанского и русского – языков.

Целью диссертационной работы является изучение закономерностей функционирования коммуникативных частиц как средств репрезентации дополнительной информации в англо-, испано- и русскоязычном художественном дискурсе.

Для достижения поставленной цели в диссертации ставятся **следующие конкретные задачи:**

– привести принятое в современном языкознании определение понятия «частица», изучить лингвистические особенности частиц и проблему их классификации, разработать комплексный подход к изучению частиц на семантическом, логико-коммуникативном и синтаксическом уровнях предложения-высказывания;

– на основе изучения теоретико-методологического и прикладного базиса современных исследований дать определение понятий «дискурс», «художественный дискурс», «предложение-высказывание»;

– провести комплексный анализ частиц в структуре предложения-высказывания, определить роль и функциональный диапазон коммуникативных частиц в коммуникативно-синтаксической организации предложения-высказывания в англо-, испано- и русскоязычном художественном дискурсе;

– изучить характер влияния коммуникативных частиц как языковых средств репрезентации дополнительной информации на коммуникативную цель предложения-высказывания, выявить особенности взаимодействия частиц с другими средствами выражения коммуникативного членения предложения-высказывания в англо-, испано- и русскоязычном художественном дискурсе;

– выявить универсальные и национально-специфические особенности использования коммуникативных частиц в англо-, испано- и русскоязычном художественном дискурсе.

В соответствии с поставленными задачами в предпринятом диссертационном исследовании применены следующие **методы и приемы исследования**: метод лингвистического описания, метод компонентного анализа, метод сравнительно-сопоставительного анализа, метод структурно-функционального и контекстуального анализа, приемы классификации и систематизации, метод сплошной выборки языкового материала, статистическая обработка материала и формализованные приемы представления результатов (таблицы).

Эмпирическим материалом исследования являются прозаические тексты английской, испанской, латиноамериканской и русской художественной литературы XX и XXI вв., а также национальные корпуса языков. В ходе исследования методом сплошной выборки выделены для комплексного анализа **5 500** случаев употребления лексем, способных выступать в качестве выделительно-ограничительных, модальных, усилительных и отрицательных частиц. Из них **1 819** случаев употребления лексем английского языка, **1 696** случаев употребления лексем испанского языка и **1 985** случаев употребления лексем русского языка.

Достоверность и надежность данных, полученных в ходе предпринятого исследования, обеспечивается методологической обоснованностью, адекватностью методов исследования объекту, предмету, целям и задачам работы, комплексным характером исследования, репрезентативностью и достаточной выборкой эмпирического языкового материала.

Теоретической основой исследования являются научные концепции, разработанные в рамках приведенных научных дисциплин и направлений:

– *проблемы частей речи* (О. К. Васильева-Шведе, В. В. Виноградов, В. Г. Гак, О. Есперсен, Б. А. Ильиш, О. В. Лукин, А. М. Пешковский, А. А. Потемня, А. И. Смирницкий, Ф. Ф. Фортунатов, А. А. Шахматов, Л. В. Щерба и др.);

– *проблемы частиц* (Ф. Д. Ашнин, Е. Г. Борисова, А. Вежбицкая, Л. М. Волкова, В. Г. Гак, В. Д. Ившин, С. Е. Маковеева, С. В. Мелишкевич, Т. М. Николаева, Т. Ж. Олтиев, Е. А. Стародумова, Н. А. Торопова, Т. Н. Филиппова, В. Е. Шевякова, М. Г. Щур, D. Bolinger, В. Fraser и др.);

– *общая теория дискурса и дискурс-анализ* (Н. Ф. Алефиренко, Н. Д. Арутюнова, В. Н. Бабаян, В. Г. Борботько, А. А. Григорян, К. М. Денисов, В. А. Звегинцев, В. И. Карасик, В. В. Красных, Е. С. Кубрякова, М. Л. Макаров, В. Н. Степанов, М. Фуко, D. Crystal, Т. А. van Dijk, S. Harris и др.);

– *коммуникативно-синтаксическая организация высказывания* (П. Адамец, Н. Д. Арутюнова, Ш. Балли, В. Г. Гак, К. А. Долинин, И. И. Ковтунова, В. Матезиус, Т. М. Николаева, Е. В. Падучева, Е. А. Реферовская, Ю. А. Рылов, О. Б. Сиротинина, Я. Фирбас, М. Хэллидей, А. Г. Хэтчер, У. Л. Чейф и др.);

– *семантика* (Ш. Балли, Э. Бенвенист, А. В. Бондарко, А. А. Григорян, Г. В. Колшанский, Т. П. Ломтев, Л. В. Щерба, D. Crystal и др.);

– *лингвокультурология* (Н. Ф. Алефиренко, А. Вежбицкая, В. И. Жельвис, В. В. Красных, С. А. Кошарная, В. А. Маслова, А. Т. Хроленко и др.).

Теоретическая значимость работы состоит в том, что предлагаемый в ней комплексный подход к изучению коммуникативных частиц в английском, испанском и русском языках на семантическом, логико-коммуникативном и синтаксическом уровнях предложения-высказывания может быть применен к исследованию частиц на материале других языков. Материалы и выводы настоящего исследования вносят определенный вклад в теорию языка, а также открывают новые перспективы в решении целого ряда теоретических проблем изучения частей речи, теории дискурса и дискурс-анализа, лингвистики текста и коммуникативного синтаксиса.

Практическая значимость результатов исследования определяется возможностью их применения в теоретических курсах по общему языкознанию, лексикологии и стилистике английского, испанского и русского языков, теоретической грамматике английского, испанского и русского языков, при

проведении спецкурсов по коммуникативному синтаксису, сравнительной типологии и в практике преподавания английского, испанского и русского языков в вузе. Результаты диссертационного исследования могут быть использованы при написании курсовых, выпускных квалификационных работ и магистерских диссертаций, а также в научно-исследовательской работе аспирантов.

Апробация и внедрение результатов исследования. Основные положения и результаты диссертационного исследования представлены в докладах на Международной конференции «Язык и мысль: традиции и новые парадигмы в лингвистике и лингводидактике» (Ярославль, 2007 г.), на Международной конференции «Чтения Ушинского» (Ярославль, 2008, 2009, 2010, 2012, 2013, 2014, 2015, 2016, 2017 гг.), на Международном конгрессе по когнитивной лингвистике (Тамбов, 2008, 2010, 2011, 2012 гг.), на VII международной научной конференции «Филология и культура» (Тамбов, 2009 г.), на I Международной научной конференции «Функционально-когнитивный анализ языковых единиц и его аппликативный потенциал» (Барнаул, 2011 г.), на II Международной научной конференции «Функционально-когнитивный анализ языковых единиц и его аппликативный потенциал» (Барнаул, 2014 г.), на Международной научно-практической конференции «Наука сегодня: факты, тенденции, прогнозы» (Вологда, 2016 г.), на Международной научной конференции «Когнитивные технологии в теоретической и прикладной лингвистике» (Тюмень, 2016 г.), на Международном конгрессе по когнитивной лингвистике (Белгород, 2017 г.), на Международной научной конференции "Инновационные технологии и подходы в межкультурной коммуникации, лингвистике и лингводидактике" (Барнаул, 2018 г.), на III Международной научно-практической конференции (Ярославль, 2021 г.), а также на заседаниях кафедры иностранных языков ЯГПУ им. К. Д. Ушинского. Основное содержание диссертационного исследования отражено в 25 научных работах (8 п. л.), из них 7 статей в журналах, входящих в перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК РФ, статьи и материалы докладов международных, всероссийских и региональных конференций.

Соответствие диссертации паспорту специальности. Отраженные в настоящей диссертации научные положения соответствуют паспорту специальности 10.02.19 – Теория языка, в частности, следующим областям исследования:

п. 1. Теоретическая лингвистика. Когнитивный подход в современной лингвистике. Язык и коммуникация. Отражение коммуникативных целей в структуре языка.

п. 5. Синтаксис. Предложение и высказывание (язык – речь). Дискурс (связный текст). Коммуникативная организация высказывания. Теория актуального членения. Тема и рема. Средства выражения актуального членения.

п. 6. Семантика. Лексическая семантика. Семантика предложения-высказывания. Эксплицитная и имплицитная информация в высказывании. Иллокутивная функция высказывания и способы ее репрезентации;

п. 7. Дискурс. Понятие дискурса. Информация в дискурсе. Данное/ новое. Тема и рема. Когнитивные корреляты данного/ нового, темы и ремы.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Основная – коммуникативная – функция частиц заключается в том, что они играют значительную роль в коммуникативно-синтаксической организации предложения-высказывания, являясь коммуникативными показателями состава ремы предложения в английском, испанском и русском языках.

2. Выделительно-ограничительные, модальные, усилительные, отрицательные частицы выделяют в качестве ремы каждый синтаксический компонент. Данные частицы часто являются единственными коммуникативными сигнализаторами рематического характера синтаксических компонентов, занимающих начальную или срединную позицию в предложении.

3. В англо-, испано- и русскоязычном художественном дискурсе коммуникативные частицы отличаются мобильностью и могут употребляться с другими частями речи, выполняющим различные функции в предложении. При этом заметим, что исследуемые лексические единицы взаимодействуют с другими

риторическими средствами языка (артикуль, фразовое ударение, интонация, специальные выделительные синтаксические конструкции и др.), усиливая коммуникативное значение высказывания.

4. Коммуникативные частицы и риторические средства, употреблённые в рамках лексических и синтаксических конструкций, а также различные образные выражения, играют значительную роль в художественном дискурсе, так как привлекают внимание слушающего (читающего, адресата), делают дискурс всеобъемлющим, полным и значимым, обеспечивая интенсивность речи в художественном дискурсе.

Структура диссертационного исследования. Диссертационное исследование состоит из введения, трёх глав и заключения. К работе прилагаются список литературы (265 наименований, в том числе 39 на иностранном языке), список литературных источников.

Во **введении** обосновывается выбор темы, обозначена степень научной разработанности проблемы, обоснованы актуальность, научная новизна исследования, выдвинута гипотеза, указаны объект, предмет, определены цель, задачи и методы научного исследования, сформулированы положения, выносимые на защиту, представлены теоретическая и практическая значимость, структура работы, обозначена ее апробация.

В **первой главе** – «Основные аспекты исследования частиц как семантических компонентов художественного дискурса» – представлено научное обоснование проблемно-теоретических положений диссертации, проводится критический обзор наиболее известных концепций, имеющих отношение к изучаемым в диссертации проблемам. В данной главе рассматриваются различные взгляды исследователей на проблематику частиц, дается описание основных классификаций частиц, признаки частиц и их место в словарном составе английского, испанского и русского языков (п. 1.1.); описываются особенности их семантических и прагматических характеристик (п. 1.2.), даётся обзор основных теорий относительно частиц как средств актуализации коммуникативной организации высказывания (п. 1.3.);

анализируются различные подходы отечественных и зарубежных учёных к определению понятия «дискурс» (п. 1.4.); рассматриваются различные определения понятия «художественный дискурс» (п. 1.5.); исследуется вопрос о единицах дискурса и проблема его сегментации (п. 1.6.).

Во **второй главе** – «Функции коммуникативных частиц в художественном дискурсе» – проведен анализ фактического материала и представлены его результаты, выявлен функциональный диапазон коммуникативных частиц в англо-, испано- и русскоязычном художественном дискурсе, а именно, выявлены коммуникативно-прагматические функции выделительно-ограничительных частиц (п. 2.1.1.), коммуникативно-прагматические функции модальных частиц и модальных слов (п. 2.1.2.), коммуникативно-прагматические функции усилительных частиц (п. 2.1.3.), коммуникативно-прагматические функции отрицательных частиц (п. 2.1.4.).

В **третьей главе** – «Национально-специфические особенности коммуникативных частиц в англо-, испано- и русскоязычном художественном дискурсе» – рассмотрены важные вопросы, касающиеся взаимодействия коммуникативных частиц и риторических средств в англо-, испано- и русскоязычном художественном дискурсе: взаимодействие эмфатических конструкций и частиц (п. 3.1.1.); синтаксические конструкции с отделительными частицами (п. 3.1.2.); взаимодействие коммуникативных частиц и артикля (п. 3.1.3.); выявлены и проанализированы универсальные и национально-специфические особенности использования коммуникативных частиц в англо-, испано- и русскоязычном художественном дискурсе (п. 3.2.).

Заключение содержит проблемно-теоретические обобщения на основе выводов, полученных в ходе исследования, а также намечает перспективы дальнейших исследований.

ГЛАВА 1. ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЧАСТИЦ КАК СЕМАНТИЧЕСКИХ КОМПОНЕНТОВ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИСКУРСА

Сравнительный анализ различных подходов к изучению и описанию частиц демонстрирует их важность в структуре каждого языка. Из-за различных внешних и внутренних факторов, влияющих на развитие английского, испанского и русского языков, формирование частиц как класса слов в исследуемых языках различно. Так, в английском и испанском языках частицы, как правило, не выделяются как отдельный лексико-грамматический класс слов и функционируют в зависимости от семантической и синтаксической среды. В русском языке частицы являются функциональным классом, так как без их участия невозможно выразить коммуникативное значение высказывания и различные коммуникативные характеристики, а также отношение говорящего/ пишущего (адресанта) к содержанию высказывания.

Сложность решения вопроса о возможности выделения частиц как отдельной части речи связана со следующими особенностями:

- 1) частицы не имеют денотативного значения;
- 2) частицы морфологически не изменяются;
- 3) частицы не являются членами предложения.

Следует отметить, что отсутствие того или иного признака отражает уникальность данного класса слов по сравнению с другими частеречными категориями и свидетельствует об отличии частиц от других классов слов [Овчинникова, 2009, с. 7].

Так, Н. А. Кобрина указывает на тот факт, что каждая часть речи обладает характерными для неё коммуникативными задачами, что и обуславливает её индивидуальность, то есть «непохожесть» на другие части речи. Таким образом, учет признака или набора признаков, которыми обладает только данный класс слов, является единым принципом классификации частей речи [Кобрина, 2007].

Таким образом, приходим к заключению о том, что феномен частиц заключается в своеобразном коммуникативном аспекте языковой системы, так как язык как динамическое явление постоянно развивается и не исчерпывает свои возможности.

1.1. Лингвистические особенности частиц английского, испанского и русского языков и проблема их классификации

Проблема частей речи вызывает большие противоречия как в общей лингвистической теории, так и при анализе отдельных языков. Специалисты в области грамматики подходят к этой проблеме с разных точек зрения и применяют разные критерии в классификации лексем языка. Следовательно, существует множество различных классификаций. Важность изучения данной проблемы заключается в необходимости построить грамматическую классификацию слов, от которой зависит интерпретация большинства явлений в грамматическом строе любого языка.

Начиная с середины XX в., частица как самостоятельная служебная часть речи становится объектом многих исследований, выполненных на материале разных языков: на материале русского языка (Е. Г. Борисова, Т. М. Николаева и др.), английского языка (И. М. Богуславский, Б. А. Кривоносов и др.), немецкого языка (И. Д. Копцев, Е. Е. Михелевич и др.), французского языка (И. Д. Матько и др.), испанского языка (В. С. Виноградов, А. Е. Купцов, Т. Ж. Олтиев, Т. Н. Филиппова и др.), итальянского языка (Е. Маццола и др.). Однако несмотря на значительное число работ, посвященных данной проблематике, целый ряд вопросов до сих пор не получил достаточно полного и однозначного освещения. Таким образом, исследования в области лингвистики наполняются новыми неизученными аспектами, позволяющими глубже проникнуть в природу данных лексических единиц, указывая на их неслучайное появление и развитие в языковой системе.

Как известно, современная лингвистика разделяет языки на 1) так называемые «языки частиц», в которых имеется достаточно разветвленная система частиц и понятие частиц как класса является общепризнанным, и на 2) так называемые «слабопартиклевые» языки», в которых система частиц не развита или развита слабо, поэтому наличие отдельного класса частиц в этих языках вызывает ряд вопросов и споров исследователей. К первому типу, то есть к «языкам частиц» относят, в первую очередь, славянские и германские языки, ко второму – «слабопартиклевые» – романские языки.

Не ставится под сомнение тот факт, что частицы играют большую роль в славянских и германских языках, а в романских языках, в том числе, в испанском, семантика частиц сравнительно беднее и сами частицы употребляются достаточно редко. Следует отметить, что в грамматике испанского языка не выделяется данный лексико-грамматический класс слов, как например, в русском языке, а под **понятием «частица»** (исп. *partícula*) понимаются языковые элементы, такие как формы личных и возвратных местоимений.

Класс частиц и их функционирование обладают множеством схожих характеристик в разных языках, благодаря чему возможно проведение успешного сравнительного анализа. Частицы как часть речи являются неоднородным слоем лексического состава языка, так как наличие одних частиц обязательно для предложения (например, союзы и предлоги) и без них невозможна синтаксическая связь между членами предложения; наличие других частиц не оказывает никакого влияния на смысл предложения, однако придаёт высказыванию разнообразные модальные значения [Шведова, 1980, с. 726-727].

Частицы отличаются разнообразием выполняемых ими функций, а их функциональный принцип обычно представляет собой основу для классификации данных лексических единиц. Следует отметить, что различное понимание таких общих категорий и понятий, как формообразование, модальность и некоторых других, приводит к несовпадению классификационных разрядов частиц, выделяемых в английских, испанских и русских грамматиках.

Так, зарубежные исследователи английского языка, как правило, не выделяют класс частиц в том понимании, в каком они трактуются в русском языкознании, и относят данные лексические единицы к наречиям или к служебным частям речи или объединяют слова, у которых отсутствуют грамматические категории.

Такие зарубежные исследователи, как Д. Болинджер, С. Гринбаум, Р. Кверк, Дж. Лич, Б. Фрейзер и др. подчеркивают идею о том, что в современном английском языке термин «частица» (англ. *particle*) представляет собой неизменяемый компонент высказывания, который присоединяется к полнозначным словам. Данные исследователи считают, что послелог, входящий в состав фразовых глаголов английского языка (*drink up, get away, walk up*), является частицей [Bolinger, 1971; Fraser, 1976; Quirk, 1982, с. 67]. Следует отметить, что своеобразием современного английского языка является отсутствие в нем модальных частиц, в отличие от других германских языков, где они довольно активно используются в речи. Таким образом, модальные слова в английском языке способны передавать разнообразные лексические оценки высказывания, выражаемые модальными частицами [Маковеева, 2001, с. 15].

Интересным представляется тот факт, что класс частиц в современном английском языке выделяют в основном отечественные лингвисты (С. Д. Алпатова, И. Л. Годкина, Б. А. Ильиш и др.), причем в него обычно включается в среднем не более двадцати слов, инвентарь которых различен у разных исследователей.

В. Н. Жигadlo определяет частицы в английском языке как неизменяемые слова, конкретизирующие значение других слов, придавая им модальные или экспрессивные оттенки [Жигadlo, 1956, с. 213].

Н. А. Кобрина указывает на то, что частица подчеркивает или ограничивает значение другого слова, фразы или предложения в целом. Частицы образуют связное целое с частью предложения, к которой они принадлежат (слово или фраза) [Кобрина, 1999, с. 282].

При всём своём разнообразии значений в современном английском языке выделяют следующие группы частиц:

- 1) **выделительно-ограничительные частицы:** *even, only; merely, just, alone* и др.;
- 2) **усилительные частицы:** *even, yet, still, just, simply; never* и др.;
- 3) **уточнительные частицы:** *just, right, exactly, precisely* и др. [Беляева, 1984, с. 70-73].

В соответствии с оттенками значений В. Н. Жигадло в классификации частиц в английском языке выделяет следующие 4 группы:

1) **частицы, уточняющие смысловые оттенки значений слов или группы слов в высказывании:**

- а) ограничительные: *only* и др.;
- б) выделительно-усилительная частица *even*;
- в) уточнительные: *exactly* и др.;
- г) дополняющая частица: *else*;

2) **модальные частицы:**

- а) отрицательная частица *not*;
- б) отрицательно-усилительные частицы *never, not*.

Как справедливо считает Т. Г. Камянова, частицы в современном английском языке способны вносить в предложения дополнительные смысловые или эмоционально-экспрессивные оттенки. При этом исследователь указывает на тот факт, что многие частицы современного английского языка по своей морфологической форме могут совпадать с наречиями, прилагательными и др., но при этом они не обозначают признаков, свойств или качеств. Что касается классификации частиц на функционально-семантическом уровне, следует отметить, что она представляется довольно спорной вследствие многозначности исследуемых лексических единиц [Камянова, 2017, с. 597].

При классификации частиц в современном английском языке учитывается смысловое значение, но следует обратить особое внимание на тот факт, что одна и

та же лексическая единица может входить в разные группы. Кроме того, формообразующая частица *to* и отрицательные частицы рассматриваются отдельно. По своему значению частицы в современном английском языке могут быть разделены на следующие группы:

1) **выделительно-ограничительные частицы** (англ. *the Limiting Particles*), служащие логическому выделению слов или словосочетаний в структуре высказывания, например: *only, just, but, alone, solely, merely, barely* и др.;

2) **усилительные частицы** (англ. *the Intensifying Particles*), служащие усилению значений слов или словосочетаний в высказывании, например: *even, just, yet, still, only, quite, simply, all* и др.;

3) **уточняющие частицы** (англ. *the Specifying Particles*), служащие уточнению содержания высказывания в целом, например: *just, right, exactly, precisely* и др.;

4) **соединительные частицы** (англ. *the Connecting Particles*), служащие установлению логической смысловой связи в значении тождественности или дополнительности, например: *also, too*;

5) **отрицательные частицы** (англ. *the Negative Particles*), служащие образованию отрицательных значений, например: *not* и *never*;

6) **формообразующая частица** *to*, которая выполняет функцию образования грамматической формы инфинитива [Камянова, 2017, с. 598].

Таким образом, при рассмотрении классификаций данного лексико-грамматического класса в современном английском языке можно сделать вывод о том, что большинство исследователей выделяют частицы в самостоятельную часть речи, отграничивая их от наречий, местоименных наречий, прилагательных и собственно местоимений.

Как было сказано выше, в современной испанистике лишь в некоторых исследованиях частицы выделяются в особую часть речи. Среди испанских лингвистов Р. Ленц первый указал на необходимость включения в классификацию частей речи таких лексем, как *pues, conque, tan sólo, sin embargo, sí, verdad que*,

vamos, vaya, oye, и предложил назвать их **эмфатическими частицами** (выделено нами. – А. К.). Однако отметим, что многие испанские исследователи (А. Бельо, Р. Х. Куэрво, Х. Рока Понс, Р. Секо, С. Хили-и-Гайа и др.) не считают частицы самостоятельной частью речи и обычно включают их в разряд наречий [Олтиев, 1992, с. 5].

Как видим, составление инвентаря коммуникативных частиц современного испанского языка в действительности представляет очень трудную задачу, так как **частицы часто схожи с другими частями речи**, например:

- с глаголом – *vaya*;
- с наречиями – *aun, exactamente, exclusivamente, justamente, precisamente, solamente, sólo*;
- с союзами – *pero, pues*;
- с предлогом – *hasta*.

Кроме того, отметим, что частицы могут также иметь **форму словосочетания**, например: *sí que, pues sí*.

Класс частиц как отдельную часть речи в испанском языке выделяют в основном отечественные лингвисты (В. С. Виноградов, С. И. Канонич; Т. Ж. Олтиев; Я. А. Онищенко, А. Павличкова, А. Е. Купцов и др.), причем в него обычно, как и в современном английском языке, включается не более двадцати слов, инвентарь которых у разных авторов различен.

В. С. Виноградов справедливо акцентирует внимание на том, что частицы не способны выражать, подобно предлогам и союзам, отношения между словами, они служат для того, чтобы внести дополнительные смысловые оттенки значению других слов, словосочетаний или же целых высказываний. По мнению исследователя, частицы в современном испанском языке своим происхождением связаны с такими частями речи, как союзы, местоимения, наречия, глаголы и могут обладать усилительно-ограничительным, эмоциональным, модальным и другими значениями [Виноградов, 2008, с. 267].

Т. Ж. Олтиев также считает, что частицы, представляющие собой класс служебных слов в современном испанском языке, вносят, главным образом, дополнительные оттенки (*выделение, усиление, ограничение, оттенки эмоционально-экспрессивного характера*) в значение самостоятельных слов и словосочетаний. К этим частицам нельзя поставить вопрос, так как они не выполняют функцию членов предложения. Частицы, полагает Т. Ж. Олтиев, не являются обязательным элементом в синтаксической структуре предложения, их можно исключить, и при этом общий смысл предложения-высказывания не изменится, однако при этом исчезнет тот дополнительный оттенок, который они сообщают всему высказыванию [Олтиев, 1992, с. 7].

В соответствии с функциональным диапазоном частиц Т. Ж. Олтиев выделяет следующие **разряды частиц в современном испанском языке**:

- 1) **усилительные частицы**: *aun, hasta, incluso, siquiera, ni siquiera, ni aun, pues, pues sí, sí, sí que*;
- 2) **выделительно-ограничительные частицы**: *sólo, solamente, precisamente, justamente, exactamente, exclusivamente*;
- 3) **восклицательные частицы**: *vaya, pero*;
- 4) **вопросительная частица**: *acaso*.

Следует особо подчеркнуть, что каждая частица имеет свою определенную сферу речевого употребления и может менять свое значение в зависимости от определенного контекста и ситуации. Так, например, усилительные частицы связаны с усилением смысловой нагрузки слова, словосочетания или целого высказывания. Ряд частиц используются для усиления эмоциональной выразительности, например, *sí, sí que, pues, incluso* и т. д. Общим семантическим свойством усилительных частиц является усиление, однако в семантике этой группы частиц имеются возможности для передачи других значений: они уточняют слова, словосочетания или высказывания [Олтиев, 1992, с. 6-7].

В разработанной классификации частиц современного испанского языка А. Павличкова отмечает, что частицы придают разнообразные оттенки

лексическому значению отдельных слов, словосочетаний или целых предложений-высказываний. На основе данного признака исследователь выделяет **следующие разряды частиц в современном испанском языке:**

- 1) **отрицательные частицы:** *no, ni*;
- 2) **усилительные частицы:** *ni, sí*;
- 3) **рестриктивная частица:** *sino*;
- 4) **модальные частицы:** *no, pues, si*;
- 5) **вопросительная частица:** *si*.

Исследователь справедливо отмечает, что при правильной классификации частиц необходимо ориентироваться на морфо-синтаксический анализ служебных слов, а также на их семантический фактор, иначе классификация не может быть исчерпывающей и полной [Павличкова, 1993, с. 38-40].

Помимо вышеприведенной семантической классификации частиц испанского языка, в лингвистической литературе также известны классификации, в которых за основу выделения исследуемых языковых средств взят другой классификационный признак – особенности функционирования частиц. Так, Я. А. Онищенко предлагает **классификацию частиц в современном испанском языке**, в основу которой положены функциональный и семантический критерии:

- 1) **модальные частицы;**
- 2) **логико-смысловые частицы;**
- 3) **эмоционально-экспрессивные частицы.**

При этом Я. А. Онищенко уточняет, что **модальные частицы** неоднородны по своему значению, они обладают коммуникативно-прагматическими функциями, могут выражать *утверждение, запрещение, вежливость* и т. д.: *no, ni, sí, pues, sólo, aun, quizá, quizás* и т. д. **Логико-коммуникативные частицы** в современном испанском языке выполняют функцию передачи различных смысловых значений в высказывании: *sólo, ya, aún, pero*. **Эмоционально-экспрессивные частицы** выражают эмоциональные характеристики компонента

(удивление, восторг, интерес, тревогу): *sí, no, ni, que, ya, aun, y, pero, hasta* [Онищенко, 1995, с. 16].

Известный исследователь испанского языка С. И. Канонич отмечает, что лексические частицы выражают различные модальные значения, уточняют логическую связь между частями высказывания, усиливают, ограничивают значение отдельного слова или словосочетания, высказывания. В соответствии с их значением С. И. Канонич выделяет **следующие классы лексических частиц в современном испанском языке:**

- 1) **модальные лексические частицы:** *seguramente, en efecto, posiblemente, sin duda, ojalá, quizá, quizás* и др.;
- 2) **логические частицы:** *pero, primeramente, mientras tanto, entonces, al contrario* и др.;
- 3) **усилительные частицы:** *en absoluto, hasta, sobre todo, siquiera, propio, mismo* и др.;
- 4) **ограничительные частицы:** *algo, casi, solamente, por lo menos, sólo, no más que* и др. [Канонич, 1991, с. 132]

Таким образом, можем сделать вывод о том, что частицы в современном испанском языке представляют собой самостоятельный класс служебных слов, которые выражают разнообразные значения и могут одновременно входить в несколько классификаций, отражая **коммуникативно-прагматические функции.**

Что касается таксономического разнообразия разрядов частиц в русском языке, отметим, что в современной лингвистической литературе существует несколько определений данного класса слов.

Так, согласно энциклопедии русского языка, **частицы** – это класс слов, которые выражают многообразные отношения, реализующиеся в акте речи или тексте [Караулов, 1997, с. 620].

В лингвистическом энциклопедическом словаре **частицы** определяются как разряд неизменяемых *служебных слов*, участвующих в выражении форм

отдельных морфологических категорий, входя в состав слов («не кто», «кто-то», «дай-ка»), либо присоединяясь к слову («пошел бы», «да будет», «пошел было» и т. п.), передающих коммуникативный статус *высказывания* (вопросительность – «разве», «ли», «неужели»), отрицательность – «не», «ни»), а также выражающих отношение высказывания и/или его автора к окружающему контексту, выраженному или подразумеваемому: так называемые модальные частицы («только», «и», «даже», «еще», «уже», «ведь», «же», «тоже» и т. п.) [Ярцева, 1990, с. 579].

В «Современном русском языке» данный класс частей речи определяют следующим образом: **«Частицы** – служебные слова, которые придают дополнительные смысловые, модальные, эмоциональные оттенки предложениям и отдельным словам или служат для выражения различных грамматических отношений [Розенталь, 2010, с. 277].

По справедливому мнению В. В. Виноградова, преобладающее большинство частиц в современном русском языке обнаруживает в своем значении модальные оттенки и тяготеет к категории модальных слов [Виноградов, 1986, с. 545].

При определении функционального статуса частиц в современном русском языке Т. М. Николаева выделяет **следующие типы частиц**:

- 1) **эмфатические**, которые передают интерес, удивление, симпатию и т. д.;
- 2) **усилительные**, которые являются показателями смыслового веса слова или высказывания;
- 3) **актуализирующие**, которые конкретизируют слово в контексте;
- 4) **частицы-рематизаторы**, которые усиливают, подчеркивают слово или высказывание [Николаева, 2005, с. 77-81].

Так, например, в «Русском языке (Грамматическое учение о слове)» выделяются **следующие разряды частиц по семантическому признаку**:

- 1) **усилительно-ограничительные частицы**: *да, даже, ведь, во, все, единственно, еще, и, исключительно, уж, о, -то* и др.

Данная группа частиц выделяет или усиливает слово, словосочетание или полностью все высказывание, придавая ему большую выразительность и убедительность. Усилительно-ограничительные частицы являются показателями смыслового веса слова, словосочетания или всего высказывания в целом;

2) **присоединительные частицы:** *все, и то, к тому же, притом, также, тоже* и др.

Следует отметить, что данная группа лексем устанавливает соотношения и связи между предметами мысли, элементами речи, синтаксически разъединениями;

3) **определительные частицы:** *именно, как раз, точь-в-точь* и др.

Данные частицы служат для усиления, ограничения, определения и уточнения того или иного слова;

4) **указательные частицы:** *вот, вон, это, оно* и др.

Данная группа частиц служит для указания на предметы и явления внешнего мира, а также для связывания и указательного подчеркивания отдельных слов или словосочетаний в высказывании;

5) **неопределенные частицы:** *то, либо,нибудь* и др.

Неопределенные частицы придают значение неопределенности тем словам или словосочетаниям в синтаксической структуре предложения, к которым они примыкают;

6) **количественные частицы:** *почти, приблизительно, ровно, точно, чуть не* и др.

Необходимо отметить, что в русском языке данные лексические единицы еще не обособились резко от наречий, образуя гибридные типы слов ("наречий-частиц");

7) **отрицательные частицы:** *не, ни.*

Отрицательные частицы выражают разнообразные оттенки *отрицательной окраски, оттенки противоположности, недостаточности, количественного ограничения* и др. В связи с *не* частица *ни* получает усилительное значение;

8) **модальные частицы.** В свою очередь, данная группа частиц подразделяется на следующие типы:

а) **модально-приглагольные частицы:** *бы, -ка, ну* и др.

Данные частицы передают модальные значения возможности, условности, желательности;

б) **вопросительные частицы:** *ли, разве, неужели* и др.;

в) **восклицательно-вопросительные частицы:** *что за;*

г) **частицы, выражающие недоверие к чужой речи:** *будто;*

д) **частицы, выражающие недоверие к чужим утверждениям и характеристикам (якобы);**

е) **частицы, вводящие чужую речь:** *мол, де* и др.;

9) **частицы-связки:** *это, как.*

Данная группа частиц современного русского языка употребляется в значении логических связок [Виноградов, 1986, с. 546-554].

Итак, из вышеприведенной классификации частиц видно, что исследуемый лексико-грамматический класс слов в современном русском языке выполняет многообразные функции, а границы самого класса частиц не определены. Подобная размытость семантики исследуемых лексических единиц языка является их особенностью, так как они обозначают отношения, характер которых неоднороден, а факторы, формирующие эти отношения, так разнообразны, что раскрытие семантики частиц представляется довольно трудной задачей. Следует также отметить, что вышеприведенная семантическая классификация охватывает весь класс частиц, но, тем не менее, она не отражает всех свойств данного лексико-грамматического класса слов.

Таким образом, можем сделать вывод о том, что частицы в современном английском, испанском и русском языках представляют слова, которые имеют самые разнообразные параметры и могут одновременно входить в несколько классификаций. При исследовании частиц как лексических единиц языка в их системе обнаруживается большое количество пересекающихся подклассов,

которые связаны между собой самыми различными отношениями. Таким образом, можем с уверенностью говорить о том, что проблема классификации частиц и их выделения в разноструктурных языках в современном языкознании решается по-разному. Тем не менее, основной функцией частиц является конкретизация высказывания. Как показал обзор приведенных в работе классификаций частиц и их функционирования, исследуемые лексические единицы обладают рядом универсальных и национально-специфических черт в разных языках и лингвокультурах, что дает исследователю возможность проведения успешного сравнительно-сопоставительного анализа.

Принципиальное свойство частиц – это их коммуникативная свобода, самостоятельность и мобильность, частицы входят в синтаксические конструкции и реализуются в пределах предложения (высказывания), являясь полифункциональными лексическими единицами языка. В рамках предпринятого диссертационного исследования под мобильностью частиц понимается способность их передвижения в предложении, их препозитивное и постпозитивное положение относительно слова, к которому данные лексические единицы языка примыкают.

1.2. Проблема описания и изучения семантического и прагматического потенциала частиц

Растущий интерес к частицам связан с бурным развитием функционального синтаксиса, семантики, лингвистики текста, теории пресуппозиции, интереса к коммуникативной стороне речи. Как отмечает И. А. Мельчук, если раньше семантика не стояла в центре интересов лингвистики, сфера языковых значений трактовалась как «плохо поддающаяся системному (= научному) описанию» [Мельчук, 1999, с. 53], то во второй половине XX – начале XXI вв. ситуация кардинально меняется. Поскольку исследование частиц связано с изучением их семантики, в настоящее время данные лексические единицы языка начинают активно изучаться. По справедливому мнению И. М. Кобозевой, частицы

помогают лингвистам «продемонстрировать возможности новых семантических теорий» [Кобозева, 1991, с. 147].

Представляется довольно сложной задачей также определить семантику частиц, так как они обозначают субъективные оттенки значения, которые вносит говорящий/ пишущий (адресант), и служат для акцентирования или ограничения некоторых моментов в высказывании. Так, заметим, что многие вопросы о наличии у частиц лексического значения могут решаться по-разному в зависимости от определения значений частиц. Многие лингвисты придерживаются мнения о том, что частицам не присуще собственное лексическое значение (Н. Ю. Шведова, Ю. Г. Скиба и др.). С другой стороны, употребление различных частиц по-разному влияет на смысл предложения-высказывания, то есть каждая частица имеет собственное значение.

По мнению Н. Ю. Шведовой, частица способна выполнять роль синтаксического форманта, только функционируя в высказывании, т.к. она обладает конкретным модальным значением. Таким образом, исследователь указывает на то, что частицы не имеют самостоятельного лексического значения вне предложения-высказывания, делая при этом акцент на синтаксические функции частиц. Эти лексемы, реализуя свои синтаксические функции, участвуют в формировании нового модального значения предложения-высказывания, взаимодействуя со знаменательными словами [Шведова, 1960, с. 18].

Т. Ж. Олтиев делает акцент на том, что с «позиции современной семантики значения частиц должны описываться как операция над смыслом целого предложения-высказывания, то есть речевого акта, в котором находится данное предложение. Семантическая функция частиц заключается в расширении конкретно-лексического содержания высказывания» [Олтиев, 1992, с. 7].

А. Т. Кривоносов в работах, посвященных немецким модальным частицам, также признает отсутствие у частиц самостоятельного лексического значения. Исследователь полагает, что это значение выявляется только в составе предложения-высказывания и является не значением модальной частицы, а

модальным значением всего предложения-высказывания, которое приобретает благодаря взаимодействию с частицей [Кривоносов, 1982, с. 49-50].

Т. М. Николаева указывает на тот факт, что с каждой частицей связан определенный набор сем, и каждая частица соответствует определенному контексту, при этом, далеко не все контексты, даже для близких по семантике частиц, взаимозаменяемы. Анализ функциональной семантики исследуемых лексических единиц позволяет сделать вывод о том, что каждая частица обладает своим индивидуальным значением. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что частицы вносят в предложение-высказывание некоторую дополнительную информацию, что является одной из самых существенных особенностей исследуемых лексических единиц языка. Таким образом, для описания частиц Т. М. Николаева вводит иерархию типов «скрытой семантики», в рамках которой предлагается учитывать следующие **шесть параметров для раскрытия семантики частиц**:

- 1) определение отношения говорящего к сообщаемому;
- 2) внесение характеристик в основную ситуацию;
- 3) сообщаемое и генерализация;
- 4) выявление других объективных факторов;
- 5) сообщение и норма;
- 6) сообщение об отношении высказывания к контексту.

Исследователь описывает значение частиц через функции, выявляющие ту или иную категорию «скрытой семантики» и связывает её с отношением к нормативным частицам человеческого существования. По наблюдениям ученого, эта функция присуща частицам *еще, уже, даже, только* в русском языке и некоторым другим [Николаева, 1985, с. 85-87].

Однако В. В. Виноградов считает, что частицы не имеют вполне самостоятельного реального и материального значения, а их лексические значения совпадают с их грамматическими или экспрессивно-стилистическими функциями [Виноградов, 1986, с. 544].

Говоря о лексических и грамматических значениях, различие между грамматическим и лексическим значениями следует искать не в характере стоящих за ними понятий, а в особом модусе существования каждого из них. Здесь релевантны следующие признаки грамматического значения:

- семантическая неавтономность,
- синтаксическая несамостоятельность,
- морфологическая слитность с показателями лексического значения,
- обязательность употребления [Никитин, 2007, с. 66-67].

Таким образом, как видим, современные исследователи данных лексических единиц учитывают неоднозначный и довольно сложный характер их семантики. Каждая частица имеет свое индивидуальное значение, т.е. обладает собственной семантикой (семантический аспект), и своим функциональным потенциалом, действия которого распространяются на уровни языковой реализации: на уровень высказывания, на уровень текста, на уровень синтаксической конструкции (функциональный аспект) [Николаева, 1985, с. 28-31].

В функциональном аспекте рассматриваются также и прагматические особенности частиц, так как их существование прежде всего связано с выполнением ими определенных коммуникативных функций в составе высказывания. По мнению многих лингвистов, содержательную сущность частиц составляет именно прагматика, то есть выражение отношения говорящего (адресанта) к речевому акту и его участникам. Как полагает Е. В. Падучева, именно частицы являются одним из первичных способов передачи субъективных значений – наряду с другими «периферийными» разрядами слов (вводными словами, междометиями и др.), а также порядком слов, просодией, специальными морфемами [Падучева, 1996, с. 215-217].

Итак, семантическая и прагматическая близость подходов к описанию и изучению частиц является очевидной, при этом, следует отметить, что прагматический подход связан прежде всего с семантическим, то есть описать то

или иное значение частицы представляется возможным только исходя из ее прагматических свойств.

Согласно современным исследованиям, частицы обладают разными возможностями в выражении «субъективного», так как передают различные субъективно-модальные значения, и в логическом анализе являются непригодными для определения и описания их семантики. Т. М. Николаева рассматривает семантику модальных частиц в виде субъективной части, то есть говорящий (адресант) выражает собственное отношение, и в виде объективной части, соотносящейся с нормой и с генерализацией [Николаева, 2000, с. 92].

И. М. Кобозева, исследуя семантику частиц, выделяет объективные типы значений, то есть учет информации, дополнительной по отношению к сообщаемому, и субъективные типы значений, то есть выражение отношения говорящего (адресанта) к сообщаемому в терминах разного рода оценок [Кобозева, 1991, с. 157].

Целесообразно отметить, что современные исследователи считают целесообразным и справедливо предлагают интегрировать точки зрения И. М. Кобозевой и Т. М. Николаевой относительно семантики исследуемых лексических единиц языка – частиц – и рассматривать субъективную и объективную части:

- а) с широким культурным контекстом, создающим общий фонд знаний для пишущего (адресанта) и читающего (адресата);
- б) с системой возможных событий/ ситуаций;
- в) с реализовавшимися другими событиями/ ситуациями.

Именно такой подход к описанию частиц является целесообразным, так как он «позволяет глубже проникнуть в своеобразное устройство семантики частиц» [Бирюкова, 2007, с. 21].

Итак, как видим, частицы могут выражать отношение говорящего (адресанта) к высказыванию, выделяя тот или иной компонент высказывания, вносить различные смысловые оттенки, что связано с их контекстуальной

обусловленностью. Семантика частиц прежде всего проявляется в их функциях и включает в себя прагматические компоненты и элементы объективной информации, что делает частицы важнейшим средством организации связного текста.

Таким образом, можем сделать вывод о том, что, с одной стороны, значение частиц определяется высказыванием, в частности его коммуникативной целеустановкой, а с другой, что важно в рамках данного исследования, – частицы придают некоторые дополнительные смысловые оттенки всему высказыванию, в котором они функционируют. В целом значение частиц можно охарактеризовать как коммуникативное, являющееся дополнительным к содержанию высказывания, то есть основным назначением частиц является их участие в организации высказывания и всего процесса коммуникации.

1.3. Частицы как языковые средства актуализации коммуникативной организации высказывания

Наряду с традиционным номинативным делением предложения в лингвистике была выдвинута идея так называемого актуального (коммуникативного) членения предложения. Цель актуального членения – выявить коррелятивную значимость частей предложения с точки зрения их фактической информативной роли в высказывании, то есть раскрыть его информативную перспективу.

Ряд отечественных и зарубежных исследователей (Гак, 2004, Распопов, 1970, Реферовская, 2007, Рылов, 2007, Хэллидей, 1978, Чейф, 1975, Gutiérrez-Rexach 2016 и др.) указывают на тот факт, что высказывание представляет ход мысли от известного (тема), который сформулирован говорящим/ пишущим (адресантом), к тому, что еще не известно, ново (рема). Формируя сообщение, говорящий/ пишущий (адресант) обязательно учитывает знания слушателя/ читателя (адресата) о предмете данного высказывания.

Специфика грамматического строя языков определяет функциональные характеристики средств выражения актуального (коммуникативного) членения предложения. Считаем необходимым отметить, что в языках синтетического строя, к которым относится и русский язык, коммуникативная функция подчиняет себе грамматическую функцию, так как порядок слов в этих языках функционирует, как правило, на уровне актуального членения предложения. Данная особенность объясняется наличием в языках синтетического строя ярко выраженной морфологической структурой и развитой системой личных и падежных окончаний [Адамец, 1999; Гак, 2004; Купцов, 2017а и др.].

В языках же аналитического строя, к которым относятся английский и испанский, вследствие минимальной морфологизации частей речи каждый синтаксический компонент (член) предложения имеет фиксированное расположение, определяемое его синтаксическим выражением, связями с другими словами и типом предложения. Таким образом, можем сказать, что, следуя правилам фиксированного расположения синтаксических компонентов предложения, порядок слов в аналитических языках выполняет функцию средства передачи грамматических отношений. Следует отметить, что для языков аналитического строя характерны следующие лексико-синтаксические средства:

- синтаксические конструкции,
- сегментированные предложения,
- предложения с выделительными оборотами и др.

Маркируя рему в предложении-высказывании, приведенные выше грамматикализованные конструкции обладают коммуникативной направленностью [Гак, 2004; Купцов, 2017а; Реферовская, 2007; Слюсарева, 1981; Шевякова, 1980].

Кроме того, отметим, что порядок слов в языках аналитического строя, относящийся к фиксированному расположению синтаксических компонентов в предложении-высказывании, является эффективным способом выражения актуального членения, так как отображается одновременно на двух уровнях

структуры предложения, то есть на синтаксической (предложение) и коммуникативной (высказывание) структуре. Однако следует отметить, что роль порядка слов на этих двух уровнях неодинакова – синтаксическая функция зависит от коммуникативной функции. Коммуникативная нагрузка определяет местоположение того или иного члена предложения в процессе акта коммуникации. Так, например, подлежащее, занимающее в предложении конечную позицию, выполняет функцию ремы; дополнение, занимающее в предложении начальную позицию, является темой; обстоятельство-тема помещается в начале предложения, а обстоятельство-рема в конце предложения [Гак, 2004; Матезиус, 1967; Реферовская, 2007; Рылов, 2007; Слюсарева, 1981 и др.].

Частицы обладают актуализирующей функцией, конкретизируя определенное слово или словосочетание в контексте высказывания, а частицы-рематизаторы способны усиливать и подчеркивать отдельное слово, словосочетание или высказывание в целом [Николаева, 2005, с. 77-81].

Таким образом, можем сделать вывод о том, что среди универсальных средств выражения коммуникативной структуры предложения-высказывания, таких как порядок слов, специальные выделительные синтаксические конструкции, артикль, интонация, фразовое ударение, особое место занимают частицы, которые относятся к числу самостоятельных лексических единиц, отличающихся ярко выраженной коммуникативной направленностью.

Обращает внимание на себя также тот факт, что среди ученых-лингвистов возникают расхождения при определении роли частиц в актуальном членении предложения: одни исследователи считают, что все частицы выделяют рему предложения-высказывания (И. М. Копыленко), другие рассматривают частицы как показатели ремы и темы предложения-высказывания (М. Г. Щур). Как показывают исследования фактического материала, частицы, как правило, выделяют рему высказывания, так как появление их в предложении всегда сопряжено с некой новой, дополнительной информацией.

Частицы способны передавать различные коммуникативные значения. Так, с их помощью адресант может выражать не только коммуникативное намерение в соответствии с конкретной речевой ситуацией, но и свои эмоции. Частицы также являются эффективным средством различения тематических и рематических компонентов высказывания. А. Вежбицкая справедливо подчеркивает идею о том, что «...частицы обладают способностью выразить минимальной ценой весь комплекс прагматических значений» [Вежбицкая, 1976, с. 327].

Как уже отмечалось выше, частицы не имеют фиксированного места в структуре предложения-высказывания и могут присоединяться к разным членам предложения, принося каждый раз дополнительный оттенок в содержание определенного сообщения. Важно также заметить, что данная группа слов притягивает к себе интонационное ударение, акцентируя ту часть высказывания (тему или рему), к которой она относится. Частицы являются «своеобразными качественными показателями смыслового веса слова или высказывания в целом» [Виноградов, 1986, с. 546].

Отечественный лингвист Е. Г. Борисова приходит к выводу о том, что частицы обладают лексическим значением, для которого характерно отражение коммуникативной организации высказывания – прагматическая информация. В семантику частиц входит «информация о том, насколько то или иное сообщение оказывается новым, неожиданным для слушателя». Данная информация непосредственно связана с коммуникацией, поэтому относится к коммуникативной организации высказывания [Борисова, 1990, с. 115].

Действительно, частицы обладают способностью передавать самые разнообразные коммуникативные характеристики сообщения-высказывания: частицы могут быть *акцентирующими, выделительными, экспрессивными*. Кроме того, частицы способны выражать определенное отношение говорящего (адресанта) к слушателю (адресату), а также к описываемой ситуации, намерения и эмоции говорящего (адресанта), то есть исследуемые лексические единицы могут передавать несколько коммуникативных линий одновременно [Николаева,

2005, с. 3-7]. Таким образом, как заключает А. Вежбицкая, «...частицы обладают всем комплексом прагматических значений» [Вежбицкая, 1976, с. 327].

Эту же идею встречаем в работах В. Г. Гака, который во французском языке выделяет дискурсивные слова (частицы), обладающие коммуникативно-прагматическими функциями, которые «отражают стратегию ведения разговора, позицию говорящего (адресанта) по отношению к сообщаемым фактам». Частицы служат достижению коммуникативной адекватности высказывания, а их употребление связано с прагматической ситуацией. Частицы выражают различные логические и грамматические значения в высказывании и в целом характеризуются полифункциональностью [Гак, 2004, с. 770].

В коллективной работе «Путеводитель по дискурсивным словам русского языка» авторы отмечают, что дискурсивные слова «обеспечивают связанность текста, <...> отражают процесс взаимодействия говорящего (адресанта) и слушающего (адресата), <...> выражают истинность и этические оценки пресуппозиции, мнения, сопоставляют и противопоставляют разные утверждения говорящего или говорящих друг с другом» [Баранов, 1993, с. 7].

По общему признанию исследователей, специальные выделительные слова и частицы предоставляют большие возможности для выражения коммуникативной структуры предложения-высказывания. Так, И. И. Ковтунова полагает, что «порядок слов и интонация являются главными, но не единственными выразителями актуального членения предложения. Дополнительным средством выражения актуального членения служат специальные слова и частицы, выделяющие или подчеркивающие тему или ремю» [Ковтунова, 2002, с. 11]. По мнению И. И. Ковтуновой, в русском языке тема обычно выделяется частицами *а* или *же*, а ремю выделяют частицы *только*, *лишь* и др. [Ковтунова, 2002, с. 11].

В своей работе «Коммуникативные стратегии русской речи» Т. Е. Янко также высказывает мысль о том, что некоторые частицы могут выступать не только в качестве показателей ремы, но и в качестве показателей темы [Янко,

2001, с. 54]. Кроме того, по мнению Т. Е. Янко, некоторые частицы способны формировать в устной речи «эмфатическую коммуникативную составляющую», являющуюся результатом действия особой коммуникативной стратегии говорящего [Янко, 2001, с. 56].

В. Е. Шевякова также отмечает, что слова с выделительно-ограничительным значением, например, (рус.) *именно, только, как раз*, (англ.) *only, namely, just*, (нем.) *nur, wirklich*, являются эффективными способами ремовыражения [Шевякова, 1980, с. 59]. К. Г. Крушельницкая тоже выделяет специальные средства выражения коммуникативной нагрузки предложения-высказывания. По мнению ученого, в русском языке функцию выделения нового в предложении-высказывании выполняют так называемые усилительные слова или частицы, такие, например, как: *даже, и, именно, это* и др. [Крушельницкая, 1956, с. 61].

Следует отметить, что частицы в предложении-высказывании, как правило, действуют вместе с логическим ударением, благодаря чему отдельные слова или сочетания слов выделяются в начале предложения-высказывания и представляют рему высказывания. В то же время, исследователь подчеркивает, что в ряде случаев частицы способны указывать и на характер связи данного предложения с контекстом, и в зависимости от этой связи акцентируемый член предложения может обозначать как рему, так и тему высказывания [Распопов, 2009, с. 166-167].

В своих исследованиях Т. Ж. Олтиев и Т. Н. Филиппова также приходят к выводу о том, что одной из основных функций частиц является выделение того или иного компонента (члена) предложения-высказывания в качестве ремы [Олтиев, 1992, с. 7; Филиппова, 1996, с. 17].

М. Г. Щур, исследовавшая роль частиц в коммуникативной организации высказывания, приходит к выводу о том, что частицы являются лишь дополнительным средством актуального членения, поскольку тема-рематическое членение высказываний с частицей и без нее совпадает. В то же время наличие частиц, подчеркивает исследователь, в значительной степени усиливает актуализацию. Помимо этой функции, М. Г. Щур выделяет еще одну функцию –

функцию выражения контрастивности. (курсив наш. – А. К.). Таким образом, на основе проведенного анализа предложений-высказываний с частицей **только** исследователь приходит к разграничению двух основных значений признака «данности», что можно рассматривать как свидетельство того, что функция частицы **только** в формировании коммуникативной структуры высказывания не ограничивается лишь ролью актуализаторов [Щур, 1988, с. 74].

Отечественный исследователь Н. В. Доброва, занимающаяся исследованием коммуникативной функции частиц в предложении в чувашском языке, также отмечает, что в русском языке для выражения коммуникативного членения предложения частицы выступают в качестве дополнительного средства актуализации, а в тюркских языках, наряду с порядком слов, они представляют основные языковые средства, выделяющие коммуникативные компоненты, то есть тему и рему предложения [Доброва, 2001, с. 58].

Н. В. Иванов полагает, что логические частицы, эмфатизаторы, как формальные маркеры используются при интенсификации неэкспрессивных значений [Иванов, 2010, с. 169]. Заметим, что к экспрессивным маркерам исследователь относит средства эмфатизации высказывания частицы **именно, вот** в русском языке и частицы **oxalá, eis** в португальском языке [Иванов, 2010, с. 176].

Следует обратить внимание на тот факт, что частицы также играют значительную роль в коммуникативно-синтаксической организации предложения в поэтическом тексте. В поэтическом тексте частицы выделяют, как правило, рему предложения-высказывания. При этом, отмечает исследователь, достаточно часто они служат единственным показателем рематического характера того или иного синтаксического компонента, особенно в тех случаях, когда данный компонент (подлежащее, дополнение, обстоятельство и т. д.) занимает в предложении-высказывании начальную позицию [Рябова, 2011, с. 127-128].

С. И. Тухватулина определяет частицы как дополнительные (вспомогательные) средства выражения, которые помогают определить главные

члены предложения, если это затруднительно сделать даже в контексте [Тухватулина, 2016, с. 22].

Следует также выделить синтаксические конструкции с отделительными частицами (изолянтами) *en cuanto a...*, *cuanto a...*, *en lo que toca a...*, *en lo que concierne a...* в испанском языке и *что касается...*, *то...* в русском языке, то есть сегментированные конструкции с препозитивной темой в предложении-высказывании. Многие исследователи языка (В. А. Белошапкина, В. Г. Гак, В. Б. Касевич, И. И. Ковтунова, Ю. А. Рылов и др.) полагают, что данные специальные синтаксические конструкции выражают актуальное членение предложения, так как в них тем или иным средством/ средствами маркируется тематический характер синтаксического компонента в предложении-высказывании.

В настоящем диссертационном исследовании, а также в работах, опубликованных ранее, поддерживается точка зрения исследователей языка, которые считают, что частицы как средства выражения коммуникативного членения предложения в английском, испанском и русском предложении-высказывании художественного дискурса способны актуализировать как рему, так и тему в предложении-высказывании [Купцов, 2011, с. 194; Купцов, 2017а, с. 196; Купцов, 2021а, с. 125].

Важность изучения коммуникативной функции частиц объясняется также тем, что при передаче предложения с одного языка на другой частицы способствуют адекватной передаче актуальной информации, заключенной в высказывании, поскольку являются универсальными лексическими средствами коммуникативной организации предложения, позволяющими четко различать тему и рему [Гак, 2010, с. 209].

Функционирование частиц как индикатора коммуникативного центра высказывания тесно сопряжено с действием других ремовыделительных языковых средств. Так, точка зрения В. Е. Шевяковой является справедливой в том, что в предложении ремоиндуцирующей является конечная позиция, причем как при

прямом, так и при инвертированном порядке слов [Шевякова, 1980, с. 96-103]. В то же время закрепление ремы за конечной позицией отнюдь не исключает возможности расположения ремы в другой – неремовыделительной – позиции – начальной, срединной, предконечной. Но в тех случаях, как полагает В. Е. Шевякова, рема идентифицируется не по ее расположению в высказывании, а с помощью интонации – в устной речи и других грамматических или лексических показателей, а также на основе контекста – в письменной речи [Шевякова, 1980, с. 103-111].

Глубинный порядок следования темы и ремы затемняется в поверхностной структуре предложения, что и приводит к необходимости использования различных маркеров ремы [Koktova, 1986, с. 20].

На основании вышеизложенного можем предположить, что маркированной позицией, выявляющей ремовыделительную функцию частиц, является отнесенность частицы к неконечному компоненту высказывания как при прямом, так и при инвертированном порядке слов.

Частицы, как известно, являются формальными средствами выделения темарематического членения предложения. Частицы «сами как класс обладают специфической функцией, совпадающей именно с той нагрузкой, которая приписывалась акцентному выделению» [Николаева, 2010, с. 57].

Таким образом, коммуникативный аспект любого предложения-высказывания характеризуется актуализацией его определенных частей (составляющих). Каждый язык обладает довольно развитой системой средств выражения коммуникативной структуры предложения-высказывания. Частицы как средства выражения коммуникативного членения предложения способны маркировать и рему (новое), и тему (известное) в предложении-высказывании, то есть являются универсальными средствами репрезентации актуальной информации. Частица, прикрепляясь к части/компоненту предложения, способна выделять его, а также сосредотачивать внимание на той реалии, которую данный

компонент обозначает, таким образом частица акцентирует логически сильно выделенный компонент в предложении-высказывании.

1.4. Различные подходы к определению понятия «дискурс» и его основные характеристики

Современная лингвистика признает тот факт, что понятие «дискурс» определяется как сообщение, как познавательный процесс и социальное действие человека, участвующего в вербальном взаимодействии. По мнению ряда исследователей, **дискурс** – это сложное коммуникативное явление, включающее в себя экстралингвистические факторы, такие как, знания о мире, интересы, цели коммуникатора [Арутюнова, 1999; Бабаян, 2002; Бабаян, 2006а; Бабаян, 2017; Григорян, 2017; Дейк, 1989; Карасик, 2002 и др.]. Таким образом, можем сказать, что дискурс представляет собой чрезвычайно богатую область исследования, лежащую в основе гуманитарных и социальных наук. Анализ речи граничит и пересекается с собственно лингвистикой, психолингвистикой и психологией, а также социолингвистикой, социологией и антропологией, поэтому дать однозначное определение понятию «дискурс» представляется довольно сложной задачей.

Среди разнообразных существующих концепций относительно природы и сущности понятия «дискурс» следует обратить внимание на тот факт, что дискурс исследуется с разнообразных позиций, например, с точки зрения социолингвистического подхода, психолингвистического подхода, коммуникативно-ориентированного подхода, прагматического подхода [Бабаян, 2017, с. 79].

Лингвисты изучают различные аспекты дискурса и пытаются объяснить его разными способами, так как кладут в его основу разнообразные онтологические признаки. Так, например, Т. А. ван Дейк писал о детерминации дискурса: «Дискурс – это существенная составляющая социокультурного взаимодействия...» [ван Дейк, 1989, с. 53].

Ю. С. Степанов рассматривает дискурс как отражение *языковой и социокультурной реальности* и объясняет такое понимание тем, что **дискурс** является особым способом использования языка для выражения ментальности, что отражается в особой грамматике и правилах лексики и, в конечном счёте, создаёт особый «ментальный мир» [Степанов, 1995, с. 38-39].

А. Н. Мороховский высказывает мнение о том, что **дискурс** – это «последовательность взаимосвязанных высказываний» [Мороховский, 1998, с. 5]. В. А. Звегинцев под **дискурсом** понимает «два или несколько предложений, находящихся друг с другом в содержательной связи» [Звегинцев, 1976, с. 170].

Следует отметить, что на современном этапе развития лингвистики в единстве с понятием «дискурс» определяются понятие «текст». Так, В. В. Богданов указывает на тот факт, что речь и текст являются двумя неравнозначными сторонами дискурса. «Дискурс понимается как все, что говорится и пишется человеком, а, следовательно, термины «речь» и «текст» являются видовыми относительно родового понятия «дискурс» [Богданов, 1993, с. 5].

В. Г. Боротько детерминирует **дискурс** как текст, состоящий из различных коммуникативных единиц языка, то есть из предложений и их объединений в более крупные единства, находящиеся в непрерывной содержательной связи, и позволяет воспринимать его как целостное образование [Боротько, 1981, с. 8].

И. П. Сусов говорит о том, что «связные последовательности речевых актов называют стилем. Высказывание (или последовательность высказываний), что передается от говорящего к слушателю, становится текстом, когда оно оказывается зафиксированным письменно (или с помощью звукозаписывающего аппарата)» [Сусов, 2007, с. 40].

По К. М. Денисову, «**дискурс** представляет интерактивную деятельность участников общения, обмен информацией, оказание воздействия друг на друга, использование различных коммуникативных приемов, их вербальное и невербальное воплощение в практике общения» [Денисов, 2012, с. 127].

Под **дискурсом** понимается также и вербализованная речемыслительная деятельность, которая рассматривается как совокупность *процесса* и *результата* и обладает как лингвистическим, так и экстралингвистическим планами [Красных, 2001, с. 200]. Следует отметить, что М. Фуко также понимает дискурс как процесс и результат одновременно в виде устоявшихся способов, правил и логики обсуждения чего-либо (разговора) [Фуко, 1996, с. 72].

Таким образом, отметим, что с точки зрения *результата дискурс* – это совокупность текстов, сформированных в процессе коммуникации. В свою очередь, с точки зрения *процесса*, **дискурс** является вербализованной речемыслительной деятельностью. Так, В. В. Красных в определении понятия «дискурс» также указывает на «*вербализованную*» деятельность, отмечая, что дискурс обладает лингвистическим планом, то есть связанный с языком, и демонстрирует себя в языковых средствах, проявляясь в совокупности сформированных текстов, и лингвокогнитивным планом, то есть связанный с языковым сознанием, что определяет выбор языковых средств, оказывает влияние на порождение, а также на восприятие, текстов, выражаясь в контексте и пресуппозиции.

Считаем необходимым также отметить, что учёт социального статуса дискурса представляется довольно важным основанием. В «Большом энциклопедическом словаре. Языкознание» (1998) понятие «**дискурс**» рассматривается как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте. Это речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах сознания (когнитивных процессах). Дискурс – речь, “погруженная в жизнь”» [Ярцева, 1998, с. 136-137].

Некоторые исследователи дискурса как коммуникативного явления указывают на тот факт, что дискурс отражает интеракцию языковых личностей и детерминируют данный феномен как «речевое произведение, представляющее

собой отрезок «живой речи» и как «речевое воспроизведение в полноте его когнитивных и социокультурных характеристик» [Горелов, 2001, с. 147, 165].

С точки зрения *социолингвистики*, **дискурс** – это общение людей с позиции их принадлежности к той или иной социальной группе или применительно к той или иной типичной речеповеденческой ситуации, например, институциональное общение [Карасик, 2004, с. 233-234]. Институциональный тип дискурса, в свою очередь, включает в себя политический, дипломатический, административный, юридический, военный, педагогический, религиозный, медицинский, рекламный, научный и др. [Карасик, 2004, с. 200-208].

В концепции Т. А. ван Дейка отражено понимание дискурса как *коммуникативного события*, согласно которой «...дискурс, в широком смысле слова, является сложным единством языковой формы, значения и действия, которое могло бы быть наилучшим образом охарактеризовано с помощью понятия коммуникативного события или коммуникативного акта» [ван Дейк, 1989, с. 121-122].

Для того чтобы адекватно интерпретировать дискурсную информацию Т. А. ван Дейк вводит понятие прагматического контекста, указывая на то, что данное понятие «является теоретической и когнитивной абстракцией разнообразных физико-биологических и прочих ситуаций» [ван Дейк, 1989, с. 19]. Следует отметить, что схема такого прагматического понимания дискурса демонстрирует так называемый «исходный контекст коммуникации, то есть положение дел, которое потом при совершении речевого акта, неизбежно меняется» [ван Дейк, 1989, с. 21]. «К этому исходному тексту, – поясняет исследователь, – относятся не только события/ действия, происшедшие непосредственно перед речевым актом, но, вероятно, и информация, аккумулированная в отношении более “ранних” состояний и событий». Таким образом, можно заключить, что по Т. А. ван Дейку, **дискурс** – комплексное коммуникативное явление, включающее наряду с текстом внеязыковые факторы, которые влияют на его производство и восприятие [ван Дейк, 1989, с. 21].

Д. Шиффрин предлагает своё довольно интересное в целях настоящего исследования определение дискурса. Дискурс, по мнению исследователя, представляет собой «ингерентно контекстуализированные высказывания» – единицы устной или письменной речи [Schiffrin, 1994, с. 41]. Как видим, данное определение отражает *коммуникативно-функциональную парадигму* понимания дискурса.

С позиции *коммуникативно-ориентированного* подхода к изучению дискурса существует также и иное определение данному явлению: «**дискурс** – это сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста, еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимые для понимания текста» [Караулов, 1989, с. 8].

Теоретический анализ литературы показывает, что некоторые лингвисты указывают на необходимость выделения разновидностей дискурса. Так, в своих трудах Е. И. Шейгал подробно анализирует одну из разновидностей дискурса – институциональный дискурс. Данный тип дискурса, по мнению исследователя, «использует определенную систему профессионально-ориентированных знаков, или, другими словами, обладает собственным подязыком (специальной лексикой), фразеологией и паремиологией» [Шейгал, 2004, с. 14].

В. Н. Степанов рассматривает интенциональный дискурс на примере провокативного дискурса массовой коммуникации, за актом речи в котором скрываются реальные или имитируемые внутренние психологические состояния адресантов, с их помощью совершается воздействие на собеседника [Степанов, 2008, с. 21].

Что касается традиционной интерпретации понятия «дискурс», то Т. М. Николаева определяет его следующим образом: «**Дискурс** – многозначный термин лингвистики текста, употребляемый в значениях, почти омонимичных. Важнейшие из них:

- 1) связный текст;
- 2) устно-разговорная форма текста;

- 3) диалог;
- 4) группа высказываний, связанных между собой по смыслу;
- 5) речевое произведение как данность – письменная или устная»

[Николаева, 1978, с. 479].

Следует отметить, что обобщение этих трактовок содержится в словаре В. З. Демьянкова, который приводит следующее определение дискурса: «*Discourse* – дискурс, произвольный фрагмент текста, состоящий более чем из одного предложения или независимой части предложения. Часто, но не всегда, концентрируется вокруг некоторого опорного концепта; создает общий контекст, описывающий действующие лица, объекты, обстоятельства, времена, поступки и т. п., определяясь не столько последовательностью предложений, сколько тем общим для создающего дискурс и его интерпретатора миром, который «строится» по ходу развертывания дискурса, – это точка зрения «этнографии речи», ср. предлагаемый гештальтистский подход к дискурсу. Исходная структура для дискурса имеет вид последовательности элементарных пропозиций, связанных между собой логическими отношениями конъюнкции, дизъюнкции и т. п. Элементы дискурса: излагаемые события, их участники, перформативная информация и «несобытия», то есть а) обстоятельства, сопровождающие события; б) фон, поясняющий события; в) оценка участников событий; г) информация, соотносящая дискурс с событиями» [Демьянков, 1982, с. 7].

Г. А. Орлов считает, что **дискурс** является категорией естественной речи, выражаемой в виде устного/письменного речевого произведения относительно завершенного в смысловом и структурном отношении [Орлов, 1991, с. 14].

И. Беллерт приходит к мнению, что **дискурс** является связным текстом и интерпретирует данный языковой феномен как «последовательность высказываний S_1, \dots, S_n , в которой семантическая интерпретация каждого высказывания S_i (при $2 \leq i \leq n$) зависит от интерпретации высказываний в последовательности S_1, \dots, S_{i-1} » [Беллерт, 1978, с. 172]. В данном определении, как

видим, отражён логико-семантический аспект, и релевантная интерпретация высказывания требует знания предшествующего контекста.

Н. Ф. Алефиренко при интерпретации понятия «дискурс» опирается на *содержательный аспект*, определяя это языковое явление как «элементарную невербализованную единицу текста, представляющую сложное целое или выделяемое содержательное единство, которое на уровне языка реализуется в последовательности предложений, связанных между собой смысловыми отношениями» [Алефиренко, 2005, с. 298].

При определении понятия «дискурс» В. А. Кох также учитывает *содержательный аспект* дискурса, согласно которому «любой текст (части текста), который содержит проявления одного и того же конкретного мотива, будет считаться дискурсивным текстом». Следует отметить, что мотив – «простейшая динамическая смысловая единица повествования» (текста) и «расширительно устойчивая тема, проблема, идея» текста [Кох, 1978, с. 149-171].

М. Л. Макаров понимает **дискурс** как диалог, устанавливаемый по правилам *диалога* и вероятностным зависимостям. **Дискурс**, по мнению исследователя, представляет собой социальную «материю», где один речевой акт (РА) не может однозначно определить тип и свойства последующего речевого акта: он скорее задает условия, в которых появление того или иного продолжающего диалог акта будет более или менее ожидаемым, уместным, соответствующим нормам и правилам успешной коммуникации. Тип отношений в новой онтологии (дискурсивной онтологии Л. С. Выготского. – *А. К.*) не допускает однозначного детерминизма, он в большей степени характеризуется размытыми вероятностными зависимостями, обусловленными стратегиями и нормами «речи-во-взаимодействии» (talk-in-interaction – Schegloff, 1987; Zimmerman, 1991 и др.)» [Цит. по Макаров, 2003, с. 19].

Важно подчеркнуть, что в рамках предпринятого диссертационного исследования наиболее целесообразным и релевантным, на наш взгляд, представляется определение понятия «дискурс» как сложного коммуникативного

явления, приведенное В. Н. Бабаяном, который детерминирует **дискурс** как связный монологический или диалогический текст, который представляет собой семантически и грамматически связанную последовательность предложений-высказываний (высказываний-реплик) в устной или письменной форме, обращенный к слушателю/читателю (адресату), отражающий целостную коммуникативно-речевую ситуацию и учитывающий в качестве экстралингвистических факторов всех её участников [Бабаян, 2009, с. 27-28].

Следует отметить, что определение понятия «дискурс», которое приводит В. Н. Бабаян, отражает и объединяет как собственно языковой, так и коммуникативно-социолингвистический подходы, так как в данном определении исследователем учитываются все – активные и пассивные – участники-продуценты дискурса, форма дискурса – монолог или диалог, коммуникативно-речевая ситуация в целом, языковые и собственно лингвистические особенности дискурса, а также выделяются предложения-высказывания (реплики) в качестве основных единиц такого сложного коммуникативного феномена как дискурс, что способствует проведению комплексного анализа высказываний адресанта и адресата как участников определенного акта коммуникации.

1.5. Художественный дискурс как один из основных типов дискурса

Исследуя различные типы дискурса, такие как медиа, политический, юридический, военный, медицинский, художественный и др., приходим к выводу о том, что у каждого типа дискурса есть свои специфические когнитивные, прагматические, идеологические и культурные мотивы, в которых наблюдается различие в их реализации. Одни из перечисленных типов дискурса существуют в реальном мире, а другие нет, так как полагаются только на воображение писателя [Купцов, 2021а, с. 126].

Так, некоторые лингвисты (А. Mammadov, М. Mammadov) отмечают, что внутреннее «Я» человека играет очень важную роль в дискурсе. Истинный смысл

дискурса зависит от внутреннего мира человека, а внутренний контекст проявляется как при общении, так и в зависимости от различных соответствующих культурных ценностей.

Т. Б. Самарская и Е. Г. Мартиросьян отмечают тот факт, что *«художественный дискурс»* (*курсив наш. – А. К.*) несёт на себе печать культуры определённого этапа в истории общества. Основопологающим для любого исследования художественного дискурса является его отличие от других видов дискурса. Без понимания этого термина невозможно описать механизм взаимодействия эндемичных для культуры, к которой принадлежит читатель, социальных концептов и стереотипов (его персонального «духовного пространства») и аналогичных концептов и стереотипов, подвергнутых переосмыслению, интерпретации и оценке в тексте, взаимодействия происходящего в процессе актуализации художественного текста. Необходимым для понимания процесса актуализации именно художественного текста будет также и выделение непосредственно специфики и параметров его организации, отличающих его от любого другого текста» [Самарская, 2012, с. 20].

Гуо Хуиян при исследовании художественного дискурса высказывает мнение о том, что художественный текст служит для коммуникации особого рода, так как «рассчитан на особенный тип коммуникантов и специальное распределение ролей между ними» [Хуиян, 2017, с. 484].

При этом исследователь обращает внимание на то, что в художественной коммуникации для передачи информации существует особый код, а также средства воздействия на слушателя/ читателя (адресата). При создании текста автор прежде всего руководствуется определенными установками, коммуникативными намерениями, а также приемами эстетического воздействия на адресата [Хуиян, 2017, с. 484].

Ю. М. Лотман полагает, что посредником между литературой и языком, а также между литературой и внешней реальностью является пространство художественного дискурса, где формируется «семиотическая среда», которая

является необходимым условием реализации коммуникативной функции словесного искусства [Лотман, 1994, с. 438].

Н. Л. Галеева, при определении цели *художественного дискурса*, замечает следующее: «Текст, содержащий параметр художественности, пробуждает рефлексию, приводящую к образованию некоторого пространства понимания, где рефлексия фиксируется в виде духовных сущностей – смыслов и идей, которые, в свою очередь, способны обогащать духовное пространство человека. Под духовным пространством понимается при этом совокупность смысловых, идейных парадигм, ценностей, чувств, представлений, знаний, понятий, веры, общекультурных феноменов» [Галеева, 1999, с. 90].

Джон Сёрл отмечает, что «почти любое значительное художественное произведение передает «сообщение», передаваемое *посредством* текста, но не присутствующее в *самом* тексте. Только в детских рассказах, содержащих заключительное «Мораль этой истории такова...», или у таких утомительно дидактических авторов, как Толстой, мы получаем эксплицитное представление осуществленных всерьез речевых актов, передать которые является целью (или главной целью) художественного текста» [Сёрл, 1993].

Для художественного дискурса характерна вымышленность, то есть *фикциональность* (Дж. Сёрл). Так, заметим, что В. П. Руднев, опираясь на понятие «*художественный дискурс*», приводит свое определение «*художественной литературы*». Согласно исследователю, «Система художественных дискурсов и правил, порождающих корректные художественные высказывания, называется художественной литературой» [Руднев, 1996, с. 4].

Как было сказано выше, при создании произведения художественной литературы писатель (адресант) выражает своё отношение к окружающей действительности и, в свою очередь, художественный текст является результатом его деятельности. Так, Г. В. Степанов полагает, что «конкретный художественный текст передаёт такой смысл, который, по нашему мнению, не может быть выражен синонимичными высказываниями. Художественный смысл не может

быть «семантически представлен» независимо от данного языкового оформления. Изменение языкового оформления влечёт за собой либо разрушение конкретного художественного смысла, либо создание нового» [Степанов, 1988, с. 27].

В. А. Маслова выявляет следующие отличительные черты **художественного дискурса**. Во-первых, художественный дискурс «создает особую, виртуальную реальность, предлагает свою версию, модель мира», указывая на тот факт, что художественный дискурс не является простым отражением действительности. Во-вторых, художественный дискурс является «динамичным процессом взаимодействия автора и читателя, с одной стороны, и языковыми, социальными и культурными правилами, с другой». И, в-третьих, художественный дискурс «создается социально-индивидуальной действительностью, т. е. через концепты, категории и другие смыслопорождающие процессы речи» [Маслова, 2014, с. 11].

Как полагает В. В. Фещенко, вышеупомянутые характеристики можно применить к любому типу дискурса в культуре, т.к. они «являются специфичными для художественной деятельности как таковой» [Фещенко, 2021, с. 29].

При этом, обращая внимание на определение В. А. Масловой **художественного дискурса** как «коммуникативно-направленного вербального произведения, обладающего эстетической ценностью, выявляемой в процессе его восприятия» [Маслова, 2014, с. 13], В. В. Фещенко отмечает, что «в такой характеристике уже фигурирует важнейший фактор художественного дискурса – его эстетическая ценность, однако выявляется она, по нашему мнению, не только в процессе восприятия художественного произведения (в таком случае интерпретатору достаточно принять любое высказывание за эстетическое без контекста), но и с учетом всей коммуникативной ситуации производства, передачи и получения эстетического сообщения» [Фещенко, 2021, с. 29].

Так, относительно сущности и природы художественного дискурса Л. А. Манерко пишет следующее: «В отличие от термина «художественный текст» или «текст художественной литературы», который указывает на конечный результат коммуникативного события, термин «**дискурс художественного**

произведения» следует понимать как явление динамичное, имеющее отношение к динамике понимания взаимодействия текстового и концептуально-смыслового пространства, помогает понять не только его семантику и семиотику, но и связать это явление с «вертикальностью» текста, показать возможность его интерпретации. Это дискурс, посредством которого реализуется обмен знаниями, эмоциями и ценностями» [Манерко, 2013, с. 112].

На основе рассмотренных составляющих и особенностей художественного дискурса с позиций лингвоэстетического подхода В. В. Фещенко формулирует следующее определение данного типа дискурса. По мнению исследователя, **«художественный дискурс – это совокупность вербальных высказываний, сформированная в результате взаимодействия автора-художника и читателя (зрителя, слушателя) посредством произведения искусства, с учетом эстетических факторов порождения и восприятия этих высказываний в конкретных видах и формах искусства. Под «произведением искусства» понимается текст, объект или событие, обладающие эстетической ценностью и являющиеся продуктом художественного творчества. Это определение ставит, таким образом, категорию художественного дискурса в ряд других лингвоэстетических понятий категорий, таких как художественный текст, художественная коммуникация, художественное высказывание и др.»** [Фещенко, 2021, с. 30].

Таким образом, можем заключить, что в художественном дискурсе ключевым является внутренний мир отправителя (писателя или поэта), его психологическое состояние во время написания художественного произведения, его стиль мышления, индивидуальные знания человека о реальном мире, а также его культурные ценности. Художественный дискурс содержит в себе след культуры, преобладающей на определенном этапе развития общества, подразумевая взаимодействие между писателем (адресантом) и читателем (адресатом).

1.6. Единица дискурса и проблемы его сегментации

Несмотря на решающую роль дискурсивных единиц в сегментации дискурса и его толкования (интерпретации), в современной лингвистике не наблюдается единого мнения о том, что такое дискурсивная единица и как ее следует идентифицировать.

Для определения единиц анализа дискурса следует обратиться к обзору соотношения традиционных лингвистических понятий предложения и высказывания. Важно подчеркнуть, что на современном этапе развития лингвистики разграничение данных понятий все еще остается дискуссионным, не существует единых общепризнанных толкований понятий предложения и высказывания и их соотношения.

Необходимо отметить, что предложение (фраза) как наименьшая коммуникативная единица принимается многими лингвистами за предельный компонент при разбиении текста связной речи.

Тем не менее, как полагает З. Хэррис (1969), предельной единицей анализа дискурса может быть не только целое предложение, но и словосочетание, синтагма, которая была бы сравнимой с другой синтагмой этого же текста. Перед тем как начать анализ, З. Хэррис преобразует текст, унифицирует все сегменты текста и в заключении делает выводы по конструируемому образу дискурса, а не самому оригиналу.

Однако заметим, что существуют также иные точки зрения относительно анализа текста. Так, например, С. И. Гиндин не подвергает текст никаким преобразованиям. При данном анализе форма текста, то есть материальная основа лингвистического исследования, сохраняется в неприкосновенности.

Считаем целесообразным согласиться с мнением ряда исследователей, которые считают, что собственно предложение не может быть рассмотрено в качестве основной единицы дискурса, так как оно является категорией языка как системы, рассматриваемой в статике, в отрыве от реального функционирования. В этой связи некоторые лингвисты (Алефиренко, 2005; Бабаян, 2006б; Бабаян, 2009;

Бабаян, 2016; Бергельсон, 2007, Борботько, 1981 и др.) считают, что основной единицей дискурса является структурный коррелят предложения – *высказывание*. Так, Г. А. Орлов под **высказыванием** понимает речевое произведение, где формально-содержательные характеристики связаны с определенной ситуацией коммуникативного акта [Орлов, 1991, с. 165]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что высказывание следует рассматривать только в качестве минимальной структурной единицы вербального общения, так как завершённый речевой обмен состоит из сочетания отдельных (минимум – двух) *реплик-высказываний* участников коммуникации [Бабаян, 2009, с. 29].

Н. Ф. Алефиренко подчеркивает, что **высказывание** используется в качестве «строительного материала в процессе речемыслительного порождения текста-дискурса» [Алефиренко, 2005, с. 299].

В ряде своих исследований В. Г. Гак также принимает *высказывание* за единицу речи, при этом ученый отмечает главную особенность высказывания – ориентацию на участников речи. В высказывании объединяются единицы разных уровней, взаимодействуют значения, представленные лексически, грамматически и интонационно. Ситуативность и избирательность являются неотъемлемой характеристикой высказывания. При этом В. Г. Гак отмечает, что «**высказывание** является целостным обозначением отрезка действительности» [Гак, 1998, с. 217].

При рассмотрении вопроса о единицах дискурса В. Г. Борботько говорит о необходимости сегментировать дискурс на предельные компоненты, «которые обладали бы относительной самостоятельностью смысла в составе целого дискурса, но внутри которых уже не действовали бы средства, правила межфразового синтаксиса» [Борботько, 1981, с. 19].

В. Г. Борботько справедливо полагает, что введение термина «высказывание» является вполне оправданным, так как это даёт возможность изучить некоторые речевые отрезки как целостное коммуникативное образование [Борботько, 1981, с. 22].

По мнению М. Фуко, основанием для дискурса является «высказывание», то есть «атом» речевой практики, некое первоначальное обобщение и др., что и делает возможным разговор [Фуко, 1996, с. 72].

Представляется довольно интересным мнение М. М. Бахтина, который отмечает, что высказывание является реальной единицей речевого общения [Бахтин, 1996, с. 172].

Что касается коммуникативной ориентированности высказывания, отметим, что Н. Д. Арутюнова подчеркивает идею о том, что «...все высказывания... обладают функциональной общностью: все они представляют собой отнесённые к действительности сообщения, выражающие некоторую реакцию на полученный стимул и сами способные служить речевым стимулом» [Арутюнова, 1972, с. 321].

Т. А. ван Дейк также отмечает, что «...предложения являются формальными конструктами грамматики, а не эмпирическими единицами» и что в «процессе речепроизводства говорящий оперирует высказываниями» [van Dijk, 1972, с. 3].

Итак, как показывает анализ теоретического материала, можем заключить, что предельный сегмент дискурса обладает смысловой независимостью и коммуникативной ориентированностью в составе любого типа дискурса, включая художественный, а высказывание является языковой основной минимальной единицей речевой коммуникации. Таким образом, можно заключить, что художественный дискурс является сложным коммуникативным явлением, при анализе которого необходимо учитывать как собственно лингвистические, так и экстралингвистические факторы, характеризующие его.

Выводы по Главе 1

Проведенный анализ работ по изучению и описанию частиц в английском, испанском и русском языках позволяет охарактеризовать **частицы** как особый класс слов, выделяемый на функциональной основе и обладающий следующими признаками:

1) наличие собственного значения у каждой частицы, которое является коммуникативным по своей сути и проявляется только в синтаксисе;

2) частицы занимают промежуточное положение между знаменательными и служебными словами;

3) частицы в исследуемых языках могут коммуникативно примыкать к словам любой частеречной принадлежности, словосочетанию или всему предложению;

4) частицы представляют собой широкий класс слов, постоянно развивающийся и пополняющийся как за счет перехода других частей речи в частицы, так и за счет различных контаминаций служебных лексем.

Проблематичность построения четкой классификации частиц объясняется тем, что в современной лингвистике отсутствуют ясные и четкие критерии разграничения признаков частиц, так как их основные категории различаются между собой так же, как и у самостоятельных частей речи. Сложность этой проблемы проявляется в противоречивом лексикографическом описании частиц.

В современной лингвистике выделяют несколько **классификаций частиц** по следующим признакам:

а) по их позиции в предложении;

б) по их лексическим значениям;

в) по их способности образовывать форму слова или изменять его значение.

Настоящее диссертационное исследование основывается на приведенных ниже классификациях частиц в разноструктурных языках.

В английском языке:

1) **выделительно-ограничительные частицы:** *only, just, but, alone, solely, merely, barely* и др.;

2) **усилительные частицы:** *even, just, yet, still, only, quite, simply, all* и др.;

3) **уточняющие частицы:** *just, right, exactly, precisely* и др.;

4) **соединительные частицы:** *also, too*;

5) **отрицательные частицы:** *not* и *never*;

б) формообразующая частица: *to*.

В испанском языке:

- 1) **модальные лексические частицы:** *seguramente, en efecto, posiblemente, sin duda, ojalá, quizá, quizás* и др.;
- 2) **логические частицы:** *pero, primeramente, mientras tanto, entonces, al contrario* и др.;
- 3) **усилительные частицы:** *en absoluto, hasta, sobre todo, siquiera, propio, mismo* и др.;
- 4) **ограничительные частицы:** *algo, casi, solamente, por lo menos, sólo, no más que* и др.

В русском языке:

- 1) **усилительно-ограничительные частицы:** *да, даже, ведь, во, все, единственно, еще, и, исключительно, уж, о, -то* и др.
- 2) **присоединительные частицы:** *все, и то, к тому же, притом, также, тоже* и др.
- 3) **определительные частицы:** *именно, как раз, точь-в-точь* и др.
- 4) **указательные частицы:** *вот, вон, это, оно* и др.
- 5) **неопределенные частицы:** *то, либо,нибудь* и др.
- 6) **количественные частицы:** *почти, приблизительно, ровно, точно, чуть не* и др.
- 7) **отрицательные частицы:** *не, ни.*
- 8) **модальные частицы.** В свою очередь, данная группа частиц

подразделяется на следующие типы:

- а) **модально-приглагольные частицы:** *бы, -ка, ну* и др.
- б) **вопросительные частицы:** *ли, разве, неужели* и др.;
- в) **восклицательно-вопросительные частицы:** *что за;*
- г) **частицы, выражающие недоверие к чужой речи:** *будто;*
- д) **частицы, выражающие недоверие к чужим утверждениям и характеристикам:** *якобы;*

е) *частицы, вводящие чужую речь*: *мол, де* и др.;

9) *частицы-связки*: *это, как*.

Кроме того, считаем целесообразным упомянуть и *отдельные частицы*, которые употребляются в сегментированных предложениях с синтаксическими конструкциями *en cuanto a...*, *cuanto a...*, *en lo que toca a...*, *en lo que concierne a* в испанском языке и *что касается...*, *то...* в русском языке.

Краткий обзор семантики частиц дает представление о разнообразии факторов процесса коммуникации, учет которых необходим при анализе этих служебных слов. Факторы, связанные с употреблением частиц, неоднородны по своей природе. Отмечена повышенная зависимость значения частиц от контекста, а также их связь с различными прагматическими и синтаксическими особенностями.

Зарубежные исследователи английского и испанского языков, как правило, не выделяют отдельный класс частиц в том понимании, в каком они трактуются в русском языкознании, и относят частицы к наречиям или к служебным частям речи. Однако класс частиц в английском и испанском языках выделяют в основном отечественные лингвисты, причем включая в него не более двадцати слов, инвентарь которых различен у разных исследователей.

Как языковая универсалия, актуальное (коммуникативное) членение имеет универсальные средства выражения, которые, однако, в языках разного синтаксического строя имеют свою специфику и функционируют по-разному. Среди языковых средств выражения коммуникативной структуры предложения можно выделить *порядок слов, интонацию, фразовое ударение, специальные выделительные синтаксические конструкции, артикль* и др., особое место занимают *частицы*, так как они отличаются бесспорной коммуникативной направленностью.

В соответствии с современными научными подходами к изучению дискурса и его единиц можно сделать следующие выводы.

Дискурс является важнейшей формой повседневной практики человека. Различные типы дискурса обладают специфическими когнитивными, прагматическими, идеологическими и культурными мотивами, в которых наблюдается различие в их реализации.

Дискурс как сложное коммуникативное явление включает также и экстралингвистические факторы, например, знания о мире, знания о языке, цели и намерения адресата и др., что способствует адекватному пониманию содержания текста.

Наиболее целесообразным в рамках настоящего исследования представляется определение дискурса, представленное с позиции *коммуникативно-ориентированного* подхода. **Дискурс** – связный монологический или диалогический текст, который представляет собой семантически и грамматически связанную последовательность предложений-высказываний в устной или письменной форме, обращенный к слушателю/читателю, отражающий целостную коммуникативно-речевую ситуацию и учитывающий в качестве экстралингвистических факторов всех её участников.

В работе рассматривается проблема художественного дискурса, поскольку, в ней изучаются коммуникативные частицы в составе предложений-высказываний дискурса англо-, испано- и русскоязычных произведений художественной литературы.

Художественный дискурс является воплощением вербального сообщения, способным передавать эстетическую, эмоциональную, образную, а также оценочную информацию, которая объединена в идейно-художественном содержании текста.

Высказывание является минимальной структурной единицей дискурса, так как именно оно даёт возможность рассмотреть речевые отрезки как целостное коммуникативное образование.

Изучив основные теоретические вопросы о коммуникативных частицах в исследуемых языках, проблему их дефиниции и выявления их лингвистических,

семантических и прагматических особенностей, основные классификации частиц с различных позиций, а также исследовав основные положения и подходы к определению понятий «дискурс» и «художественный дискурс» в современной науке о языке, изучив основные характеристики этого сложного коммуникативного явления, проблему его сегментации и вопрос о его единице – высказывании, далее представляется целесообразным на основе фактического материала выявить роль и исследовать проблему функционирования частиц английского, испанского и русского языков в коммуникативной структуре высказывания художественного дискурса.

ГЛАВА 2. ФУНКЦИИ КОММУНИКАТИВНЫХ ЧАСТИЦ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

Рассмотрев основные аспекты коммуникативных частиц – определение, основные характеристики, классификацию и их отличие от других служебных частей речи, а также понятия «дискурс», «художественный дискурс», проблему сегментации дискурса и его единицы (высказывания) (Глава 1), представляется целесообразным и уместным изучить основные функции и роль коммуникативных частиц в предложениях-высказываниях англо-, испано- и русскоязычного художественного дискурса.

2.1. Коммуникативно-прагматические функции коммуникативных частиц в англо-, испано- и русскоязычном художественном дискурсе

Как отмечалось выше, одним из еще недостаточно разработанных вопросов художественного дискурса является вопрос об изучении функционального диапазона коммуникативных частиц в англо-, испано- и русскоязычном художественном дискурсе. Исследуемые лексические единицы – коммуникативные частицы – в совокупности с риторическими средствами (*порядок слов, лексические повторы, инверсия* и т. д.) образуют риторические отношения для достижения определенных коммуникативных целей при передаче актуальной и дополнительной информации в художественном дискурсе.

Т. М. Николаева полагает, что частицы выполняют по отношению к коммуникативно-нейтральному предложению функцию формирования так называемых «теневых высказываний», возникающих параллельно с исходным высказыванием. Таким образом, присутствие частиц сливается с идеей акцентирования, создавая «комплекс: частица+акцентирование» [Николаева, 2000, с. 90-91]. По мнению Е. А. Стародумовой, акцентирующая функция частиц заключается в их способности выделять определенный компонент с целью

сосредоточить внимание на той реалии, которую этот выделяемый компонент обозначает [Стародумова, 1974].

Понимание функционального диапазона частиц оказывается неоднозначным, так как «существует широкое понимание функции как назначения одних частиц в отличие от других и узкое (= синтаксическая функция) – роль частиц в составе синтаксической единицы. В первом случае говорят о функциях смысловой, ассоциативной, модальной и т. д., то есть осуществляется подход с точки зрения *плана содержания*. Однако во втором случае отражается отношение частиц к *плану выражения*: частицы рассматриваются как средства связи (конструктивно-синтаксическая функция) или как средства актуального членения (коммуникативно-синтаксическая функция) [Стародумова, 1988, с. 12-13].

При определении коммуникативных единиц и текстовых отрезков, в пределах которых функционируют частицы, Е. А. Стародумова предлагает принимать термин «высказывание», но функционирование частицы, как правило, выходит за границы самого высказывания. При этом исследователь отмечает, что «текстовый отрезок, в котором проявляет свое значение частица, – это далеко не всегда та единица, которую называют сверхфразовым единством, сложным синтаксическим целым, прозаической строфой и т. д.». При определении роли частицы, по мнению исследователя, необходимо определить два компонента в тексте: 1) компонент с акцентирующей частицей и 2) фон, с которым соотносится этот компонент [Стародумова, 1988, с. 17].

Следует отметить, что вопрос о распределении информации в тексте является одним из насущных вопросов в современной лингвистике. Так, в основе коммуникативно-прагматической организации предложения проявляется коммуникативная установка говорящего (адресанта), а также его субъективная оценка информации в предложении-высказывании. Коммуникативное (актуальное) членение, являющееся обязательным аспектом любого высказывания, получает свое формальное выражение с помощью специально

предназначенных для этого языковых средств, в частности, с помощью коммуникативных частиц, которые выступают в качестве рематизаторов того или иного компонента предложения. Порождая высказывание, говорящий (адресант) преследует определенную цель, выбирает речевую тактику, организует высказывание в соответствии с тем, чему в сообщении говорящий (адресант) придаст наибольшее значение. Кроме того, важно отметить, что каждая конкретная коммуникативная стратегия соответствует условиям определенной прагматической ситуации, то есть социальным ролям коммуникантов и эмоциональному фактору [Купцов, 2021а, с. 126].

Заметим, что в рамках предпринимаемого исследования для полного и адекватного понимания коммуникативно-прагматических функций частиц в некоторых иллюстративных примерах предложений-высказываний англо-, испано- и русскоязычного художественного дискурса приведен более широкий контекст.

2.1.1. Коммуникативно-прагматические функции выделительно-ограничительных частиц

Группа выделительно-ограничительных частиц является значительной по своему составу. Как правило, данные лексические единицы языка находятся перед тем словом или словосочетанием, которое они выделяют или усиливают, или же позади него. Нередко в подобных случаях частица относится ко всему высказыванию, придавая ему большую выразительность и убедительность. Выделительно-ограничительные частицы играют роль качественных показателей смыслового веса слов/слова, словосочетания или высказывания в целом, так как позволяют логически выделить, эмоционально окрасить отдельные элементы синтаксической структуры предложения. Следует отметить, что также встречаются нерасчленённые высказывания, в состав которых может входить выделительно-ограничительная частица, которая употребляется для выделения частного признака ситуации или предмета [Купцов, 2010, с. 411].

Выделительное и ограничительное значения представляются крайне необходимыми значениями, которые проявляются в коммуникативной единице, и характерны для разных языков. Е. А. Стародумова отмечает, что по семантике ограничительные частицы рассматриваются в ряду «логических слов», так как «именно их логическим характером» объясняется высокая частотность данных лексем [Стародумова, 1988, с. 18].

Отечественный исследователь языка И. М. Богуславский справедливо указывает на тот факт, что «одним из важных достижений современной семантики следует признать ясное осознание того, что логические слова как бы пронизывают весь строй языка. Они находятся в тесном взаимодействии с синтаксической и семантической структурой предложения, с его коммуникативной организацией» [Богуславский, 1979, с. 3].

Ряд исследователей отмечает, что ограничительные лексические единицы языка способны выделять какое-то частное явление из широкого круга явлений (И. А. Киселёв, Н. А. Торопова) или придавать значение единственности (А. Мирович), или уникальности (Т. М. Николаева) акцентуруемому компоненту синтаксической структуры предложения [Стародумова, 1988, с. 18-19].

Кроме того, Е. А. Стародумова полагает, что для определения конкретного значения «необходимо принимать во внимание тот минимальный контекст, в котором это значение реализуется. Обязательными компонентами минимального контекста являются акцентуруемый частицей компонент и предикативная часть высказывания: содержание предикативной части ограничивается каким-либо единственным проявлением» [Стародумова, 1988, с. 19].

Следует отметить, что в составе группы выделительно-ограничительных частиц находится несколько наслоений, различающихся по своей структуре и по семантическим особенностям. Довольно часто во многих частицах не наблюдаются признаки союзов, которые совмещают функции ограничения, выделения, усиления или со значениями модального слова или наречия. Таковы, например, выделительно-ограничительные частицы наречного типа:

- (англ.) *alone, even, just, merely, only, simply, yet*;
- (исп.) *propíamente, meramente, solamente*;
- (рус.) *единственно, исключительно, положительно, определённо, просто*.

Функциональный диапазон ограничительных частиц в тексте, как отмечает Е. А. Стародумова, определяется семантическими особенностями частиц. При этом «минимальным условием реализации ограничительного значения является отношение акцентированного частицей компонента (члена предложения) к предикативной части высказывания, ограничение ее содержания. Простое высказывание – это *минимальный контекст*, в котором реализуется значение частицы» [Стародумова, 1988, с. 25]:

Анализ фактического материала настоящего исследования показал, что в английском, испанском и русском языках выделительно-ограничительные частицы *выделяют, усиливают, ограничивают* значение отдельного слова или словосочетания. Исследование позволило установить, что выделительно-ограничительные частицы выступают, как правило, в качестве коммуникативно однозначных сигнализаторов ремы. При этом также выяснилось, что данные частицы могут употребляться с различными компонентами (членами) предложения, выделяя их в качестве ремы и придавая дополнительные оттенки всему высказыванию в целом. Однако следует подчеркнуть, что введение выделительно-ограничительной частицы в структуру высказывания направлено не только на выражение содержания. Выделительное или ограничительное значение, как правило, предопределяется смыслом более широкого контекста, то есть той коммуникативной установкой, которую выражает говорящий/ пишущий (адресант).

Английская выделительно-ограничительная частица *only*, испанские частицы *sólo, solamente* и русские частицы *только, лишь* довольно часто выступают средством рематизации подлежащего, находящегося в начальной позиции (1) **Only the landlord**; (2) **Only the joke**; (3) **sólo una persona**; (4) **Solamente una cosa**; (5) **Только он**; (6) **И лишь Давид**. При этом следует отметить, что

приведенные частицы являются единственным показателем рематичности подлежащего. Например:

(англ.) (1) *The village maidens lost interest, and the ruling class of censorious spinsters took exception to Basil Blake's way of life. **Only the landlord** of the Blue Boar continued about Basil and Basil's friends. The revenues of the Blue Boar had increased since the young man's arrival in the place* (Christie);

(2) *She was all bright and bossy, laughing up her sleeve at me, of course. **Only the joke** was going to be on her* (Fowles);

(исп.) (3) *El doctor Urbino se había dado cuenta desde hacía rato de cuánto iba a repudiar el recuerdo de aquella mujer irredimible, y creía conocer el motivo: **sólo una persona** sin principios podía ser tan complaciente con el dolor.* (Márquez);

(4) *Nadie iba a negar aquella amistad que todos buscaban y ella era la única en rehuir. **Solamente una cosa** la preocupaba: mantener aquella su mirada limpia, su mirada cándida, su mirada de una pureza dura y fría, como el alba* (Matute).

(рус.) (5) *И другой лист. **Только он** называется «Лунный джаз». На нем официантка с мотыльковыми крылышками* (Домбровский);

(6) ***И лишь Давид** наконец захватил город, поселился на Сионе, укрепил его, перенес туда ковчег завета Иерусалим стал столицей евреев, не только тех, кто проживал на земле обетованной, но и тех, кто был рассеян по чужим землям.* (Тендряков).

Данные примеры показывают, что в испанском языке синтаксические компоненты высказывания, обладающие рематическим характером, дополнительно выделяются с помощью неопределенного артикля:

(исп.) ***una** persona, **una** cosa.*

Важно отметить, что в ходе исследования установлено, что коммуникативные частицы английского, испанского и русского языков могут

также достаточно часто стоять перед подлежащим, занимающим в предложении-высказывании конечную позицию (7) **only six hundred**; (8) **solamente un macho, un macho**; (9) **лишь одна казнь**. В таком случае отметим, что данные лексические единицы являются дополнительным (помимо порядка слов) показателем рематического характера подлежащего. Например:

(англ.) (7) *When the epidemic had run its course he rejoiced because out of a population of eight thousand **only six hundred** had died. Finally he was able to give the district a clean bill of health (Maugham);*

(исп.) (8) *La escena inicial volvió a repetirse media hora más tarde, pero ahora entró **solamente un macho, un macho** viudo o soltero, desparejado (Delibes);*

(рус.) (9) *Никто не должен касаться руками нечестивого. Для таких преступников против веры у евреев была **лишь одна казнь**. Камни полетели со всех сторон (Тендряков).*

Коммуникативно-прагматическая выделительно-ограничительных частиц позволяет им выполнять в художественном дискурсе свою доминирующую функцию, то есть донесение до читателя (адресата) квалификативных смыслов, учитывая то, что частицы в целом не являются моделирующими компонентами структуры предложения-высказывания. Объективная информация, заключённая в приведенных выше предложениях-высказываниях, заключается как в выделительном, так и ограничительном значениях.

Как показал анализ фактического материала – предложений-высказываний англо-, испано- и русскоязычного художественного дискурса, – данные коммуникативные – выделительно-ограничительные – частицы достаточно часто выделяют сказуемое в качестве ремы предложения (10) **only happened**; (11) **can only crawl**; (12) **sólo hizo**; (13) **solamente había estado tratando de jugar**; (14) **Только подумала**; (15) **лишь смигнул**. Например:

(англ.) (10) “I know. One doesn’t believe it, does one? I mean, I thought they **only happened** in books. I had to argue for hours with Arthur this morning before he’d even go down and see.” (Christie);

(11) “Oh, do, Miss Marple. Just look at David! He gets so angry because he **can only crawl** in reverse. He wants to get to something and the more he tries the more he goes backwards into the coal box!” (Christie);

(исп.) (12) *Hablaba a galope tendido, masticando la flor del tabaco apagado, tosiendo a gritos, esgarrando, acomodándose a duras penas en la poltrona giratoria cuyos resortes soltaban lamentos de animal en celo. Se había bebido tres copas por cada una de su invitado, y **sólo hizo** una pausa cuando se dio cuenta de que ya no se veían el uno al otro y se levantó a encender la lámpara (Márquez);*

(13) *Al reclinarme de nuevo en el suelo, Fany, que había echado a correr tan pronto inicié el ejercicio, se presentó a mí portando un trozo de granito en la boca. Me conmovió que el animal supusiese que yo **solamente había estado tratando de jugar**. La palmeé en el lomo y ella se tumbó a mi lado, pendiente la lengua por el esfuerzo y con el trocito de granito entre su mano sana y el muñón retorcido de la otra (Delibes);*

(рус.) (14) *Слава те, господи, отмучилась. **Только подумала** так, вижу: светло, как днем (Распутин);*

(15) *Мутный глаз в красном веке **лишь смигнул**, но тупой страх в нем не стал ни больше, ни тревожней, путаная волосня скрывала лицо и душу, если только она, душа, была в этом искореженном теле (Тендряков).*

Следует отметить, что выделительно-ограничительные частицы употребляются перед ремой и выполняют в предложении-высказывании функцию фокусирования внимания реципиента или читателя (адресата) на последующей новой информации.

В предложении-высказывании англо-, испано- и русскоязычного художественного дискурса также выявлено несколько случаев, когда коммуникативные частицы способны выделять в качестве ремы именную часть сказуемого (16) *She was only eighteen*; (17) *yo soy sólo un mar inmenso, amargo*; (18) *я лишь поставщик продукции*. Например:

(англ.) (16) *But you know what girls are. She was only eighteen, and at that age they always go and overdo it. (Christie);*

(исп.) (17) *Tengo miedo dentro de mí, porque yo soy sólo un mar inmenso, amargo, y mi corazón se pierde, y no tengo ninguna orilla a donde dirigirme. (Matute);*

(рус.) (18) *Меня бесцеремонно отшивали от оракула, я лишь поставщик продукции для его интеллектуального чрева (Тендряков).*

Данные примеры предложений-высказываний англо-, испано- и русскоязычного художественного дискурса показывают, что выделительно-ограничительные частицы способны придавать высказыванию «количественную» и «градационную» интерпретацию. Таким образом, как видим, английская частица *only*, испанские частицы *sólo*, *solamente* и русские частицы *только*, *лишь* выделяют конкретные пресуппозиции.

При количественной интерпретации предложение-высказывание рассматривается в количественном соотношении с другими элементами, например:

(англ.) *She was only eighteen (Christie).*

Что касается градационной интерпретации, то предложение-высказывание приобретает иной смысл, то есть получает определенное место среди подобных реалий, например:

(исп.) *Yo soy sólo un mar inmenso, amargo (Matute);*

(рус.) *...я лишь поставщик продукции (Тендряков).*

Приведенные примеры англо-, испано- и русскоязычных предложений-высказываний художественного дискурса с выделительно-ограничительными

частицами позволяют сделать вывод о том, что посредством использования в речи выделительно-ограничительных частиц коммуникант (адресант) имплицитно производит оценку качеств и действий собеседника (адресата) или предметов.

Проведенный анализ англо-, испано- и русскоязычных предложений-высказываний художественного дискурса с выделительно-ограничительными частицами показал, что частицы (англ.) *only*, (исп.) *sólo, solamente* и (рус.) *только, лишь*, могут употребляться при дополнении-реме, занимающем в структуре предложения конечную позицию (19) *only his strength*; (20) *solamente por los sentidos*; (21) *лишь из вежливости*. Например:

(англ.) (19) *Edwards knew his master as no one else did. Others, even his nearest, knew only his strength. Edwards knew his weakness. (Christie);*

(исп.) (20) *En aquellos días la insensibilidad se extendía a toda mi actividad interior. Vivía solamente por los sentidos (Delibes);*

(рус.) (21) *А ребятам стало не по себе, словно они проявили какую-то чудовищную бестактность, и теперь хозяин лишь из вежливости терпит их присутствие (Васильев).*

Как показывает анализ материала, в английском, испанском и русском предложении-высказывании художественного дискурса выделительно-ограничительные частицы используются не только для выделения ремы («нового, неизвестного»), но также для повышения эффективности общения (акта коммуникации) в целом, так как они содействуют организации дискурса, помогают выстроить его логично, связно и последовательно. Следует отметить, что выделительно-ограничительные частицы (англ.) *only*, (исп.) *sólo, solamente* и (рус.) *только, лишь* придают экспрессивные значения всему предложению-высказыванию, так как усиливают выразительность речи, таким образом увеличивается её воздействующая сила. Экспрессивная окраска речи в художественном дискурсе создаётся за счёт различных оттенков коннотативного характера, например, оттенка непринужденности, эмоциональности речи. Исследуемые лексические единицы – выделительно-ограничительные частицы

английского, испанского и русского языков – вносят в высказывание большую интенсивность, усиливают то или иное значение акцентируемого ими компонента (члена) предложения-высказывания.

Как показал анализ англо-, испано- и русскоязычных предложений-высказываний художественного дискурса с выделительно-ограничительными частицами, данные лексические единицы употребляются также при обстоятельстве-реме (22) **only sometimes**; (23) **only a few hours before**; (24) **solamente en Francia**; (25) **sólo en la calle**; (26) **лишь однажды**; (27) **только вчера**, являющемся носителем дополнительной информации в высказывании. Например:

(англ.) (22) *This, Slack learned, was her custom. She used makeup on her legs instead of stockings and **only sometimes** wore stockings for dancing, by this means saving expense (Christie);*

(23) *She was there. Lying there, all in the silence. I touched her. She was so cold, so cold it gave me a shock. I still couldn't understand it was true, how she'd been living **only a few hours before**, and just a few days back walking about, drawing, doing her knitting. And now this (Fowles);*

(исп.) (24) *Dientes que mudaba Nuestro Señor cuando era niño pasan de quinientos los que hoy se muestran **solamente en Francia** (Delibes);*

(25) *Y desde entonces nunca más? Nunca más. Claro, él había tratado de amistarse, te voy a explicar, sigamos juntos pero viéndonos **sólo en la calle**. Hipócrita, cobarde, maldito, mentiroso, subía Amalia la voz y él asustado volaba (Llosa);*

(рус.) (26) *Варвара хмурилась. Маша сердито краснела, а князь вновь зазмеился улыбкой, приглушив **лишь однажды** вспыхнувшие глаза (Васильев);*

(27) *Он пристально вглядывался в окостеневшее, почти чужое лицо единственного на всем свете существа, которое любил жадной,*

эгоистической, слепой любовью. Он только вчера понял, что любил, когда прочитал телеграмму (Васильев).

Функционально-семантический анализ указывает на тот факт, что выделительно-ограничительные частицы в англо-, испано- и русскоязычном художественном дискурсе используются для выражения и усиления экспрессивности высказывания, так как они способны усиливать значения того или иного компонента – слова или словосочетания, – с которым они употребляются. Важно отметить, что в данных примерах предложений-высказываний англо-, испано- и русскоязычного художественного дискурса частицы (англ.) *only*, (исп.) *sólo, solamente* и (рус.) *лишь* приносят различные значения: акцентируется степень уточнения и выделения определенного компонента высказывания из совокупности предметов и явлений.

Отметим, что выделительно-ограничительные частицы достаточно редко употребляются в предложениях-высказываниях англо-, испано- и русскоязычного художественного дискурса при определении, являющемся ремой (28) *only possible*; (29) *sólo inútil*; (30) Сохранилась *лишь боковая, податливая поросль*.
Например:

(англ.) (28) *St. Mary Mead is such an unlikely place. And then it seemed to me that the only possible explanation was Basil Blake. He does have parties (Christie);*

(исп.) (29) *A lo largo de unos minutos intentó demostrar que las reliquias eran algo innecesario y no sólo inútil sino nocivo para la Iglesia y que deberíamos esforzarnos para desarraigar ese culto pueril de nuestras costumbres religiosas (Delibes);*

(рус.) (30) *Срубленные засохшие кусты валялись на земле, живые, с редкой зеленью, затянутой паутиной, выглядели совсем бедно: самые лучшие ветки с них были оборваны. Сохранилась лишь боковая, податливая поросль, до которой можно дотянуться рукой, а всю середину вынесли, там теперь торчали только высокие, по грудь*

человеку, голые пни, от которыхгнулись в сторону уцелевшие кусты (Распутин).

Анализ фактического материала указывает на то, что частицы в англо-, испано- и русскоязычном предложении-высказывании художественного дискурса обслуживают различные семантические потребности не только отдельных слов и словосочетаний, но и целых предложений-высказываний. Данные лексические единицы языка способны увеличивать информативные возможности высказываний, то есть придавать высказываниям дополнительную информацию, делая их более выразительными и экспрессивно насыщенными. Следует также отметить, что русская частица *лишь* в последнем примере (30) подчёркивает незначительность результата, обоснование которого содержится в первой предикативной единице данного высказывания.

Приведем пример, где коммуникативная частица *only* в англоязычном художественном дискурсе, *sólo* в испаноязычном художественном дискурсе и *только* в русскоязычном художественном дискурсе употребляются в эллиптическом предложении (31) *Only Grandfather*; (32) *Sólo yo, el agua y las estrellas*; (33) *Только романтический*, которое содержит целиком новую, актуальную информацию. Например:

(англ.) (31) *Mum and Uncle Mark didn't like her much either. Only Grandfather (Christie);*

(исп.) (32) *No había un alma en la playa. Sólo yo, el agua y las estrellas (Benedetti).*

(рус.) (33) *А какой у девицы вашего возраста может быть приватный интерес в действующей армии? Только романтический (Акунин).*

Эллиптическая конструкция, в состав которой входит выделительно-ограничительная частица, ярко и недвусмысленно передаёт эмоции героев художественного произведения. Таким образом, можем сказать, в художественном дискурсе возможно появление различных экспрессивных эффектов, например, создание непринужденности, стремительности, энергичности и др.

Стоит отметить, что в предложениях-высказываниях англо-, испано- и русскоязычного художественного дискурса, подвергшихся анализу в ходе предпринятого исследования, встречается несколько случаев употребления ограничительных частиц (англ.) *only*, (исп.) *sólo*, (рус.) *только* в моделях противительного отрицания вместе с частицей *not* в английском языке, частицей *no* в испанском языке и частицей *не* в русском языке, что, как выяснилось, придает отрицательному предложению повышенную эмоциональность и экспрессивность, усиление выразительности речи, выделяя в качестве ремы все компоненты высказывания. Например:

1) подлежащее

(англ.) (34) *If it is because Simeon Lee suspected his granddaughter or some other member of the family, why does he not ask Superintendent Sugden to wait downstairs while he has his interview straight away with the suspected party? With the superintendent actually in the house, his lever over the guilty person would have been much stronger. “So now we arrive at the point where not only the behaviour of the murderer is extraordinary” (Christie);*

(исп.) (35) *Los perros, carajo, se las comieron los perros. Chau, cojo. Sal, no te disculpes y bájate de una vez. A Prolongación Meigos, Ludovico. No sólo el señor Lozano era un aprovechador (Llosa);*

(рус.) (36) *Так она бабушку вызвала, с утра до полуночи просидела и все до точки выявила. Оказывается, 10 лет в районе под самым носом властей работала организация «Лепта вдовицы». Не только старые станичники, но и их дети, невестки, внуки отчисляли по пяти процентов со всех доходов (Домбровский).*

2) сказуемое

(англ.) (37) *“Got a great feeling for crime, Peter has,” said Conway Jefferson meditatively. “Not only has he got the fingernail of the murdered*

girl – one of the murdered girls, anyway – but he was lucky enough to have a bit of Josie’s shawl caught in with the nail (Christie);

(исп.) (38) Una noche regresó del paseo diario aturdida por la revelación de que **no sólo se podía ser feliz** sin amor sino también contra el amor (Márquez);

(рус.) (39) Пророк **не только сел** с ними за стол, но и посадил еще подобранного на дороге мытаря Матфея-Левия сына Алфеева (Тендряков).

3) дополнение

(англ.) (40) “Of course I know Mr. Jefferson fairly well by now. I’ve been with him quite a number of years. And I see him in his ‘off’ moments, **not only in his ‘on’ ones** (Christie);

(исп.) (41) El Esclavo se inclinó hacia él. La palidez abarcaba no solo su rostro, también su cuello y sus manos: bajo la piel se distinguían unos manantiales azules (Llosa);

(рус.) (42) Сильных эмоций в моей жизни было куда больше, чем расчетливых прозрений. **Не только у поэтов** чувственное получает перевес над рассудочным (Тендряков).

4) определение

(англ.) (43) In principle it would be quite simple to waste the surplus labour of the world by building temples and pyramids, by digging holes and filling them up again, or even by producing vast quantities of goods and then setting fire to them. But this would provide **only the economic and not the emotional** basis for a hierarchical society (Fowles);

(исп.) (44) A estas alturas, el zamarro de borrego iba perdiendo prestigio, a pesar del canesú, y las gentes urbanas, especialmente los ricos de España y del extranjero, preferían los forros de alimañas españolas, **no sólo más bellos** sino de menos bulto y más abrigados (Delibes);

(рус.) (45) Я уважаю ваши боевые заслуги, Николай Григорьевич, но считаю ваши методы воспитания не только упрощенными, но и порочными. Да, порочными! (Васильев).

5) обстоятельство

(англ.) (46) Similar slits existed in thousands or tens of thousands throughout the building, not only in every room but at short intervals in every corridor (Fowles);

(исп.) (47) Tuvo que morderse la lengua para no contarle que él había sido un participante asiduo de aquel concurso anual que llegó a interesar a poetas de grandes nombres, no sólo en el resto del país sino también en otros del Caribe (Márquez);

(рус.) (48) Да, и не только сейчас, а уже давно. Давно отец для вас – досадная обязанность, житейский долг, который полагается выплачивать (Тендряков).

Как видим, выделительно-ограничительные частицы в предложении-высказывании англо-, испано- и русскоязычного художественного дискурса играют важную роль с позиции репрезентации определенной дополнительной информации, а также в выражении коммуникативной структуры предложения, но, однако считаем важным отметить, что необходимо учитывать факторы, которые влияют на экспрессивность и актуализацию: семантико-прагматические свойства частицы, контекстное окружение, стилистическую функцию (роль), а также синтаксическое построение предложения.

Количественный анализ выделительно-ограничительных частиц в предложении-высказывании англо-, испано- и русскоязычного художественного дискурса даёт возможность получить наиболее общее представление об употреблении данных лексических единиц языка как показателей рематичности компонентов в предложении-высказывании, так как способны вносить дополнительные коммуникативные оттенки значения как отдельному

акцентируемому синтаксическому компоненту – слову или словосочетанию, так и всему предложению-высказыванию в целом.

Далее в целях предпринятого исследования представляется интересным и целесообразным выявить и проанализировать степень частотности употребления выделительно-ограничительных частиц как показателей рематичности синтаксических компонентов (членов) предложения в английском, испанском и русском языках. На основе собранного материала в настоящем исследовании представляется уместным провести сравнительно-сопоставительный анализ употребления рассматриваемых выделительно-ограничительных частиц как показателей рематичности синтаксических компонентов (членов) предложения в трех исследуемых – английской, испанской и русской – лингвокультурах и сделать вывод о выявленных *универсальных* и *национально-специфических особенностях* использования исследуемого типа коммуникативных частиц в англо-, испано- и русскоязычном художественном дискурсе.

Таблица 1

УПОТРЕБЛЕНИЕ ВЫДЕЛИТЕЛЬНО-ОГРАНИЧИТЕЛЬНЫХ ЧАСТИЦ КАК ПОКАЗАТЕЛЕЙ РЕМАТИЧНОСТИ СИНТАКСИЧЕСКИХ КОМПОНЕНТОВ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Синтаксические компоненты предложения	Частотность %	Примеры
Подлежащее	25,1	<i>The only thing to do is to portion out the day to different activities (Maugham).</i>
Сказуемое	33,8	<i>He's only done his duty (Maugham).</i>
Дополнение	22,0	<i>Others, even his nearest, knew only his strength (Christie).</i>
Обстоятельство	10,3	<i>...came home at night only in time to dress for dinner(Maugham).</i>
Определение	8,8	<i>...she would make the only possible amends for the anguish(Maugham).</i>

Из приведенной выше Таблицы 1 «Употребление выделительно-ограничительных частиц как показателей рематичности синтаксических компонентов предложения в английском языке» видно, что в предложении-

высказывании англоязычного художественного дискурса выделительно-ограничительные частицы как показатели рематичности синтаксических компонентов предложения-высказывания чаще всего употребляются перед **сказуемым** (группой сказуемого) – 33,8 %. Приведем следующий пример предложения-высказывания: *He's only done his duty (Maugham)*. Как показывает лингвостатистический анализ, далее по частотности использования выделительно-ограничительных частиц в предложении-высказывании в английском языке следует **подлежащее** – 25,1 %. Иллюстративным примером может служить следующее предложение-высказывание англоязычного художественного дискурса: *The only thing to do is to portion out the day to different activities (Maugham)*. Далее в порядке убывания показателя частотности использования выделительно-ограничительных частиц в предложении-высказывании художественного дискурса следует **дополнение** – 22,0 %. Приведем пример англоязычного предложения высказывания: *Others, even his nearest, knew only his strength; Edwards knew his weakness (Christie)*. Гораздо реже выделительно-ограничительные частицы как показатели рематичности синтаксических компонентов предложения употребляются в английском предложении-высказывании перед **обстоятельством** – 10,3 %. Примером служит следующее предложение-высказывание художественного дискурса: *It never occurred to them to ask themselves what were the feelings of the subdued little man who went out early in the morning and came home at night only in time to dress for dinner (Maugham)*. Лингвостатистический анализ позволил установить, что реже всего выделительно-ограничительные частицы как показатели рематичности синтаксических компонентов предложения-высказывания англоязычного художественного дискурса употребляются перед **определением** – 8,8 %. Примером этому может служить следующее предложение-высказывание англоязычного художественного дискурса: *St. Mary Mead is such an unlikely place. And then it seemed to me that the only possible explanation was Basil Blake. He does have parties (Christie)*.

**УПОТРЕБЛЕНИЕ ВЫДЕЛИТЕЛЬНО-ОГРАНИЧИТЕЛЬНЫХ ЧАСТИЦ
КАК ПОКАЗАТЕЛЕЙ РЕМАТИЧНОСТИ СИНТАКСИЧЕСКИХ
КОМПОНЕНТОВ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ**

Синтаксические компоненты предложения	Частотность %	Примеры
Подлежащее	15,8	<i><u>Sólo ella</u> pudo escucharla en el tumulto (Márquez).</i>
Сказуемое	35,8	<i>Yo <u>solamente había estado</u> tratando de jugar (Delibes).</i>
Дополнение	19,2	<i><u>Sólo para ellas</u> en los goces del amor, estaba tomada desde la Navidad reciente (Márquez).</i>
Обстоятельство	19,7	<i>Yo venía <u>sólo en mi coche</u> (Benedetti).</i>
Определение	9,5	<i>Se sintió pobre, feo, inferior, y <u>no sólo indigno de ella</u> (Márquez).</i>

Как видим, приведенная выше Таблица 2 «Употребление выделительно-ограничительных частиц как показателей рематичности синтаксических компонентов предложения в испанском языке» отражает следующие, присущие исследуемому типу частиц, закономерности: в предложении-высказывании испаноязычного художественного дискурса выделительно-ограничительные частицы как показатели рематичности синтаксических компонентов (членов) предложения-высказывания чаще всего употребляются перед **сказуемым** (группой сказуемого) – 35,8 %. Примером этому может служить следующее предложение-высказывание: *Yo solamente había estado tratando de jugar (Delibes)*. Далее по частотности использования исследуемых частиц в предложении-высказывании находится **обстоятельство** – 19,7 %. В качестве иллюстративного примера приведем следующее предложение-высказывание: *Yo venía sólo en mi coche (Benedetti)*. Далее в порядке убывания показателя частотности использования выделительно-ограничительных частиц следует **дополнение** – 19,2 %. Примером подобного предложения-высказывания служит следующая конструкция: *Sólo para ellas en los goces del amor, estaba tomada desde la Navidad*

reciente (Márquez). Отметим также, что гораздо реже выделительно-ограничительные частицы как показатели рематичности синтаксических компонентов в структуре испаноязычного предложения употребляются перед **подлежащим** – 15,8 %. Приведем следующий пример: *Sólo ella pudo escucharla en el tumulto* (Márquez). Реже всего исследуемые частицы используются перед **определением** – 9,5 %. Приведем пример: *Se sintió pobre, feo, inferior, y no sólo indigno de ella* (Márquez).

Таблица 3

**УПОТРЕБЛЕНИЕ ВЫДЕЛИТЕЛЬНО-ОГРАНИЧИТЕЛЬНЫХ ЧАСТИЦ
КАК ПОКАЗАТЕЛЕЙ РЕМАТИЧНОСТИ СИНТАКСИЧЕСКИХ
КОМПОНЕНТОВ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

Синтаксические компоненты предложения	Частотность %	Примеры
Подлежащее	22,6	<i><u>Только она одна</u> и отправляла письма на имя матери (Распутин).</i>
Сказуемое	32,7	<i><u>Я только вижу</u>, чем все это кончилось (Домбровский).</i>
Дополнение	20,5	<i>Тебе бы <u>только</u> деньги <u>на пустяки</u> тратить (Пикуль).</i>
Обстоятельство	15,6	<i>Эти наблюдения можно делать <u>лишь в первый год</u> (Распутин).</i>
Определение	8,6	<i>И <u>только досадное</u> обстоятельство портило настроение (Васильев).</i>

Количественный анализ частотности употребления выделительно-ограничительных частиц в русскоязычном художественном дискурсе (Таблица 3) позволил выявить следующие закономерности. Наиболее часто выделительно-ограничительные частицы в русскоязычном предложении-высказывании художественного дискурса употребляются перед **сказуемым** (группой сказуемого) – 32,7 %. Приведем следующий пример предложения-высказывания: *Я только вижу, чем все это кончилось (Домбровский)*. По частотности использования выделительно-ограничительных частиц в предложении-высказывании в русскоязычном художественном дискурсе далее следует

подлежащее – 22,6 %. Примером подобного предложения-высказывания служит следующая конструкция художественного дискурса: Только она одна и отправляла письма на имя матери (Распутин). Далее в порядке убывания показателя частотности использования выделительно-ограничительных частиц находится **дополнение** – 20,5 %. Приведем пример предложения-высказывания с выделительно-ограничительными частицами русскоязычного художественного дискурса: Тебе бы только деньги на пустяки тратить (Пикуль). Следует подчеркнуть, что гораздо реже выделительно-ограничительные частицы как показатели рематичности синтаксических компонентов предложения употребляются в русском предложении-высказывании перед **обстоятельством** – 15,6 %. Примером подобного предложения-высказывания служит следующая конструкция русского языка: Эти наблюдения можно делать лишь в первый год (Распутин). Реже всего выделительно-ограничительные частицы как показатели рематичности синтаксических компонентов русскоязычного предложения-высказывания употребляются перед **определением** – 8,6 %. Примером подобного предложения-высказывания служит следующая конструкция русскоязычного художественного дискурса: И только досадное обстоятельство портило настроение (Васильев).

Таблица 4

**УПОТРЕБЛЕНИЕ ВЫДЕЛИТЕЛЬНО-ОГРАНИЧИТЕЛЬНЫХ ЧАСТИЦ
КАК ПОКАЗАТЕЛЕЙ РЕМАТИЧНОСТИ СИНТАКСИЧЕСКИХ
КОМПОНЕНТОВ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В АНГЛИЙСКОМ, ИСПАНСКОМ И
РУССКОМ ЯЗЫКАХ**

Синтаксические компоненты предложения	Английский язык Частотность %	Испанский язык Частотность %	Русский язык Частотность %
Подлежащее	25,1	15,8	22,6
Сказуемое	33,8	35,8	32,7
Дополнение	22,0	19,2	20,5
Обстоятельство	10,3	19,7	15,6
Определение	8,8	9,5	8,6

При сравнительно-сопоставительном анализе разноструктурных языков приведенная выше Таблица 4 «Употребление выделительно-ограничительных частиц как показателей рематичности синтаксических компонентов предложения в английском, испанском и русском языках» отражает определенные закономерности, присущие каждому из исследуемых языков.

Для ясного и правильного понимания толкований показателей, приведенных в Таблице 4, считаем необходимым описать закономерности (частотность) использования выделительно-ограничительных частиц согласно приведенному перечню компонентов (членов) предложения в англо-, испано- и русскоязычном художественном дискурсе.

Таким образом, выделительно-ограничительные частицы как показатели рематичности синтаксических компонентов предложения-высказывания художественного дискурса употребляются перед **подлежащим** (группой подлежащего) чаще всего в *английском языке (25,1 %)*, далее в порядке уменьшения показателя частотности использования выделительно-ограничительных частиц следует *русский язык (22,6 %)*. Согласно данным Таблицы 4, гораздо реже выделительно-ограничительные частицы используются перед подлежащим в *испанском языке (15,8 %)*.

Представим показатели использования выделительно-ограничительных частиц как показателя рематичности синтаксических компонентов предложения-высказывания художественного дискурса перед **сказуемым** (группой сказуемого). Согласно показателям Таблицы 4, гораздо чаще выделительно-ограничительные частицы как показатели рематичности синтаксических компонентов предложения-высказывания художественного дискурса употребляются в *испанском языке (35,8 %)*. На втором месте по частотности использования выделительно-ограничительных частиц в предложении-высказывании художественного дискурса перед сказуемым (группой сказуемого) находится *английский язык (33,8 %)*. Реже исследуемый тип коммуникативных частиц используется перед сказуемым (группой сказуемого) в русском языке

(32,7 %). По приведенным данным можем заключить, что различие в использовании выделительно-ограничительных частиц как показателя рематичности синтаксических компонентов предложения-высказывания художественного дискурса перед сказуемым (группой сказуемого) в исследуемых языках не столь велико.

Выделительно-ограничительные частицы как показатели рематичности синтаксических компонентов предложения-высказывания художественного дискурса употребляются перед **дополнением** чаще всего в *английском языке* (22 %), далее в порядке уменьшения показателя частотности использования выделительно-ограничительных частиц в предложении-высказывании художественного дискурса перед дополнением следует *русский язык* (20,5 %). По Таблице 4, гораздо реже выделительно-ограничительные частицы перед дополнением используются в *испанском языке* (19,2 %).

Что касается **обстоятельства**, то следует заметить, что по частотности использования выделительно-ограничительных частиц в предложении-высказывании художественного дискурса перед этим компонентом синтаксической структуры предложения выделяется *испанский язык* (19,7 %). Вслед за испанским языком, в порядке уменьшения показателя частотности использования выделительно-ограничительных частиц в предложении-высказывании художественного дискурса перед обстоятельством следует *русский язык* (15,6 %). Согласно Таблице 4, довольно реже, по сравнению с испанским и русским языками, выделительно-ограничительные частицы используются перед обстоятельством в *английском языке* (15,8 %).

В целом, как показывают данные Таблицы 4, из всех компонентов (членов) предложения исследуемый тип коммуникативных частиц менее всего используется перед **определением**. Тем не менее, отметим также, что разница в использовании выделительно-ограничительных частиц как показателей рематичности синтаксических компонентов предложения-высказывания художественного дискурса перед определением в трех исследуемых языках

невелика. Чаще всего выделительно-ограничительные частицы как показатели рематичности синтаксических компонентов предложения-высказывания художественного дискурса используются перед определением в *испанском языке* (9,5 %). Далее в порядке уменьшения показателя частотности использования выделительно-ограничительных частиц в предложении-высказывании перед определением следует *английский язык* (8,8 %). Вслед за английским языком, согласно полученным и представленным в Таблице 4 данным по использованию выделительно-ограничительных частиц в предложении-высказывании перед определением, находится *русский язык* (8,6 %).

Как показывают результаты предпринятого исследования и данные Таблицы 4, частотность использования выделительно-ограничительных частиц в предложении-высказывании перед разными компонентами (членами) предложения-высказывания в англо-, испано- и русскоязычном художественном дискурсе неодинакова. Однако следует отметить, что исследуемый тип коммуникативных частиц в английском, испанском и русском языках перед определением используется гораздо реже, чем перед другими компонентами (членами) предложения.

Количественный анализ употребления выделительно-ограничительных частиц как показателя рематичности синтаксических компонентов предложения в англо-, испано- и русскоязычном художественном дискурсе указывает на тот факт, что без частиц не обходится ни один художественный дискурс, то есть выделительно-ограничительные частицы представляют собой **универсальное языковое явление** в исследуемых лингвокультурах. Необходимо подчеркнуть, что наиболее широкое употребление частиц-рематизаторов наблюдается в английском, испанском и русском языках при сказуемом- реме, что отражает совокупность закономерностей, регулирующих построение синтаксических единиц. Что касается употребления частиц при подлежащем- реме, то отметим, что в англо- и русскоязычном художественном дискурсе данное явление встречается довольно часто, а для испанского художественного дискурса при

подлежащем- реме данный феномен менее характерен, так как в глагольной категории лица содержится указание на производителя действия.

Употребление выделительно-ограничительных частиц при дополнении- реме, при обстоятельстве- реме и при определении- реме в англо-, испано- и русскоязычном художественном дискурсе встречается реже. Таким образом, можем заключить, что количественный анализ выделительно-ограничительных частиц отражает определенные закономерности, которые являются характерными для разноструктурных языков.

Предпринятое исследование позволило также установить, что коммуникативный аспект любого предложения-высказывания характеризуется актуализацией его определенных компонентов. Каждый язык обладает довольно развитой системой средств для выражения коммуникативной структуры предложения-высказывания в художественном дискурсе. Выделительно-ограничительные частицы как средства выражения коммуникативного членения предложения в английском, испанском и русском языках способны маркировать рему (новое) в предложении, то есть являются средствами репрезентации актуальной информации. Данные частицы участвуют в организации коммуникативного процесса как обмена информацией. Таким образом, можем с уверенностью говорить о том, что выделительно-ограничительные частицы играют большую роль в художественном дискурсе, придавая ему специфические семантические, эмоционально-выразительные и др. особенности.

2.1.2. Коммуникативно-прагматические функции модальных частиц и модальных слов

В современной лингвистической литературе большинством зарубежных исследователей модальные частицы и слова с модальным значением не выделяются в отдельный разряд, в то время как в отечественной литературе, посвященной данным лексическим единицам языка, они являются самостоятельной частью речи. Тем не менее, несмотря на многие исследования

последних десятилетий данной группы слов, в этой области остается много дискуссионных вопросов.

Так, проблема отграничения модальных частиц от других классов слов связана, прежде всего, с проблемой их статуса и выработки критериев их отграничения от модальных слов. Определить точное число модальных частиц в языках достаточно сложно. Это связано с размытостью их семантики, широкой омонимичностью и синонимичностью, постоянным процессом пополнения их числа из других частей речи, а также отсутствием в современной лингвистике работ по их подробному функционально-семантическому описанию.

Э. Б. Крылова полагает, что «модальные слова, как и модальные частицы, относятся к средствам пропозициональной установки говорящего и выражают различные виды субъективно-модальных значений: эпистемической модальности (достоверно / недостоверно), аксиологической модальности (хорошо / плохо, желательно / нежелательно) и адмиративной модальности (ожидаемо / неожиданно)» [Крылова, 2009, с. 112].

Как отмечает В. В. Виноградов, особенностью модальных частиц является способность выражать отношение говорящего к содержанию высказывания, а также их особенность выходить за элементарные синтаксические конструкции и реализовываться на уровне предложения [Виноградов, 1986, с. 568].

Р. И. Бабаева указывает на то, что «с помощью модальных частиц происходит актуализация информации, релевантной для ситуации общения». Модальные частицы способны передавать неожиданность, неопределенность, очевидность и др. Данная группа слов помогает собеседнику понять смысл высказывания [Бабаева, 2008, с. 21].

Анализируя роль модальных частиц в высказывании, Е. С. Ошанова приходит к выводу о том, что модальные частицы образуют систему «прагматически насыщенных», субъектно-ориентированных речевых единиц, которые, в конечном итоге, определяют своеобразие дискурса, так как «способны

реализовывать иллокутивные возможности когнитивных моделей в актах коммуникации» [Ошанова, 2012, с. 316].

С. А. Манаенко полагает, что главной характеристикой вводно-модальных слов и модальных частиц является то, что они не имеют денотата, так как их семантика непредметна, и изучать их можно только через их употребление в структуре высказывания [Манаенко, 2009, с. 13].

По исследуемому вопросу И. А. Нагорный пишет следующее: «Модальные частицы (*едва ли, вряд ли, будто, словно, точно, небось, якобы, дескать, авось* и подобные) соответствуют указанным качествам знака, которые и составляют основу выполняемой ими в высказывании информативно-знаковой функции обработки и кодирования определенного вида квалификативного информационного материала. Данные модальные средства относятся к тому типу языковых знаков, которые предназначены в первую очередь для передачи информации от коммуниканта к коммуниканту путем квалификации этой информации в модально-предположительном аспекте. С их помощью говорящий доносит до адресата сведения о степени вероятности осуществления или неосуществления в действительности описываемой денотативной ситуации. При этом каждая группа модальных частиц предназначена для кодирования еще и «своей» информации, что обусловлено спецификой их семантических полей. <...> Модальные частицы, таким образом, – это языковое средство передачи информации о такой возможности с точки зрения субъекта. Данная информация вербализована в высказывании, выражающем суждение о чем-либо, поэтому и порождение, и передача информативного материала сфокусированы на высказывании, в котором и реализуются обозначенные частицей как знаком отношения» [Нагорный, 2013, с. 66-67]. Таким образом, можно заключить, что модальные частицы выражают субъективную модальность, а именно, отношение говорящего (адресанта) к действительности и его иллокутивной силе.

Различая объектную и субъектную модальность, ученые полагают, что объективная модальность отражает объективные связи, которые не зависят от

говорящего (адресанта) и имеют место в реальной ситуации, передаваемой в предложении. Субъективная модальность выражает степень достоверности мысли о связях, которые имеют место в самой действительности и отражаются в предложении. Она выражает оценку говорящего и степень его познания этих связей, наличных в той или иной ситуации [Алефиренко, 2007, с. 346].

Что касается языковых средств выражения модальности, следует отметить, что она может передаваться как лексическими, так и грамматическими способами. К лексическим средствам относят, как правило, модальные частицы, модальные слова, модальные глаголы и их аналоги, к грамматическим – наклонение. Отметим, что если объективная модальность получает свое выражение на синтаксическом уровне членения предложения, то субъективная модальность выражается на уровне актуального членения предложения, где появляется познавательная установка говорящего (адресанта), который соотносит свои мысли с передаваемой в предложении ситуацией, указывает на степень их достоверности и соответствия действительности [Алефиренко, 2007, с. 346-347; Купцов, 2007, с. 238-239; Купцов, 2021б, с. 381].

Таким образом, выражая субъективную модальность, частицы с модальным значением одновременно участвуют в тема-рематической организации высказывания, являясь одним из коммуникативно релевантных средств выражения актуального членения предложения.

Как видим, и в субъективной модальности, и в актуальном членении предложения проявляется коммуникативная установка говорящего (адресанта), его субъективная оценка информации, заключенной в высказывании. Так же как и модальность, актуальное членение предложения получает свое формальное выражение с помощью специально предназначенных для этого языковых средств, в частности, с помощью частиц с модальным значением. Отражая субъективную оценку говорящего (адресанта), частицы, как отмечают исследователи, обладают одновременно ярко выраженной ремовыделяющей функцией, то есть выступают в качестве рематизаторов того или иного компонента (члена) предложения

[Николаева, 2005, с. 77-81; Купцов, 2008, с. 26].

Таким образом, можем сделать вывод о том, что языки располагают целой системой морфологических и лексико-синтаксических средств, позволяющих, в соответствии с конкретными речевыми ситуациями и определенными коммуникативными целями, выражать как объективную, так и субъективную модальность. В реальном мире модальные оттенки тесно взаимодействуют и переплетаются с экспрессивными и даже эмоциональными, что необходимо учитывать при исследовании проблемы модальности.

Отметим, что в грамматиках английского языка модальные частицы не выделяются как лексико-грамматическая категория. В рамках данного исследования рассматриваются модальные слова в английском языке, выражающие субъективную модальность.

В ходе предпринятого исследования установлено, что модальные слова *indeed, probably* в английском языке, модальные частицы *seguramente, en efecto, en realidad* в испанском языке, модальные частицы *вряд ли, неужели, точно* в русском языке, употребляясь при подлежащем, часто являются в предложении-высказывании единственным показателем его релативности. Например:

(англ.) (49) *It was barely dawn when they crossed and the officials were only too glad to have done quickly with these chattering noisy women and get back to their warm fires and their cigars. **Indeed this old lady** looked so bland and innocent, with her corpulence, her fat red face, and her smiling good-natured mouth, it would have been a very astute detective (Maugham);*

(50) *It was enough that she was watching him. **Probably she** had seen him go into the pub as well (Orwell);*

(исп.) (51) *Hasta hacía poco, **en efecto, los incendios** eran apagados por voluntarios con escaleras de albañiles y baldes de agua acarreados de donde se pudiera, y era tal el desorden de sus métodos, que éstos causaban a veces más estragos que los incendios (Márquez);*

(52) *La amenaza me golpeó. **Seguramente él** iba a ser condenado, pero esa misma noche dejé la capital (Benedetti);*

(53) *Fingía yo abstraerme en la desmañada actividad de Martina y en la llegada del tío Cosme (a quien no conocía), mientras, **en realidad, la inquietud de mis sentidos** se concretaba sobre la conversación que en voz muy baja se desarrollaba en derredor de la camilla (Delibes);*

(рус.) (54) *Выдумать такое... нет, **точно гений!** (Домбровский);*

(55) *Сынок, **неужели мой опыт** для тебя ничего не значит? (Тендряков);*

(56) *Вы один имеете на отца влияние. Просила же не опаздывайте!.. – **Вряд ли я** что-нибудь бы изменил, Аля. – Но тогда – кто, кто как не вы?.. (Тендряков).*

Приведенные выше примеры предложений-высказываний англо-, испано- и русскоязычного художественного дискурса (49-56) показывают, что коммуникативно-прагматическая функция данных лексем – модальных частиц и слов с модальным значением – вносить модальные и дополнительные смысловые значения в предложение-высказывание, а также выражать различные **модальные оттенки значений**, например, такие как:

– **уверенность**

(49) ***Indeed this old lady;***

(51) ***en efecto, los incendios;***

(52) ***Seguramente él;***

(53) ***en realidad, la inquietud de mis sentidos;***

(54) ***точно гений;***

– **неуверенность**

(56) ***Вряд ли я;***

– **вероятность**

(50) ***Probably she;***

– **предположение**

(55) ***неужели мой опыт** и др.*

Как видим из вышеприведенных примеров (49-56), при внесении в предложения-высказывания англо-, испано- и русскоязычного художественного дискурса определённых оттенков, модальные частицы и слова с модальным значением способны демонстрировать причастность литературных героев и автора художественного произведения (адресанта) к происходящему, отражая их миропонимание.

Проведенное исследование позволило установить, что модальные частицы и слова с модальным значением в исследуемых – английском, испанском и русском – языках в синтаксической структуре предложения-высказывания достаточно часто используются при сказуемом-реме, создавая коммуникативный центр высказывания. Например:

(англ.) (57) *So I knew she was up in London studying art. It **really made** a difference, that newspaper article (Fowels);*

(58) *“No, no, dear. I didn’t mean that at all. That **would indeed be jumping** to conclusions. I was just trying to account for the young woman’s presence down here (Christie);*

(исп.) (59) *Y **seguramente habrían penetrado** también alguna vez en el refugio de los muertos anteriores a ellos impregnados del mismo sentimiento, mezcla de repugnancia y respeto, que ahora me invadía a mí (Delibes);*

(60) *Súbitamente, Kepa experimentó una gran decepción. Salió de allí, con paso rápido. **En realidad**, Kepa **huía** (Matute);*

(рус.) (61) *Показалось или она **действительно слышала** крики Вики? (Васильев);*

(62) - **Неужели** ты **сможешь сделать** это, мама? – тихо спросила Искра (Васильев).

Следует отметить, что модальные частицы и слова с модальным значением в англо-, испано- и русскоязычном художественном дискурсе несут на себе логическое ударение и, как правило, стоят в препозиции (57-62). Данные лексические единицы являются лексико-семантическими конкретизаторами в

предложении-высказывании, так как способны выражать определённую степень уверенности говорящего/пишущего (адресанта) в возможности осуществления определенного действия. Таким образом, можем заключить, что модальные частицы и слова с модальным значением в определении семантического содержания предложения-высказывания, несомненно, играют важную роль в англо-, испано- и русскоязычном художественном дискурсе.

Достаточно редко слова с модальным значением и модальные частицы в исследуемых языках употребляются при дополнении, являющемся ремой. Например:

(англ.) (63) *Then he said a significant thing. 'Of course if I'd had any sense I'd have married a Malay girl and had half a dozen half-caste kids. That's the only solution really for us chaps who were born and bred here.'* (Maugham);

(исп.) (64) *Salcedo encontró, en efecto, a don Segundo, con un rebaño grande, en la línea del monte. Era un hombre desaseado, de pelo corto y barbas de muchos días* (Delibes);

(рус.) (65) *А ведь действительно большую часть своей жизни ты вкладываешь в дело, для жены, для сына* (Тендряков).

Как видим, приведенные выше примеры предложений-высказываний англо-, испано- и русскоязычного художественного дискурса (63-65) демонстрируют, что слова с модальным значением и модальные частицы привносят определённые эмоционально-экспрессивные оттенки значений в предложение-высказывание, выражая модальность *достоверности*.

Анализ практического материала позволил выявить, что слова с модальным значением современного английского языка и модальные частицы испанского и русского языков довольно редко употребляются при определении, являющемся ремой. Например:

(англ.) (66) *She's been wonderful – really wonderful. She's got old Miss Marple up here with her – from the village, you know.* (Christie);

(исп.) (67) Y, en efecto, sigilosos, recelosos, misteriosos, poco a poco habían ido apareciendo, como sombras furtivas (Llosa);

(рус.) (68) И вот тут, среди действительно блистающих изразцов лунных джазов, фей и кавалеров, я увидел на куске картона нечто совершенно иное (Домбровский).

Функционально-семантический анализ указывает на тот факт, что слова с модальным значением в англоязычном художественном дискурсе и модальные частицы в испано- и русскоязычном художественном дискурсе используются для передачи **субъективно-модальных значений** в предложении-высказывании, например, таких как:

– *восхищение*

(66) really wonderful;

– *уверенность*

(67) en efecto, sigilosos, recelosos, misteriosos;

(68) действительно блистающих изразцов.

Необходимо отметить, что данные модальные оттенки создаются в конкретных прагматических условиях и конкретным субъектом речи.

Следует подчеркнуть, что слова с модальным значением и модальные частицы также способны маркировать в предложении рематический характер обстоятельства. Например:

(англ.) (69) They were led up to the long-house—a village really under one roof, built on piles, to which access was obtained by climbing up the trunk of a tree rudely notched into steps (Maugham);

(исп.) (70) Y se vino, en efecto, en el momento mismo en que sintio en la suya la mejilla de Ilse (Llosa);

(рус.) (71) Жизнеописания его появились позднее, их составляли люди, вряд ли лично знавшие Христа (Тендряков).

Как видим, данные лексемы – слова с модальным значением и модальные частицы – имеют ярко выраженную коммуникативно-прагматическую

направленность, так как задают определённую коммуникативную перспективу. Выделяя рематический характер обстоятельства и влияя на развитие всего акта коммуникации, модальные частицы и слова с модальным значением приносят в предложение-высказывание как дополнительную информацию, так и оттенки значений, например, такие как:

– *убедительность*

(69) *really under one roof*;

(70) *en efecto, en el momento mismo*;

– *неуверенность*

(71) *вряд ли лично*.

Количественный анализ использования слов с модальным значением в предложении-высказывании англоязычного художественного дискурса и модальных частиц в предложении-высказывании испаноязычного и русскоязычного художественного дискурса даёт возможность получить наиболее общее представление об употреблении исследуемых лексических единиц языка как показателей рематичности компонентов (членов) предложения-высказывания, так как способны вносить дополнительную информацию в предложение-высказывание и влиять на развитие акта коммуникации в целом.

Далее считаем целесообразным составить таблицу и представить показатели частотности употребления слов с модальным значением и модальных частиц в предложении-высказывании в каждом исследуемом – англо-, испано- и русскоязычном – художественном дискурсе отдельно. Считаем важным отметить, что в структурированных таблицах, приведенных ниже, учитываются синтаксические компоненты (члены) предложения-высказывания, перед которыми исследуемые типы слов с модальным значением и модальные частицы используются продуцентами (адресантами) предложений-высказываний англо-, испано- и русскоязычного художественного дискурса.

**УПОТРЕБЛЕНИЕ МОДАЛЬНЫХ СЛОВ КАК ПОКАЗАТЕЛЕЙ
РЕМАТИЧНОСТИ СИНТАКСИЧЕСКИХ КОМПОНЕНТОВ
ПРЕДЛОЖЕНИЯ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ**

Члены предложения	Частотность %	Пример
Подлежащее	15,4	<i><u>Probably she</u> was the one who planned the whole thing (Christie).</i>
Сказуемое	55,4	<i><u>Indeed I did not know</u> the answer (Maugham).</i>
Дополнение	9,2	<i>“Some years ago you had a very <u>serious delusion indeed</u> (Orwells).</i>
Обстоятельство	12,3	<i>They're never <u>really at ease</u> when they're out of it (Maugham).</i>
Определение	7,7	<i>Some of them told <u>really pitiful</u> stories of the destitution (Maugham).</i>

Из приведенной выше Таблицы 5 «Употребление модальных слов как показателей рематичности синтаксических компонентов предложения в английском языке» видно, что в предложении-высказывании англоязычного художественного дискурса слова с модальным значением как показатели рематичности синтаксических компонентов предложения-высказывания чаще всего употребляются перед **сказуемым** (группой сказуемого) – 55,4 %. Приведем следующий иллюстративный пример предложения-высказывания англоязычного художественного дискурса: ***Indeed I did not know** the answer (Maugham)*. Отметим, что далее по частотности использования слов с модальным значением в предложении-высказывании в качестве показателей рематичности синтаксических компонентов (членов) англоязычного предложения в художественном дискурсе следует **подлежащее** – 15,4 %. Примером подобного использования слов с модальным значением перед подлежащим английского предложения-высказывания художественного дискурса может служить следующая конструкция: ***Probably she** was the one who planned the whole thing (Christie)*. В порядке убывания показателя использования слов с модальным значением в качестве показателей рематичности в английском языке следует

обстоятельство – 12,3 %. Приведем следующий иллюстративный пример из англоязычного художественного дискурса: *They're never really at ease when they're out of it (Maugham)*. Как выяснилось, гораздо реже слова с модальным значением в качестве показателей релативности синтаксических компонентов (членов) предложения употребляются в английском предложении-высказывании перед **дополнением** – 9,2 %. Примером подобного использования слова с модальным значением может служить следующая конструкция англоязычного художественного дискурса: “*Some years ago you had a very serious delusion indeed (Orwells)*. Отметим, что реже всего слова с модальным значением в качестве показателей релативности синтаксических компонентов (членов) предложения англоязычного художественного дискурса используются перед **определением** – 7,7 %. Приведем пример предложения-высказывания англоязычного дискурса, в котором слово с модальным значением используется перед определением: *Some of them told really pitiful stories of the destitution (Maugham)*.

Таблица 6

**УПОТРЕБЛЕНИЕ МОДАЛЬНЫХ ЧАСТИЦ КАК ПОКАЗАТЕЛЕЙ
РЕЛАТИВНОСТИ СИНТАКСИЧЕСКИХ КОМПОНЕНТОВ
ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ**

Члены предложения	Частотность %	Примеры
Подлежащее	16,5	<i>Hasta hacía poco, <u>en efecto, los incendios</u> eran apagados... (Márquez).</i>
Сказуемое	57,5	<i><u>En realidad están usando</u> el cristal como espejo (Benedetti).</i>
Дополнение	12,5	<i>Salcedo encontró, <u>en efecto, a don Segundo, con un rebaño grande</u> (Delibes).</i>
Обстоятельство	7,3	<i>Y se vino, <u>en efecto, en el momento mismo</u> en que sintió en la suya la mejilla de Ilse (Llosa).</i>
Определение	6,2	<i>Divertida teoría, sin duda; sutil también, pero <u>seguramente falsa</u> (Llosa).</i>

Количественный анализ показал, что исследуемые модальные частицы и слова с модальным значением в испаноязычном художественном дискурсе

употребляются перед всеми синтаксическими компонентами (членами) предложения-высказывания. Так, в испаноязычном предложении-высказывании художественного дискурса чаще всего данные лексические единицы употребляются перед **сказуемым** (группой сказуемого) – 57,5 %. Приведем следующий пример: ***En realidad están usando** el cristal como espejo (Benedetti)*. Лингвостатистический анализ позволил установить, что далее по частотности их использования в испанском языке следует **подлежащее** – 16,5 %. Примером подобного использования модальных частиц может служить следующая конструкция: *Hasta hacía poco, **en efecto, los incendios** eran apagados por voluntarios con escaleras de albañiles y baldes de agua acarreados de donde se pudiera, y era tal el desorden de sus métodos, que éstos causaban a veces más estragos que los incendios (Márquez)*. В порядке убывания показателя использования модальных частиц находится **дополнение** – 12,5 %. Иллюстративным примером может служить следующее предложение-высказывание испаноязычного художественного дискурса: *Salcedo encontró, **en efecto, a don Segundo**, con un rebaño grande, en la línea del monte. Era un hombre desaseado, de pelo corto y barbas de muchos días (Delibes)*. Как показывает лингвостатистический анализ, гораздо реже модальные частицы как показатели рематичности синтаксических компонентов предложения употребляются в испанском предложении-высказывании перед **обстоятельством** – 7,3 %. Приведем следующий пример испаноязычного предложения-высказывания: *Y se vino, **en efecto, en el momento mismo** en que sintió en la suya la mejilla de Ilse (Llosa)*. Реже всего модальные частицы в испанском языке используются перед **определением** – 6,2 %. Примером служит следующий пример предложения-высказывания: *Divertida teoría, sin duda; sutil también, pero **seguramente falsa** (Llosa)*.

Приведём сравнительную таблицу, содержащую данные частотности употребления модальных частиц как показателей рематичности синтаксических компонентов русскоязычного предложения-высказывания художественного дискурса.

**УПОТРЕБЛЕНИЕ МОДАЛЬНЫХ ЧАСТИЦ КАК ПОКАЗАТЕЛЕЙ
РЕМАТИЧНОСТИ СИНТАКСИЧЕСКИХ КОМПОНЕНТОВ
ПРЕДЛОЖЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

Члены предложения	Частотность %	Пример
Подлежащее	27,0	<i><u>Неужели только месяц</u> прошел? (Домбровский).</i>
Сказуемое	27,4	<i>Нет, гора <u>действительно опустилась</u> (Распутин).</i>
Дополнение	15,1	<i>Этим делом Ирине суждено заниматься <u>едва ли не на протяжении всей работы</u> (Тендряков).</i>
Обстоятельство	16,4	<i>Иногда <u>действительно ночью</u> (Домбровский).</i>
Определение	14,1	<i>Послушайте, раз так, то я вам дам <u>действительно ценный</u> совет (Домбровский).</i>

Из приведенной выше Таблицы 7 «Употребление модальных частиц как показателей рематичности синтаксических компонентов предложения в русском языке» видно, что в предложении-высказывании русскоязычного художественного дискурса модальные частицы как показатели рематичности синтаксических компонентов (членов) предложения-высказывания чаще всего употребляются перед **сказуемым** (группой сказуемого) – 27,4 %. Примером подобного использования модальных частиц может служить следующее предложение-высказывание русскоязычного художественного дискурса: *Нет, гора действительно опустилась (Распутин)*. Далее согласно таблице частотности использования модальных частиц в предложении-высказывании в русском языке следует **подлежащее** – 27,0 %. Приведем следующий пример использования модальных частиц перед подлежащим предложения-высказывания в русскоязычном художественном дискурсе: *Неужели только месяц прошел? (Домбровский)*. В порядке убывания показателя частотности использования модальных частиц как показателей рематичности синтаксических компонентов

(членов) предложения-высказывания художественного дискурса находится **обстоятельство** – 16,4 %. Примером подобного использования модальных частиц перед обстоятельством служит следующая конструкция русскоязычного художественного дискурса: *Иногда действительно ночью (Домбровский)*. Довольно реже в русском языке модальные частицы как показатели релативности синтаксических компонентов (членов) предложения употребляются перед **дополнением** – 15,1 %. Примером использования модальных частиц перед дополнением русскоязычного предложения может служить следующее высказывание художественного дискурса: *Этим делом Ирине суждено заниматься едва ли не на протяжении всей работы (Тендряков)*. Как выяснилось из проведенного анализа предложений-высказываний русскоязычного художественного дискурса с использованием модальных частиц, данные частицы как показатели релативности синтаксических компонентов (членов) предложения в русском языке реже всего используются перед **определением** – 14,1 %. Представляется уместным привести следующий пример предложения-высказывания русскоязычного художественного дискурса: *Послушайте, раз так, то я вам дам действительно ценный совет (Домбровский)*.

Таблица 8

**УПОТРЕБЛЕНИЕ МОДАЛЬНЫХ СЛОВ И МОДАЛЬНЫХ ЧАСТИЦ
КАК ПОКАЗАТЕЛЕЙ РЕМАТИЧНОСТИ СИНТАКСИЧЕСКИХ
КОМПОНЕНТОВ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В АНГЛИЙСКОМ, ИСПАНСКОМ
И РУССКОМ ЯЗЫКАХ**

Синтаксические компоненты предложения	Английский язык Частотность %	Испанский язык Частотность %	Русский язык Частотность %
Подлежащее	15,4	16,5	27,0
Сказуемое	55,4	57,5	27,4
Дополнение	9,2	12,5	15,1
Обстоятельство	12,3	7,3	16,4
Определение	7,7	6,2	14,1

На основе проведённого в настоящей работе лингвостатистического анализа (Таблица 8) представляется необходимым дать описание частотности употребления модальных частиц и слов с модальным значением как показателей рематичности синтаксических компонентов (членов) предложения-высказывания в англо-, испано- и русскоязычном художественном дискурсе.

Вполне очевидно, что модальные частицы и слова с модальным значением как показатели рематического характера синтаксических компонентов (членов) предложения-высказывания художественного дискурса употребляются перед **подлежащим** (группой подлежащего) чаще всего в *русском языке (27,0 %)*. Далее в порядке уменьшения частотности использования модальных частиц и слов с модальным значением в качестве показателей рематичности подлежащего следует *испанский язык (16,5 %)*. Гораздо реже слова с модальным значением и модальные частицы используются в синтаксической структуре предложения перед подлежащим в *английском языке (15,4 %)*.

Продолжая описание полученных данных, рассмотрим показатели использования слов с модальным значением и модальных частиц в предложении-высказывании художественного дискурса перед **сказуемым** (группой сказуемого). Так, наиболее ярко слова с модальным значением и модальные частицы как показатели рематичности синтаксических компонентов (членов) предложения-высказывания художественного дискурса, в частности перед сказуемым, употребляются в *испанском языке (57,5 %)*. Далее по частотности употребления слов с модальным значением и модальных частиц в предложении-высказывании художественного дискурса перед сказуемым (группой сказуемого) находится *английский язык (55,4 %)*. Следует отметить, что значительно реже данные лексические единицы используются перед сказуемым (группой сказуемого) в *русском языке (27,4 %)*. Таким образом, можем сделать вывод о том, что различие в использовании слов с модальным значением и модальных частиц в предложении-высказывании художественного дискурса перед сказуемым (группой сказуемого) в испанском и английском языках не велико. Однако

отметим, что в структуре предложения-высказывания русскоязычного художественного дискурса по сравнению с англо- и испаноязычным художественным дискурсом слова с модальным значением и модальные частицы перед сказуемым используются гораздо реже.

Наиболее распространённое употребление слов с модальным значением и модальных частиц как показателей рематичности синтаксических компонентов (членов) предложения-высказывания художественного дискурса обнаруживается перед **дополнением** в *русском языке* (15,1 %), далее в порядке уменьшения показателя частотности использования данных лексических единиц в предложении-высказывании художественного дискурса перед дополнением следует *испанский язык* (12,5 %). Как видно из вышеприведенной Таблицы 8, слова с модальным значением и модальные частицы как показатели рематичности синтаксических компонентов (членов) предложения-высказывания художественного дискурса реже всего употребляются перед дополнением в *английском языке* (9,2 %).

Употребление слов с модальным значением и модальных частиц в предложении-высказывании перед **обстоятельством** наиболее ярко прослеживается в *русском языке* (16,4 %). Вслед за русским языком, в порядке уменьшения показателя частотности использования вышеупомянутых лексических единиц в качестве показателей рематичности синтаксических компонентов (членов) предложения-высказывания художественного дискурса, в частности, перед обстоятельством, следует *английский язык* (12,3 %). Как показывают лингвостатистические данные, довольно реже, по сравнению с русским и английским языками, слова с модальным значением и модальные частицы используются перед обстоятельством в *испанском языке* (7,3 %).

Согласно данным Таблицы 8, перед **определением** исследуемый тип лексем используется довольно редко в английском, испанском и русском языках. Чаще всего слова с модальным значением и модальные частицы в качестве показателей рематичности синтаксических компонентов (членов) предложения-высказывания

художественного дискурса используются перед определением в *русском языке* (14,1 %). Далее в порядке уменьшения показателя частотности использования данных лексических единиц в предложении-высказывании перед определением следует современный *английский язык* (7,7 %). В соответствии с полученными лингвостатистическими данными по использованию слов с модальным значением и модальных частиц в предложении-высказывании, данные лексические единицы довольно редко употребляются перед определением в *испанском языке* (6,2 %).

Таким образом, в соответствии с полученными результатами предпринятого исследования и лингвостатистическими данными (Таблица 8), приходим к заключению, что, как использование слов с модальным значением и модальных частиц перед разными компонентами (членами) предложения-высказывания в англо-, испано- и русскоязычном художественном дискурсе неодинаково.

Проведенный анализ фактического материала – предложений-высказываний англо-, испано- и русскоязычного художественного дискурса с использованием слов с модальным значением и модальных частиц в качестве показателей рематичности синтаксических компонентов (членов) предложения – показал, что данные лексические единицы в предложении-высказывании англо-, испано- и русскоязычного художественного дискурса в коммуникативно-синтаксическом аспекте имеют рематическое значение, маркируя границу темы и ремы предложения-высказывания. Слова с модальным значением и модальные частицы способны выделять в качестве ремы любой синтаксический компонент (член) предложения. Выражая субъективную модальность, данные лексемы одновременно участвуют в тема-рематической организации высказывания, выполняя функцию лексико-семантических конкретизаторов в коммуникативной структуре предложения. Как лексико-семантические конкретизаторы исследуемые лексические единицы способны вносить различные модальные оттенки значений в высказывание (*вероятность, восхищение, достоверность, недоверие, предположение, уверенность/неуверенность* и др.), то есть отличаются полифункциональностью.

2.1.3. Коммуникативно-прагматические функции усилительных частиц

Существование усилительных частиц в довольно большом количестве в английском, испанском и русском языках, прежде всего, объясняется спецификой их функционирования в речи.

Ряд исследователей полагают, что данная особенность усилительных частиц заключается в том, что они способны усиливать, подчёркивать определённую информацию (В. Д. Девкин), акцентировать внимание на элементах высказывания (Е. Ю. Оберемченко) и довольно ёмко доносить больше информации, чем содержится в самой фразе (И. И. Сущинский) [Дягтерева, 2018, с. 58].

При изучении речевой деятельности, Е. Г. Борисова указывает на то, что для более адекватного понимания говорящий использует усилительные частицы для выделения фрагмента значения, который представляется важным «для данного сообщения в большей степени, чем можно предполагать» [Борисова, 2018, с. 39].

А. Е. Булатникова полагает, что усилительные частицы обладают акцентирующей функцией, то есть способны подчеркивать и усиливать языковое выражение [Булатникова, 1973]. При этом существует иная точка зрения относительно функционального диапазона усилительных частиц. Данные частицы не обязательно выделяют какой-либо компонент в высказывании, так как высказывание может произноситься и без акцентного выделения [Николаева, 1979, с. 56; Стародумова, 1988, с. 10].

Следует также отметить, что при описании особенностей функциональных характеристик усилительных частиц в английском языке лингвисты приходят к мнению, что функция данных лексем заключается в усилении значимости выделяемого слова или словосочетания в высказывании [Камянова, 2017, с. 598; Маковеева, 2001, с. 134].

Что касается испанского языка, то Т. Ж. Олтиев отмечает, что большое количество усилительных частиц в испанском языке связано с усилением смысловой нагрузки слова, словосочетания или высказывания в целом.

Характерным является то, что многие из этих частиц в основном усиливают выражение смысловых оттенков отдельного слова, маркируя рему в высказывании. Общим семантическим свойством данных лексем является усиление, однако в семантике этой группы частиц имеются возможности и других значений, например, выделение, уточнение слова, словосочетания или высказывания [Олтиев, 1992, с. 7].

В. В. Виноградов отмечает, что разряд усилительных частиц в русском языке по своему составу является достаточно значительным. Данные лексем, находясь непосредственно перед тем словом или словосочетанием, которое усиливают или выделяют, придают ему большую выразительность и убедительность, так как усилительные частицы «играют роль своеобразных качественных показателей смыслового веса слов или высказывания в целом» [Виноградов, 1986, с. 546].

Как свидетельствует анализ фактического материала, в качестве коммуникативно однозначных показателей ремы в английском предложении выступают усилительные частицы *even, just*, в испанском предложении – частицы *hasta, sobre todo, siquiera* и в русском предложении – частицы *даже, даже и*. Выбор данных частиц в качестве объекта исследования обусловлен тем, что, как показал анализ фактического материала, усилительные частицы являются наиболее эффективными и сравнительно чаще употребляемыми в художественном дискурсе.

Английская усилительная частица *even* в структуре предложения довольно часто выступает средством рематизации подлежащего (72) **Even Ashenden**, находящегося в начальной позиции, являясь единственным показателем его рематичности. Усилительная частица находится в препозиции и выполняет функцию формулирования мысли и фокусирования внимания реципиента (адресата) на последующей новой для него информации. Следует отметить, что в ходе предпринятого исследования не выявлено ни одного примера с частицей *just*, которая выделяет подлежащее-рему. Например:

(англ.) (72) *But then there was the espionage. Even Ashenden with all his tolerance for human frailty could not but feel that to betray your country for money is not a very pretty proceeding (Maugham).*

Приведенный выше пример предложения-высказывания англоязычного художественного дискурса (72) показывает, что усилительная частица *even* в английском языке является средством интенсификации высказывания. Частица в какой-то степени оказывает влияние на формирование у читателя (адресата) определённого мнения и концентрирует его внимание на поступающей новой информации (Даже Эшенден считает, что предать свою страну из-за денег – не очень приятное занятие).

Проведенное исследование позволило установить, что усилительные частицы испанского языка *hasta, sobre todo, siquiera*, употребляясь при подлежащем, часто являются в предложении единственным показателем его рематичности (73) sobre todo Mallarmé; (74) hasta tú; (75) ni siquiera la silla flamenco. Как видно из приведенных примеров, данные усилительные частицы указывают на крайнюю степень проявления признака, обозначенного в предикате. Например:

(исп.) (73) *Hay baños que lucen hermosos como pulseras de brillantes, bidets con un cuadro de mandos como el de un automóvil, lujosos retretes de dos tapas y de ventrudas, elegantes cisternas bajas donde seguramente se puede apoyar el codo, se pueden incluso colocar algunos libros bien seleccionados, encuadernados con belleza: Hölderlin, Keats, Valéry, para los casos en que el estreñimiento precisa de compañía; Rubén, Mallarmé, sobre todo Mallarmé, para las descomposiciones de vientre (Cela);*

(74) *Así que Ambrosio le había hablado a don Cayo, don, para que pusiera a Ludovico en vez de Hinostroza, y don Cayo se había reído: ahora hasta tú tienes: tus recomendados, negro (Llosa);*

(75) *Le había sentado entre los dos candelabros y don Néstor parpadeaba contrariado, lamentando que ni siquiera la silla flamenca hubiera podido evitar la desgracia. Pero como buen comerciante encontró enseguida la salida pertinente (Delibes).*

Примеры (73-75) позволяют говорить о том, что усилительные частицы в испанском языке отражают исключительность факта, выдвигая на передний план информацию, которая обладает наибольшей ценностью (73) **особенно** Малларме, (74) **даже ты**, (75) **даже** фламандский стул. Следует отметить, что в ходе анализа предложений-высказываний испаноязычного художественного дискурса выявлено, что усилительная частица *siquiera* в испанском языке употребляется вместе с отрицательной частицей *ni*, которая придает всему предложению повышенную экспрессивность, тем самым подчеркивая функцию усиления лексемы *siquiera* в высказывании, что, в свою очередь, позволяет реципиенту (адресату) сконцентрировать внимание на существенной информации.

Проведенный анализ предложений-высказываний с усилительными частицами русскоязычного художественного дискурса показал, что усилительные частицы русского языка *даже*, *даже и* релативизируют подлежащее (76) **даже Вовик Храмов**; (77) **даже и академик**, выполняя роль фокусирования, то есть акцентируют внимание на более важной информации в высказывании. Например:

(рус.) (76) *В девятом классе Валентина Андроновна предложила нам тему свободного сочинения «Кем я хочу стать?». И все ребята написали, что они хотят стать командирами Красной Армии. Даже Вовик Храмов пожелал быть танкистом, чем вызвал бурю восторга (Васильев);*

(рус.) (77) *Опухает, как клоп, под глазами вот такие водяные мозоли, ноги слоновые – подавишь – ямина – идет, шатается. А ведь профессор, а может, даже и академик (Домбровский).*

Приведённые выше примеры (76, 77) предложений-высказываний русскоязычного художественного дискурса показывают, что усилительные

частицы *даже, даже и* в русском языке придают высказыванию специфический оттенок и выделяют его фрагмент.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что, акцентируя подлежащее в предложении, усилительные частицы в англо-, испано- и русскоязычном художественном дискурсе способны направлять содержание акцентированного компонента к предикативной части высказывания, тем самым, расширяют её содержание.

Анализ фактического материала позволил установить, что усилительные частицы английского языка *even, just*, усилительные частицы испанского языка *hasta, sobre todo, siquiera* и усилительные частицы русского языка *даже, даже и* достаточно часто используются при сказуемом-реме, подчеркивая исключительность и неожиданность факта в высказывании (78) **just come**; (79) **even suggested**; (80) **hasta para escribir**; (81) **sobre todo meditaba**; (82) **даже и ненавидеть**; (83) **даже перепугалась**. Например:

(англ.) (78) “Message **just come** through for you from headquarters, sir. Labourer reported this morning saw glare as of fire. Half an hour ago they found a burnt-out car in a quarry. Venn’s Quarry – about two miles from here. Traces of a charred body inside” (Christie);

(79) I could tell he was angry that I left like that, although he said at first he was pleased, he was sure they were all pleased, which of course I know they weren’t. He **even suggested** I might invest in the Council 5 % Loan! Some of them at Town Hall lose all sense of proportion (Fowels);

(исп.) (80) – Debe ser interesantísimo ser periodista – dijo el Chispas – Yo no podría, soy negado **hasta para escribir** cartas. Pero ahí tú estás en tu elemento, Santiago (Llosa);

(81) Había cuatro o cinco cafés, de clásico prestigio, en los cuales, sin que nadie lo supiera (ni siquiera Albertina, que por lo general a esas horas ensayaba), se refugiaba en alguna mesa de un rincón, y allí

*leía y **sobre todo meditaba**: sobre un caótico mundo a ajustar, sobre el Dios que seguramente no existía, sobre la vaga posibilidad de tener un hijo, y varios etceteras de menor cuantía (Benedetti);*

*(рус.) (82) И сам он, можно не сомневаться, ни разу в жизни не произнес доброго слова, зато постоянно грубые проклятия, не умеет жалеть, пожалуй, **даже и ненавидеть** не умеет (Тендряков);*

*(83) Жена им яишенку с луком сварганила, а меня за коньяком послали. Я обратно шел, три яблока ей самых-самых, ну что ни на есть самых крупных сорвал, она **даже перепугалась**: «Ой, ой, какие, разве такие бывают?» (Домбровский).*

Как видно из приведенных примеров предложений-высказываний англо-, испано- и русскоязычного художественного дискурса (78-83), усилительные частицы, прикрепляясь к сказуемому, отражают его отношение к содержанию предикативной части высказывания, при этом в центре предикативной части высказывания находится сам предикат. При помощи данных лексических единиц авторы усиливают языковое выражение и подчёркивают действие, частицы, соотнося сказуемое с предикативной частью, определяют содержательные границы предикативной части: (78) *Message **just come through***; (79) *He **even suggested***; (80) *hasta para escribir cartas*; (81) *y allí leía y **sobre todo meditaba***; (82) ***даже и ненавидеть не умеет***; (83) *она **даже перепугалась***.

В результате настоящего исследования выявлено, что многие усилительные частицы в современном английском, испанском и русском языках могут являться коммуникативно однозначными сигнализаторами рематичности дополнения (84) ***even for signatures***; (85) ***sobre todo por tu viejo***; (86) ***даже для всей страны***. Следует подчеркнуть, что усилительные частицы вводят принципиально новую информацию в высказывание и усиливают значимость этой информации:

*(англ.) (84) The pen was an archaic instrument, seldom used **even for signatures**, and he had procured one, furtively and with some difficulty, simply because of a feeling that the beautiful creamy paper deserved to be*

written on with a real nib instead of being scratched with an ink-pencil (Orwell);

*(исп.) (85) – Hazlo por la Teté y **sobre todo por tu viejo** – insistía Popeye. Tú sabes cómo te quiere, flaco. Y hasta el Chispas, hombre. Esta misma tarde me dijo que el supersabio se deje de mariconadas y venga (Llosa);*

*(рус.) (86) – Представляешь, Саша – с его-то способностями! – не закончит школу. Ты соображаешь, какая это потеря для всех нас, а может быть, **даже для всей страны!** (Васильев).*

Как видно из вышеприведенных примеров предложений-высказываний англо-, испано- и русскоязычного художественного дискурса (84-86), авторы используют усилительные частицы для акцентирования дополнения в предложении-высказывании, так как данные частицы вносят оттенок усиления в высказывания. Акцентируемый компонент (член) предложения может находиться в сильной и слабой связи с господствующим словом [Стародумова, 1988, с. 57-58]. Так, например, англоязычное предложение-высказывание (84) отражает слабую связь с господствующим словом: *(англ.) **The pen** was an archaic instrument, seldom used even for signatures.* А испаноязычный пример (85) предложения-высказывания художественного дискурса *(исп.) **Hazlo por la Teté y sobre todo por tu viejo*** и русскоязычный пример (86) *(рус.) Ты соображаешь, какая это **потеря** для всех нас, а может быть, **даже для всей страны!*** отражают сильную связь с господствующим словом. Таким образом, как видим, семантика усилительных частиц проявляется на определенном фоне, выражая конкретные смысловые отношения.

Проанализированный материал свидетельствует о том, что исследуемые усилительные частицы достаточно редко употребляются при определении-реме (87) ***even as a little child***; (88) ***sobre todo tan hermosa***; (89) ***даже рассыпающиеся***, выделяя наиболее значимую информацию в высказывании. Например:

(англ.) (87) *Failure is the foundation of success and success is the lurking-place of failure; but who can tell when the turning point will come? He who strives after tenderness can become even as a little child (Maugham);*

(исп.) (88) *El general le explicó que lo era mucho más cuando a los gallos los excitaban con gritos obscenos y se hacían disparos al aire, pero que los galleros estaban cohibidos aquella tarde por la presencia de una mujer, y sobre todo tan hermosa (Márquez);*

(рус.) (89) Он даже рассыпающиеся волосы не подбирал, так и сидел, чем-то отдаленно напоминая русского мастерового, стриженного под кружок (Астафьев).

Функционально-семантический анализ предложений-высказываний с усилительными частицами англо-, испано- и русскоязычного художественного дискурса (87-89) демонстрирует, что основное функциональное предназначение усилительных частиц в исследуемых языках – это отражение *исключительного факта* (87, 88), а также и *неожиданного факта* (89). Акцентируя в выражении исключительный или неожиданный факт, усилительные частицы соотносят его с общим фактом, что и выражается в фоновом компоненте.

В ходе проведенного исследования выявлено несколько примеров усилительных частиц при обстоятельстве-реме (90) *even in the crude light of midday*; (91) *Even in Soissons*; (92) *sobre todo en los tiempos de grandes lluvias*; (93) *sobre todo de noche*; (94) *Даже в заповеднике*; (95) *даже в вестибюле*. Данные примеры показывают, что главная функция усилительных частиц – сосредоточить внимание читателя (адресата) сообщения на главной реалии в высказывании, придавая дополнительные оттенки значений акцентируемому компоненту (члену) предложения. Например:

(англ.) (90) *She had sat at the window so often and so long during the weeks that had passed and her eyes now were so familiar with the fantastic, garish, beautiful and mysterious temple on its great bastion that it*

- rested her spirit. It was so unreal, even in the crude light of midday, that it withdrew her from the reality of life (Maugham);
- (91) They thought she was going out of her mind. She would scream for hours on end. There were no doctors to be got. The village doctor had been called to the colours. Even in Soissons there were only two doctors left, old men both of them, and how could they get to the farm even if it had been possible to send for them? (Maugham);
- (исп.) (92) Por las tardes, sobre todo en los tiempos de grandes lluvias, se veían pasar los cortejos de pobres llevando a sus ahogados para velarlos en el convento (Márquez);
- (93) La torre del faro fue siempre un refugio afortunado que él evocaba con nostalgia cuando ya tenía todo resuelto en los albores de la vejez, porque era un sitio bueno para ser feliz, sobre todo de noche, y pensaba que algo de sus amores de aquella época les llegaba a los navegantes en cada vuelta de los destellos (Márquez);
- (рус.) (94) Фигура под руками Зубра как бы вырастает в матерую четвероногую сутулую махину весом чуть ли не в тонну, с мохнатым загривком, горбоносой мордой. Даже в заповеднике они не подпускают к себе человека ближе чем на тридцать метров (Гранин);
- (95) На стене висело «Нападение тигра на роту солдат вблизи города Верного» – картина старинная, темная, сухая, плохая и в музее очень ценимая. С нее даже в вестибюле снимки продавали. Еще бы! Такой сюжет! (Домбровский).

Приведенные выше примеры предложений-высказываний англо-, испано- и русскоязычного художественного дискурса (90-95) указывают на тот факт, что авторы при помощи усилительных частиц выдвигают на передний план наиболее важную, ценную информацию в высказывании, так как данные частицы способны выделить информативную значимость определенного синтаксического

компонента. Усилительные частицы в приведенных примерах англо-, испано- и русскоязычных предложений-высказываний художественного дискурса выражают значение *исключительности*, соотнося его с общим фактом.

Итак, проведенный в настоящей работе анализ фактического материала показал, что усилительные частицы в английском, испанском и русском языках являются однозначным сигнализатором ремы. Они способны выделять в качестве ремы любой синтаксический компонент (член) предложения, который может находиться в начальной, в срединной или конечной позиции. Таким образом, отметим, что функции усилительных частиц связаны с выдвиганием на передний план информации, которая обладает наибольшей ценностью. Являясь средством усиления смысловой нагрузки слова, словосочетания или всего высказывания в целом, усилительные частицы английского языка *even, just*, усилительные частицы испанского языка *hasta, sobre todo, siquiera* и усилительные частицы русского языка *даже, даже и* подчеркивают информативно-семантическую значимость акцентированного компонента, а также несут дополнительную композиционно-смысловую нагрузку в художественном дискурсе.

Далее считаем целесообразным и уместным составить и привести таблицы частотности употребления усилительных частиц в каждом исследуемом – англо-, испано- и русскоязычном – художественном дискурсе отдельно. Как видим по структуре таблиц, приведенных ниже, в них учитываются компоненты (члены) предложения, перед которыми исследуемые типы коммуникативных частиц используются адресантами – продуцентами предложений-высказываний (реплик) англо-, испано- и русскоязычного художественного дискурса.

Количественный анализ усилительных частиц в предложении-высказывании англо-, испано- и русскоязычного художественного дискурса даёт возможность получить наиболее общее представление об употреблении данных лексических единиц языка как показателей релативности компонентов в предложении-высказывании.

**УПОТРЕБЛЕНИЕ УСИЛИТЕЛЬНЫХ ЧАСТИЦ КАК ПОКАЗАТЕЛЕЙ
РЕМАТИЧНОСТИ СИНТАКСИЧЕСКИХ КОМПОНЕНТОВ
ПРЕДЛОЖЕНИЯ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ**

Синтаксические компоненты предложения	Частотность %	Примеры
Подлежащее	7,4	<i><u>Even Ashenden</u> with all his tolerance for human frailty could not (Maugham).</i>
Сказуемое	52,9	<i>I don't think they <u>even saw</u> me or the van (Fowles).</i>
Дополнение	10,3	<i>It would have been a beautiful skin <u>even for a woman</u> (Maugham).</i>
Обстоятельство	23,5	<i>It was so unreal, <u>even in the crude light of midday</u> (Maugham).</i>
Определение	5,9	<i>He who strives after tenderness can become <u>even as a little child</u> (Maugham).</i>

Количественный анализ (Таблица 9) показал следующие закономерности употребления усилительных частиц как показателей рематичности синтаксических компонентов (членов) предложения, характерные для англоязычного художественного дискурса. Данные лексемы в английском языке чаще всего в качестве показателя рематичности синтаксических компонентов (членов) предложения употребляются перед **сказуемым** (группой сказуемого) – 52,9 %. Приведем следующий пример предложения-высказывания англоязычного художественного дискурса: *I don't think they even saw me or the van (Fowles)*. Далее по частотности использования усилительных частиц в предложении-высказывании в английском языке следует **обстоятельство** – 23,5 %. Примером подобного использования усилительных частиц может служить предложение-высказывание: *It was so unreal, even in the crude light of midday (Maugham)*. Гораздо реже усилительные частицы используются при **дополнении** – 10,3 %. Примером может служить следующее высказывание: *It would have been a beautiful skin even for a woman (Maugham)*. Усилительные частицы как показатели рематичности синтаксических компонентов предложения употребляются в английском предложении-высказывании перед **подлежащим** – 7,4 %. Приведем

пример из произведения С. Моэма: *Even Ashenden with all his tolerance for human frailty could not* (Maugham) и перед **определением** – 5,9 %. Примером может служить следующее предложение-высказывание англоязычного художественного дискурса: *He who strives after tenderness can become even as a little child* (Maugham).

Таблица 10

**УПОТРЕБЛЕНИЕ УСИЛИТЕЛЬНЫХ ЧАСТИЦ КАК ПОКАЗАТЕЛЕЙ
РЕМАТИЧНОСТИ СИНТАКСИЧЕСКИХ КОМПОНЕНТОВ
ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ**

Синтаксические компоненты предложения	Частотность %	Примеры
Подлежащее	14,1	... <u>sobre todo Mallarmé</u> , para las descomposiciones de vientre (Cela)
Сказуемое	29,9	Se refugiaba en alguna mesa de un rincón, y allí leía y <u>sobre todo meditaba</u> (Benedetti).
Дополнение	25,3	... no intentó <u>siquiera una batalla inútil</u> (Márquez).
Обстоятельство	14,6	Era un sitio bueno para ser feliz, <u>sobre todo de noche</u> , y pensaba que algo de sus amores (Márquez).
Определение	16,1	Escalaba en la C.F.C. implicaba nuevos privilegios, <u>sobre todo privilegios secretos</u> , y uno de los más útiles (Márquez).

Как видно из вышеприведенной таблицы (Таблица 10), чаще всего усилительные частицы как показатели рематичности синтаксических компонентов предложения в испаноязычном художественном дискурсе употребляются перед **сказуемым** (группой сказуемого) – 29,9 %: ... y *allí leía y sobre todo meditaba*: *sobre un caótico mundo a ajustar* (Benedetti). Далее по частотности использования усилительных частиц в предложении-высказывании в испаноязычном художественном дискурсе следует **дополнение** – 25,3 %. Приведем следующий пример предложения-высказывания испаноязычного художественного дискурса: *Había visto y compadecido en los otros, no intentó siquiera una batalla inútil* (Márquez). Согласно частотности использования

усилительных частиц перед отдельными компонентами (членами) предложения в качестве показателя рематичности, следующим акцентируемым компонентом является **определение** – 16,1 %. Примером подобного предложения-высказывания художественного дискурса может служить следующее предложение: *Escalaba en la C.F.C. implicaba nuevos privilegios, sobre todo privilegios secretos (Márquez)*. Отметим, что реже усилительные частицы в качестве показателя рематичности в предложении-высказывании испаноязычного художественного дискурса употребляются перед **обстоятельством** – 14,6 %. Приведём пример, где усилительная частица акцентирует обстоятельство: *Era un sitio bueno para ser feliz, sobre todo de noche (Márquez)*. Говоря об акцентируемом усилительной частицей **подлежащем**, отметим, что, согласно приведенной таблице, перед этим членом предложения в испаноязычном художественном дискурсе используется 14,1 % усилительных частиц. Примером данного случая может служить следующее предложение-высказывание испаноязычного художественного дискурса: ... *Rubén, Mallarmé, sobre todo Mallarmé, para las descomposiciones de vientre (Cela)*.

Таблица 11

**УПОТРЕБЛЕНИЕ УСИЛИТЕЛЬНЫХ ЧАСТИЦ КАК ПОКАЗАТЕЛЕЙ
РЕМАТИЧНОСТИ СИНТАКСИЧЕСКИХ КОМПОНЕНТОВ
ПРЕДЛОЖЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

Синтаксические компоненты предложения	Частотность %	Примеры
Подлежащее	18,2	<i>И все-таки мне позавидовал <u>даже он</u> (Васильев).</i>
Сказуемое	46,2	<i>Он <u>даже покраснел</u> от злости (Домбровский).</i>
Дополнение	15,0	<i>Девочки спали, но видели тревожные сны: <u>даже у Зиночки</u> озабоченно хмурились брови (Васильев).</i>
Обстоятельство	10,1	<i>С нее <u>даже в вестибюле</u> снимки продавали (Домбровский).</i>
Определение	10,5	<i>...лагерь перемалывает <u>только самых крепких, самых сильных</u> (Домбровский).</i>

Как видим из Таблицы 11 «Употребление усилительных частиц как показателей релативности синтаксических компонентов (членов) предложения в русском языке», усилительные частицы наиболее часто употребляются в составе предложения перед **сказуемым** (группой сказуемого) – 46,2 %. Иллюстративным примером может служить следующее предложение-высказывание русскоязычного художественного дискурса: *Он даже покраснел от злости (Домбровский)*. Далее в отношении частотности использования усилительных частиц как показателей релативности в предложении-высказывании в русском языке следует **подлежащее** – 18,2 %. Примером может служить следующее предложение-высказывание русскоязычного художественного дискурса: *И все-таки мне позавидовал даже он (Васильев)*. По показателям частности использования усилительных частиц как показателей релативности в русском предложении далее располагается **дополнение** – 15,0 %. Примером подобного использования усилительных частиц в предложении-высказывании русскоязычного художественного дискурса может служить следующая конструкция: *Девочки спали, но видели тревожные сны: даже у Зиночки озабоченно хмурились брови (Васильев)*. Далее, согласно вышеприведенной таблице, в отношении частотности использования усилительных частиц как показателей релативности в предложении-высказывании в русском языке следует **определение** – 10,5 %. Представим следующий пример предложения-высказывания с усилительной частицей русскоязычного художественного дискурса: *Я вам так скажу, Георгий Николаевич, отвлекись немного от темы, – лагерь перемалывает только самых крепких, самых сильных (Домбровский)*. Реже всего усилительные частицы в качестве показателей релативности в предложении-высказывании используются перед **обстоятельством** – 10,1 %. Представим следующий пример подобного использования усилительной частицы: *На стене висело «Нападение тигра на роту солдат вблизи города Верного» – картина старинная, темная, сухая, плохая и в музее очень ценимая. С нее даже в вестибюле снимки продавали (Домбровский)*.

**УПОТРЕБЛЕНИЕ УСИЛИТЕЛЬНЫХ ЧАСТИЦ КАК ПОКАЗАТЕЛЕЙ
РЕМАТИЧНОСТИ СИНТАКСИЧЕСКИХ КОМПОНЕНТОВ
ПРЕДЛОЖЕНИЯ В АНГЛИЙСКОМ, ИСПАНСКОМ И РУССКОМ
ЯЗЫКАХ**

Синтаксические компоненты предложения	Английский язык Частотность %	Испанский язык Частотность %	Русский язык Частотность %
Подлежащее	7,4	14,1	18,2
Сказуемое	52,9	29,9	46,2
Дополнение	10,3	25,3	15,0
Обстоятельство	23,5	14,6	10,1
Определение	5,9	16,1	10,5

Считаем целесообразным и уместным истолковать закономерности (частотность) использования усилительных частиц в соответствии с перечнем синтаксических компонентов (членов) предложения в англо-, испано- и русскоязычном художественном дискурсе.

Как видим, усилительные частицы как показатели рематичности синтаксических компонентов (членов) предложения-высказывания художественного дискурса употребляются перед **подлежащим** (группой подлежащего) чаще всего в *русском языке* (**18,2 %**). Менее распространённым употребление усилительных частиц при подлежащем обнаруживается в *испанском языке* (**14,1 %**). Далее в порядке уменьшения показателя употребления данных лексических единиц языка при подлежащем следует *английский язык* (**7,4 %**).

Как показывает Таблица 12, гораздо чаще употребление усилительных частиц в предложении-высказывании художественного дискурса перед **сказуемым** (группой сказуемого) обнаруживается в *английском языке* (**52,9 %**). Далее по частотности употребления усилительных частиц в предложении-высказывании художественного дискурса перед **сказуемым** (группой сказуемого) находится *русский язык* (**46,2 %**). Довольно реже исследуемый тип

коммуникативных частиц используется перед **сказуемым** (группой сказуемого) в **испанском языке (29,9 %)**.

Что касается **дополнения**, то отметим, что по частотности использования усилительных частиц в предложении-высказывании художественного дискурса перед этим компонентом (членом) синтаксической структуры предложения выделяется **испанский язык (25,3 %)**. Вслед за испанским языком, в порядке уменьшения показателя частотности использования усилительных частиц в предложении-высказывании художественного дискурса перед обстоятельством следует **русский язык (15,0 %)**. Согласно статистическим показателям Таблицы 12, усилительные частицы реже используются перед дополнением в **английском языке (10,3 %)**.

Усилительные частицы как показатели рематичности синтаксических компонентов (членов) предложения-высказывания художественного дискурса довольно часто употребляются перед **обстоятельством в английском языке (23,5 %)**, далее в порядке уменьшения показателя частотности использования усилительных частиц в предложении-высказывании художественного дискурса перед обстоятельством следует **испанский язык (14,6 %)**. Согласно лингвостатистическим данным (Таблица 12), гораздо реже усилительные частицы перед обстоятельством используются в **русском языке (10,1 %)**.

При сравнительно-сопоставительном анализе разноструктурных языков (Таблица 12) можем сделать вывод, что усилительные частицы как показатели рематичности синтаксических компонентов (членов) предложения-высказывания употребляются перед **определением**: в **английском языке – 5,9 %**; в **испанском языке – 16,1 %**, в **русском языке – 10,5 %**. Как видим, частотность употребления усилительных частиц в испанском языке выражена наиболее ярко, в русском языке она выражена менее ярко. А в современном английском языке усилительные частицы используются реже всего.

Как показывает анализ лингвостатистических данных, частотность использования усилительных частиц в предложении-высказывании перед

разными синтаксическими компонентами (членами) предложения-высказывания в англо-, испано- и русскоязычном художественном дискурсе неодинакова.

Таким образом, приходим к заключению, что количественный анализ употребления усилительных частиц как показателей рематичности синтаксических компонентов (членов) предложения в англо-, испано- и русскоязычном художественном дискурсе указывает на тот факт, что данные лексические единицы отражают на речевом уровне мироощущение субъекта и окружающую действительность.

2.1.4. Коммуникативно-прагматические функции отрицательных частиц

В современной лингвистике *категория отрицания*, являясь универсальной категорией, рассматривается как одна из важных проблем в плане соотношения содержания и формы. При этом смысловое содержание и форма при выражении отрицания могут не совпадать [Бондаренко, 1983, с. 3; Зеликов, 2005, с. 29].

Как отмечает М. В. Зеликов, функционирование формального показателя отрицания зависит от его типа и места в структуре предложения. Так, негативная характеристика тех или иных компонентов (членов) отрицательных структур предложений не является одинаковой, так как она, по мнению ученого, «зависит от того, какой именно показатель отрицания был употреблен в предложении, и от места, которое занимает показатель отрицания в структуре предложения, поскольку различные средства выражения отрицания обладают различной семантической интенцией» [Зеликов, 2005, с. 29-30].

А. А. Калинина высказывает мнение о том, что утверждение и отрицание выражают абсолютную уверенность, то есть: первое – в наличии, второе – в отсутствии чего-либо [Калинина, 2010, с. 107].

В. Н. Бондаренко в работе «Отрицание как логико-грамматическая категория» отмечает, что отрицательные частицы способны выражать как собственно отрицательное значение, так и различные субъективные значения

(например, неопределённость, колебания/хезитации, эмоциональные оттенки и др.). При этом исследователь указывает на тот факт, что в языках различных типов отрицательные частицы являются наиболее распространенным средством грамматического выражения отрицания [Бондаренко, 1983, с. 66, с. 85].

Рассматривая отрицание с синтаксической точки зрения, К. Д. Дондуа определяет отрицательным такое предложение, в состав которого входит отрицательная частица [Дондуа, 1975, с. 178].

В зависимости от положения отрицательной частицы в составе предложения, то есть перед сказуемым или при другом синтаксическом компоненте (члене предложения), отрицательные предложения делятся на «общеотрицательные» и «частноотрицательные». Таким образом, следует заметить, что отрицание при главном члене предложения придаёт отрицательное значение всему предложению в целом, а отрицание при других членах предложения относится не ко всей ситуации в целом, а только к какой-либо её части [Бондаренко, 1983, с. 141].

Изучая функции отрицательных частиц, Н. С. Минина указывает на то, что данные лексемы – отрицательные частицы – являются средством выражения противопоставления в тексте и, кроме того, способствуют «выделению и формированию доминантных грамматических форм – отрицательных конструкций». Одной из функций отрицательных частиц, по мнению исследователя, является передача общей идеи отрицания [Минина, 2015, с. 37].

Любое отрицательное предложение обладает особой эмоциональностью и повышенной экспрессивностью, поэтому в отрицательных предложениях довольно часто наблюдается коммуникативная инверсия, когда рема предшествует теме. Ремой в данном случае является член предложения, выраженный отрицательным местоимением, отрицательным наречием или именной частью речи с отрицательной частицей [Купцов, 2011, с. 540-541].

Как показал подвергшийся анализу практический материал, отрицательная частица *ni* в испанском языке и отрицательная частица *ne* в русском языке

выделяют подлежащее (96) Ni ella misma; (97) не он в качестве ремы в предложении, тем самым выполняют в предложении-высказывании функцию фокусирования внимания реципиента (адресата) на новой информации. Следует отметить, что в ходе анализа фактического материала в английском языке не выявлено употребления отрицательных частиц перед подлежащим. Таким образом, данная закономерность характеризует построение предложения в английском языке и проявляется лакунарность в английском языке на фоне испанских и русских соответствий. Например:

(исп.) (96) Ni ella misma sabía entonces que su fertilidad había burlado a los vapores de mostaza, así como Fernanda no lo supo hasta casi un año después, cuando le llevaron al niño (Márquez);

(рус.) (97) И не фырчите на него, что там фырчат? Не он вас сюда затащил, и не он вас отпустит. Его дело собачье – оформил и сдал (Домбровский).

Приведённые выше примеры предложений-высказываний испано- и русскоязычного художественного дискурса с отрицательной частицей (96, 97) показывают, что данные частицы, акцентируя подлежащее, усиливают выразительность речи в художественном дискурсе за счёт различных оттенков коннотативного характера, в частности, оттенка живости речи. Следует отметить, что в испанском языке экспрессивная окраска создаётся при помощи отрицательной частицы *ni* в сочетании с прилагательным *misma*, при этом, прилагательное дополнительно усиливает значение местоимения (96) Ni ella misma. В русском языке экспрессивная окраска выражается за счёт повторного употребления отрицательной частицы *не* с местоимением (97) Не он... не он. Кроме того, отметим, что приведенные примеры предложений-высказываний с отрицательной частицей отражают эмоциональную коннотацию, связанную с выражением эмоций человека на языковом уровне. Таким образом, можем заключить, что автор подчёркивает эмоциональное отношение литературных персонажей к объектам окружающей действительности.

Проведенное исследование позволило установить, что, как правило, отрицательные частицы *not* в английском языке, частицы *no*, *ni* в испанском языке и частицы *не*, *ни* в русском языке рематизируют сказуемое (98) **not know**; (99) **no alcanzó a dar un paso**; (100) **не изучал**, **не любил**, тем самым все высказывание выражает эмоциональное негативное отношение к какому-либо факту или явлению. Например:

(англ.) (98) *So I knew she was up in London studying art. It really made a difference, that newspaper article. It seemed like we became more intimate, although of course we still **did not know** each other in the ordinary way (Fowles);*

(исп.) (99) *A las cinco, todavía con el sol alto, ella saltó de la cama, desnuda hasta la eternidad y con el lazo de organza en la cabeza, y fue a buscar algo de beber en la cocina. Pero **no alcanzó a dar un paso** fuera del dormitorio cuando lanzó un grito de espanto (Márquez);*

(рус.) (100) *Он **не изучал** исторических книг, **не любил** исторических романов, но был пропитан русской историей, был ее частью. Восемнадцатый век, девятнадцатый и двадцатый, наше время, наша обыденщина представляли в его рассказах равноправно, пронизанные единым ходом истории (Гранин).*

Как следует из вышеприведённых примеров, глаголы со значением отрицательного результата действия являются стилистически окрашенными и усиливают языковое выражение высказывания.

Выявлены случаи, когда в англо-, испано- и русскоязычном художественном дискурсе встречаются монорематичные предложения (101) **Do not be alarmed**; (102) **No llores**; (103) **Не бойся**, включающие отрицательные частицы в повелительном наклонении. Например:

(англ.) (101) *The doctor noticed a sudden fear in Miss King's eyes. '**Do not be alarmed**,' he said kindly. 'Monsieur Ashenden is not going. He will stay as long as you wish.' (Maugham);*

(исп.) (102) *¡Pero se trata de la mujer de mi vida! – No llores, buen muchacho – dijo Anderea con sonrisa maliciosa – No llores. Eso no es grave (Matute);*

(рус.) (103) – *Ничего. Спи давай. Все снят, и ты спи. Не бойся (Астафьев).*

Данные примеры предложений-высказываний англо-, испано- и русскоязычного художественного дискурса с отрицательной частицей (101-103) указывают на тот факт, что основная роль отрицательных частиц в художественном дискурсе исследуемых языков состоит в том, чтобы актуализировать признак и степень побуждения, а также придавать всему высказыванию эмоционально-экспрессивную насыщенность. Стоит отметить, что в императивном высказывании англо-, испано- и русскоязычного художественного дискурса отрицательные частицы могут выражать запрет (102) No llores, а также коннотативное (имплицитное) значение предупреждений (101) Do not be alarmed; (103) Не бойся. Выразительность монорематичных предложений в художественном дискурсе обусловлена также и тем, что отрицательные частицы позволяют сделать фразу предельно лаконичной.

В испанском и русском языках если отрицание относится к сказуемому, то между ним и отрицанием могут стоять личные местоимения в функции прямого и косвенного дополнений; глагол в отрицательной форме всегда входит в состав ремы (104) no le tembló; (105) Не вам объяснять, то есть в сам коммуникативный центр высказывания. Таким образом, можем с уверенностью говорить о том, что отрицательные частицы, являясь средствами репрезентации актуальной информации в предложении-высказывании художественного дискурса, акцентируют сказуемое и дополнение. Например:

(исп.) (104) *Florentino Ariza sintió que las tripas se le llenaron de una espuma fría. Pero la voz no le tembló, porque también él se sintió iluminado por el Espíritu Santo (Márquez);*

(рус.) (105) Я с самой быстродействующей машиной ничего на бочку не положу. **Не вам объяснять**: машина – дура, умеет перемалывать только чужое (Тендряков).

Как видно из приведенных примеров предложений-высказываний (104-105), особенностью функционирования отрицательных частиц при данном порядке слов является активизация их выразительного потенциала и усиление экспрессивности художественного текста.

Исследование позволило установить, что в предложениях-высказываниях в некоторых случаях между сказуемым и отрицательной частицей *not* в английском языке (106) **Not all the perfumes of Arabia**, отрицательной частицей *no* в испанском языке (107) **no todos los hombres** и отрицательной частицей *ne* в русском языке (108) **не все сказал** помещаются подлежащее или дополнение. Такое употребление воспринимается как инверсия, экспрессивно выделяющая части речи, которые стоят после отрицания. Следует отметить, что отрицательные частицы, акцентируя дополнение, притягивают к себе фразовое ударение и способны создавать коммуникативный центр высказывания. Например:

(англ.) (106) *The potatoes were brought. **Not all the perfumes of Arabia** smelt so sweet. They ate them with their fingers (Maugham);*

(исп.) (107) *Y su paternidad le advirtió entonces que ninguna buena razón era suficiente para apartarse de la Iglesia ya que **no todos los hombres** se iban de este mundo tan llenos de fe como la que él demostraba (Delibes).*

(рус.) (108) – *Виноват, **не все сказал** еще. Сперва все как на духу скажу, а потом вы решать будете (Васильев).*

Следует подчеркнуть, что приведённые выше примеры предложений-высказываний англо-, испано- и русскоязычного художественного дискурса (106-108) показывают, что отрицательные частицы и инверсия, как одно из синтаксических средств усиления экспрессивности, используются авторами для формирования стилевой структуры текста. Отрицательные частицы и инверсия

способствуют усилению экспрессивности и обладают эмоциональным воздействием на реципиента/читателя (адресата), тем самым усиливают прагматический эффект художественного дискурса.

В процессе анализа предложений-высказываний художественного дискурса выявлены случаи, когда отрицательные частицы в английском, испанском и русском предложении-высказывании повторяются и тем самым усиливают степень отрицания, подчеркивая рематичный характер синтаксических компонентов (членов) предложения, например, в английском языке обстоятельство (109) **no, not nowadays** или дополнение (110) **No, not in a manner of speaking**; в испанском языке сказуемое (111) **no, no lo eres** или дополнение (112) **ni una mirada de caridad**; в русском языке подлежащее (113) **Нет, не Василиса**, сказуемое (114) **Нет, не обманывал**, дополнение (115) **И нет, нет покоя**, обстоятельство (116) **Нет, не в Москву**, определение (117) **Нет, не заветный**. Например:

(англ.) (109) “Oh **no, not nowadays**. Making fun of the police is very old-fashioned.

Do you know who did the murder yet?” (Christie);

(110) *She seemed to think it was funny, so I said, in a manner of speaking. “**No, not in a manner of speaking**. Literally. You’ve pinned me in this little room and you can come and gloat over me.” (Fowles);*

(исп.) (111) *Estoy seguro de que al despertarte, al mirarte por primera vez en el espejo, te crees una diosa: pero no lo eres. ¡Oh, **no, no lo eres!** (Matute);*

(112) *Florentino Ariza se sentó en el parque, donde estaba seguro de ser visto, y entonces no apeló al recurso de la lectura fingida, sino que permaneció con el libro abierto y con los ojos fijos en la doncella ilusoria, que **no** le devolvió **ni una mirada de caridad** (Márquez);*

(рус.) (113) *Сердце, замершее было, колотнулось раз-другой и опять остановилось. **Нет, не Василиса** это пришла, а своя,*

детдомовская девчонка, но все равно хорошо, что она пришла, хорошо и немножко боязно (Астафьев);

(114) – *Не обманывал?*

– **Нет, не обманывал**, *не хочу грешить: это я хотела, чтобы меня обманули. Он ведь и в любви мне объяснился, и руки просил (Васильев);*

(115) **И нет, нет покоя** *на земле обетованной! Тот, кто копается в винограднике, гоняет осла по сжатому хлебу, не знает, будет ли он пить свое вино, есть хлеба досыта (Тендряков);*

(116) – *Ну поедем, поедем! Поедем в Москву!*

– **Нет, не в Москву**, – *упрямо ответила она, – вам надо не в Москву, а подальше куда-нибудь, туда, где вас никто не знает (Домбровский);*

(117) *Для Олексина столь высокая честь была полной неожиданностью, и поначалу он говорил путано и длинно, долго пробираясь к тому, чего, как он чувствовал, от него ждали.*

– **Нет, не заветный** *Олегов щит зовет нас на поле брани (Васильев).*

Как видно из вышеприведенных примеров предложений-высказываний с отрицательными частицами англо-, испано- и русскоязычного художественного дискурса (109-117), русский язык обладает более разнообразной коммуникативной вариативностью. Таким образом, в английском и испанском языках проявляется лакунарность на фоне русских соответствий. В художественном дискурсе авторы прибегают к повтору отрицательных частиц *no*, *not* в английском языке, отрицательной частицы *no* в испанском языке и отрицательных частиц *нет*, *не* в русском языке, поскольку данные лексические единицы отражают усиление экспрессивно-эмоционального воздействия на читателя (адресата), а также фиксируют внимание читателя (адресата) на вещественной информации и актуализируют смысл всего высказывания. Таким

образом, как видим, при повторе отрицательных частиц в высказывании усиливается выразительность и изобразительность речи автора (адресанта).

Проведенное исследование также позволило установить, что в предложении-высказывании испаноязычного художественного дискурса отрицательная частица *ni* может употребляться и тогда, когда отрицание *no* отсутствует в предложении. Такое самостоятельное употребление отрицательной частицы *ni* в отрицательном и одновременно усилительном значениях маркирует рематичный характер подлежащего (118) ***Ni usted ni ella***, сказуемого (119) ***ni apreciaba***, дополнения (120) ***ni con el viento*** или обстоятельства (121) ***ni en el colegio, ni en el barrio, ni en la Universidad***, которые, как правило, в синтаксической структуре предложения употребляются перед сказуемым. Например:

(исп.) (118) *Pero hoy se olvidaron de pasar la llave y yo entré sin llamar. No sabía que ahí estaban ustedes, pero entré. **Ni usted ni ella** me vieron, estaban demasiado ocupados, pero yo sí los vi y se estaban besando. En la boca (Benedetti);*

(119) *Pero alguien había en la tienda que no estimaba a la señorita Eskarne **ni apreciaba** sus virtudes (Matute);*

(120) *Se apartó los húmedos mechones que le catan sobre la frente, y cruzó las manos sobre el pecho, que temblaba por un frío extraño. Un frío que nada tenía que ver con la lluvia **ni con el viento** (Matute);*

(121) *Nunca oí nada, **ni en el colegio, ni en el barrio, ni en la Universidad** – dijo Santiago. –. Si fuera cierto habría oído algo, sospechado algo. Nunca, Carlitos (Llosa).*

Особенностью употребления отрицательной частицы *ni* в предложении-высказывании испаноязычного художественного дискурса заключается в усилении эмоционального и эстетического воздействия на читателя (адресата). Следует отметить, что сила воздействия на читателя (адресата) объясняется также

повторением данных лексических единиц в пределах определенного контекста.

Например:

(исп.) **Ni usted ni ella** me vieron, estaban demasiado ocupados, pero yo sí los vi y se estaban besando. En la boca (Benedetti);

Nunca oí nada, **ni en el colegio, ni en el barrio, ni en la Universidad** – dijo Santiago (Llosa).

Анализ фактического материала позволил установить, что в русском языке отрицательная частица *ни* употребляется для усиления отрицания, маркируя речематичность различных синтаксических компонентов (членов) предложения-высказывания:

– сказуемое

(рус.) (122) Опять она лежала в постели, поглядывая перед собой печальными, виноватыми глазами и осторожно прислушиваясь к тому, что творилось вокруг; ей казалось, что ни на что на свете она не имеет больше права – **ни смотреть, ни говорить, ни дышать** – все было как ворованное (Распутин);

1) дополнение

(123) Много месяцев о Распутине не было **ни слуху ни духу** (Пикуль);

2) обстоятельство

(124) И чтоб никто не приходил, ничего ему не говорил, ни о чем не спрашивал **ни сегодня, ни завтра утром**, никогда (Домбровский);

3) определение

(125) Про Люсю это и подумать даже нельзя, она городская вся, с ног до головы, она и родилась-то от старухи, а не от какой-нибудь городской, наверно, по ошибке, но потом все равно свое нашла. Илья – нет. Он не походил **ни на городского, ни на деревенского, ни на чужого**, ни на себя (Распутин).

Функционально-семантический анализ приведенных предложений-высказываний русскоязычного художественного дискурса с отрицательной частицей (122-125) указывает на тот факт, что в русскоязычном художественном дискурсе повторение данных лексических единиц способно выражать новую или дополнительную информацию в предложении-высказывании. Считаем важным подчеркнуть, что отрицательная частица *ни* при повторе в предложении-высказывании употребляется для усиления отрицания, которое обладает гиперболическим и экспрессивным характером, усиливая тем самым выразительность речи.

Итак, из вышеизложенного можем сделать вывод о том, что отрицательные частицы *no*, *not* в английском языке, частицы *no*, *ni* в испанском языке и отрицательные частицы *нет*, *не*, *ни* в русском языке служат для отрицания содержания всего предложения-высказывания или отдельной его части. Как правило, под ударением стоит глагол, который отрицается. В связи с чем, наиболее выделенным членом предложения и, соответственно, ремой предложения-высказывания, оказывается сказуемое. Необходимо отметить, что отрицательные частицы в предложении-высказывании в англо-, испано- и русскоязычном художественном дискурсе обладают эмоционально-экспрессивными характеристиками, так как способны оказывать экспрессивно-эмоциональное воздействие на читателя (адресата). Заметим, что функциональный диапазон и сфера употребления данных лексических единиц в разноструктурных языках могут отличаться. Так, например, при анализе практического материала в англоязычном художественном дискурсе не выявлено случаев употребления отрицательных частиц перед подлежащим, а при повторе отрицательных частиц с целью усиления степени отрицания выявлено, что в русскоязычном художественном дискурсе встречается больше различных коммуникативных вариантов по сравнению с англоязычным и испаноязычным художественным дискурсом.

С целью представления результатов работы по выявлению частотности употребления отрицательных частиц в качестве показателей релативности синтаксических компонентов (членов) предложения-высказывания в англо-, испано- и русскоязычном художественном дискурсе проведём количественный анализ данных лексических единиц. Получение статистических данных позволит выявить определенные закономерности, которые являются характерными для разноструктурных языков.

Таблица 13

**УПОТРЕБЛЕНИЕ ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ ЧАСТИЦ КАК ПОКАЗАТЕЛЕЙ
РЕЛАТИВНОСТИ СИНТАКСИЧЕСКИХ КОМПОНЕНТОВ
ПРЕДЛОЖЕНИЯ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ**

Синтаксические компоненты предложения	Частотность %	Примеры
Подлежащее	0	
Сказуемое	55,8	<i>..., in which case it would not listen to him (Orwell):</i>
Дополнение	20,9	<i>It's a case for them, not for us (Christie).</i>
Обстоятельство	16,3	<i>... though not quickly enough to prevent a swirl of gritty dust from entering along with him (Orwell).</i>
Определение	7,0	<i>There was a rough cordiality about Walker which Mackintosh at first found not unattractive (Maugham).</i>

Количественные данные, отображённые в таблице (Таблица 13), представляют частотность употребления отрицательных частиц в качестве показателей релативности синтаксических компонентов (членов) предложения-высказывания в английском художественном дискурсе. Данные лексемы чаще всего употребляются перед **сказуемым** (группой сказуемого) – 55,8 %. Приведем пример использования отрицательной частицы в предложении-высказывании англоязычного художественного дискурса: *Either the future would resemble the present, in which case it **would not listen to** him (Orwell).* Далее по частотности употребления отрицательных частиц как показателей релативности синтаксических компонентов (членов) предложения-высказывания в современном

английском языке находится **дополнение** – 20,9 %. Примером подобного использования отрицательных частиц может служить следующее предложение-высказывание англоязычного художественного дискурса: *It's a case for them, **not for us** (Christie)*. Вслед за дополнением по степени частотности употребления отрицательных частиц в англоязычном предложении-высказывании находится **обстоятельство** – 16,3 %. Приведем пример англоязычного предложения-высказывания с отрицательной частицей перед обстоятельством: ... *though **not quickly enough** to prevent a swirl of gritty dust from entering along with him (Orwell)*. Следует подчеркнуть, что гораздо реже отрицательные частицы в английском предложении-высказывании художественного дискурса употребляются при **определении** – 7,0 %. Примером такого использования отрицательной частицы может служить следующее предложение-высказывание англоязычного художественного дискурса: ... *Mackintosh at first found **not unattractive** (Maugham)*. Важно отметить, что в ходе предпринятого исследования в английском языке не выявлено случаев употребления отрицательных частиц при **подлежащем- реме**, то есть в данном аспекте в английском языке наблюдается лакуарность.

Таблица 14

**УПОТРЕБЛЕНИЕ ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ ЧАСТИЦ КАК ПОКАЗАТЕЛЕЙ
РЕМАТИЧНОСТИ СИНТАКСИЧЕСКИХ КОМПОНЕНТОВ
ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ**

Синтаксические компоненты предложения	Частотность %	Примеры
Подлежащее	26,6	<i><u>Ya ni él ni ella</u> podían detener (Márquez).</i>
Сказуемое	51,1	<i><u>No podía disimular</u> su contrariedad (Márquez).</i>
Дополнение	15,5	<i>No le quedaba <u>ni un vestigio de rabia</u> (Márquez).</i>
Обстоятельство	4,4	<i><u>Ni en el año siguiente</u>, tuvieron ocasión de comunicarse de viva voz (Márquez).</i>
Определение	2,4	<i>Desgraciadamente la silla no pudo evitar las fiebres de doña Catalina <u>ni su posterior fallecimiento</u>(Delibes).</i>

Прежде всего отметим, что количественный анализ предложений-высказываний с отрицательными частицами как показателей рематичности синтаксических компонентов предложения-высказывания показал, что исследуемые отрицательные частицы в испаноязычном художественном дискурсе употребляются перед всеми синтаксическими компонентами (членами) предложения. Так, в предложении-высказывании испаноязычного художественного дискурса чаще всего отрицательные частицы употребляются перед **сказуемым** (группой сказуемого) – 51,1 %. Приведем пример испаноязычного предложения-высказывания художественного дискурса, в котором используется отрицательная частица: ***No podía disimular** su contrariedad (Márquez)*. Далее по степени частотности использования отрицательных частиц в качестве показателя рематичности синтаксических компонентов (членов) предложения-высказывания в испаноязычном художественном дискурсе следует **подлежащее** – 26,6 %. Примером подобного использования отрицательных частиц может служить следующее предложение-высказывание испаноязычного художественного дискурса: ***Ya ni él ni ella** podían detener (Márquez)*. Затем, согласно данным приведенной выше таблицы, по степени частотности использования отрицательных частиц в качестве показателя рематичности синтаксических компонентов (членов) предложения-высказывания находится **дополнение** – 15,5 %. Приведем следующий иллюстративный пример использования отрицательной частицы перед дополнением предложения-высказывания испаноязычного художественного дискурса: *No le quedaba **ni un vestigio de rabia** (Márquez)*. Считаю важным отметить, что в предложениях-высказываниях испаноязычного художественного дискурса отрицательные частицы достаточно редко употребляются перед **обстоятельством** – 4,4 %. Приведем пример подобного использования отрицательной частицы – перед обстоятельством – в предложении-высказывании испаноязычного художественного дискурса: ***Ni en el año siguiente**, tuvieron ocasión de comunicarse de viva voz (Márquez)*. Как выяснилось в процессе анализа предложений-высказываний

испаноязычного художественного дискурса с отрицательной частицей как показателя рематичности синтаксических компонентов (членов) предложения-высказывания, данный тип частиц в синтаксической структуре предложения менее всего используется перед **определением** – 2,4 %. Примером такого использования отрицательной частицы – перед определением – как показателя рематичности синтаксических компонентов (членов) предложения-высказывания может служить следующее предложение-высказывание испаноязычного художественного дискурса: *Desgraciadamente la silla no pudo evitar las fiebres de doña Catalina ni su posterior fallecimiento* (Delibes).

Далее считаем целесообразным и уместным составить и привести таблицу частотности употребления отрицательных частиц в русскоязычном художественном дискурсе. Как видим по структуре таблицы, приведенной ниже, в ней также учитываются компоненты (члены) предложения, перед которыми исследуемые типы коммуникативных частиц используются адресантами – продуцентами предложений-высказываний (реплик) русскоязычного художественного дискурса.

Таблица 15

**УПОТРЕБЛЕНИЕ ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ ЧАСТИЦ КАК ПОКАЗАТЕЛЕЙ
РЕМАТИЧНОСТИ СИНТАКСИЧЕСКИХ КОМПОНЕНТОВ
ПРЕДЛОЖЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

Синтаксические компоненты предложения	Частотность %	Примеры
Подлежащее	8,4	<i><u>Но ни Гуляев, ни он, Нейман</u>, никогда никуда не удерут (Домбровский).</i>
Сказуемое	52,8	<i><u>Не кричи</u> хоть на улице, а то соберешь сейчас всю деревню (Распутин).</i>
Дополнение	17,0	<i><u>И нет, нет покоя</u> на земле обетованной! (Тендряков).</i>
Обстоятельство	15,1	<i><u>Нет, не в Москву</u>, – упрямо ответила она (Домбровский).</i>
Определение	6,7	<i><u>Нет, не заветный</u> Олег ов щит зовет нас на поле брани (Васильев).</i>

Количественный анализ частотности употребления отрицательных частиц в качестве показателей рематичности в русскоязычном художественном дискурсе (Таблица 15) позволил выявить следующие закономерности. Наиболее часто отрицательные частицы в русском художественном дискурсе употребляются перед **сказуемым** (группой сказуемого) – 52,8 %. Примером подобного использования отрицательной частицы служит следующее предложение-высказывание: **Не кричи** хоть на улице, а то соберешь сейчас всю деревню (Распутин). Далее в порядке убывания показателя использования отрицательных частиц следует **дополнение** – 17,0 %. Приведем пример подобного использования исследуемых частиц в предложении-высказывании художественного дискурса: **И нет, нет покоя** на земле обетованной! Тот, кто копается в винограднике, гоняет осла по сжатому хлебу, не знает, будет ли он пить свое вино, есть хлеба досыта (Тендряков). Затем по частотности использования отрицательных частиц в русскоязычном художественном дискурсе следует **обстоятельство** – 15,1 %. Иллюстративным примером может служить следующее предложение-высказывание русскоязычного художественного дискурса: **Нет, не в Москву**, – упрямо ответила она – вам надо не в Москву, а подальше куда-нибудь, туда, где вас никто не знает (Домбровский). Лингвостатистический анализ позволил установить, что гораздо реже отрицательные частицы как показатели рематичности синтаксических компонентов предложения употребляются в русском предложении-высказывании перед **подлежащим** – 8,4 %. Приведем пример подобного использования отрицательной частицы в художественном дискурсе: **Но ни Гүляев, ни он, Нейман**, никогда никуда не удерут (Домбровский). Как выяснилось, реже всего отрицательные частицы в русскоязычном художественном дискурсе используются перед **определением** – 6,7 %. Примером подобного использования отрицательной частицы может служить следующее предложение-высказывание: **Нет, не заветный** Олегов щит зовет нас на поле брани (Васильев).

**УПОТРЕБЛЕНИЕ ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ ЧАСТИЦ КАК ПОКАЗАТЕЛЕЙ
РЕМАТИЧНОСТИ СИНТАКСИЧЕСКИХ КОМПОНЕНТОВ
ПРЕДЛОЖЕНИЯ В АНГЛИЙСКОМ, ИСПАНСКОМ И РУССКОМ
ЯЗЫКАХ**

Синтаксические компоненты предложения	Английский язык Частотность %	Испанский язык Частотность %	Русский язык Частотность %
Подлежащее	0	26,6	8,4
Сказуемое	55,8	51,1	52,8
Дополнение	20,9	15,5	17,0
Обстоятельство	16,3	4,4	15,1
Определение	7,0	2,4	6,7

На основе проведённого лингвостатистического анализа (Таблица 16) представляется целесообразным и необходимым дать описание частотности употребления отрицательных частиц как показателей рематичности синтаксических компонентов (членов) предложения-высказывания в англо-, испано- и русскоязычном художественном дискурсе.

Так, отрицательные частицы как показатели рематического характера синтаксических компонентов (членов) предложения-высказывания художественного дискурса употребляются перед **подлежащим** (группой подлежащего) чаще всего в *испанском языке* (**26,6 %**), далее в порядке убывания показателя употребления отрицательных частиц перед подлежащим следует *русский язык* (**8,4 %**). Как показал лингвостатистический анализ, не было выявлено употребления отрицательных частиц перед подлежащим в *английском языке* (**0 %**), что позволяет говорить о лакуарности английского языка в данном отношении.

Продолжая описание полученных статистических данных, следует проанализировать употребление отрицательных частиц как показателей рематичности синтаксических компонентов (членов) предложения-высказывания художественного дискурса перед **сказуемым** (группой сказуемого). Так, наиболее

ярко вышеупомянутые лексические единицы как показатели рематичности синтаксических компонентов предложения-высказывания художественного дискурса употребляются в *английском языке* (55,8 %). На втором месте по частотности употребления отрицательных частиц в предложении-высказывании художественного дискурса перед **сказуемым** (группой сказуемого) находится *русский язык* (52,8 %). Необходимо отметить, что данные лексические единицы используется реже перед **сказуемым** (группой сказуемого) в *испанском языке* (51,1 %). Таким образом, можно сделать вывод о том, что различие в использовании отрицательных частиц в предложении-высказывании художественного дискурса перед **сказуемым** (группой сказуемого) в английском, испанском и русском языках не столь велико.

Наиболее ярко выражено употребление отрицательных частиц как показателей рематичности синтаксических компонентов (членов) предложения-высказывания художественного дискурса перед **дополнением** в современном *английском языке* (20,9 %). Как выяснилось, далее в порядке уменьшения показателя частотности использования данных лексических единиц в предложении-высказывании художественного дискурса перед **дополнением** следует *русский язык* (17,0 %). Как видно из таблицы, реже отрицательные частицы употребляются перед **дополнением** в *испанском языке* (15,5 %).

Согласно данным Таблицы 16, перед **обстоятельством** в синтаксической структуре предложения исследуемый тип лексем используется чаще всего в *английском языке* (16,3 %). Далее в порядке уменьшения степени частотности использования отрицательных частиц как показателей рематичности синтаксических компонентов предложения-высказывания художественного дискурса перед **обстоятельством** следует *русский язык* (15,1 %). В соответствии с полученными лингвостатистическими данными (Таблица 16) отрицательные частицы в предложении-высказывании художественного дискурса используются довольно редко перед **обстоятельством** в *испанском языке* (4,4 %).

Употребление отрицательных частиц в предложении-высказывании перед **определением** наиболее ярко прослеживается в **английском языке (16,4 %)**. Вслед за английским языком, в порядке уменьшения показателя частотности использования вышеупомянутых лексических единиц в предложении-высказывании художественного дискурса перед **определением** следует *русский язык (6,7 %)*. Как показывают лингвостатистические данные, довольно редко, по сравнению с английским и русским языками, отрицательные частицы используются перед **определением** в *испанском языке (2,4 %)*. Таким образом, согласно количественному анализу (Таблица 16), можем отметить, что отрицательные частицы как показатели рематического характера синтаксических компонентов (членов) предложения-высказывания в англо-, испано- и русскоязычном художественном дискурсе употребляются довольно часто. Данный факт обусловлен их коммуникативной выразительностью, поскольку исследуемый тип частиц вносит дополнительную информацию в высказывание, а также придает высказыванию различные оттенки коннотативного характера, отображая окружающую действительность.

Выводы по Главе 2

Проведённый анализ по изучению основных функций и роли **коммуникативных частиц** в предложениях-высказываниях англо-, испано- и русскоязычного художественного дискурса позволяет сделать следующие выводы:

Выделительно-ограничительные частицы в английском, испанском и русском языках являются показателем рематического характера синтаксических компонентов предложения-высказывания, так как способны акцентировать внимание слушателя/читателя (адресата) как на отдельных компонентах (членах) предложения-высказывания, так и на всем предложении-высказывании в целом. В англо-, испано- и русскоязычном художественном дискурсе данные лексические единицы вносят в высказывание различные оттенки дополнительных

значений (смыслов), влияя на значение высказывания в целом, тем самым формируя прагматический эффект акта коммуникации (дискурса). Коммуникативно-прагматическая функция выделительно-ограничительных частиц в художественном дискурсе состоит в их способности фокусировать внимание реципиента/ читателя (адресата) на последующей новой информации в высказывании, доносить до читателя (адресата) квалификативные смыслы высказывания, вносить в высказывание большую интенсивность, усиливать то или иное значение акцентируемого ими компонента (члена) предложения-высказывания. Таким образом, выделительно-ограничительные частицы усиливают выразительность речи и способны влиять на эмоционально-экспрессивную окраску высказывания.

Сравнительно-сопоставительный анализ частотности употребления выделительно-ограничительных частиц в предложении-высказывании перед разными синтаксическими компонентами (членами) предложения-высказывания в разноструктурных языках позволил выявить, что данные лексические единицы как показатели рематичности синтаксических компонентов предложения-высказывания художественного дискурса употребляются перед **подлежащим** (группой подлежащего) чаще всего в *английском языке* (**25,1 %**), далее в порядке уменьшения показателя частотности следует *русский язык* (**22,6 %**) и гораздо реже используются перед подлежащим в *испанском языке* (**15,8 %**).

Перед **сказуемым** (группой сказуемого) гораздо чаще выделительно-ограничительные частицы как показатели рематичности синтаксических компонентов предложения-высказывания художественного дискурса употребляются в *испанском языке* (**35,8 %**). На втором месте находится *английский язык* (**33,8 %**). Реже исследуемый тип коммуникативных частиц используется перед **сказуемым** (группой сказуемого) в современном русском языке (**32,7 %**).

Выделительно-ограничительные частицы как показатели рематичности синтаксических компонентов (членов) предложения-высказывания

художественного дискурса употребляются перед **дополнением** чаще всего в **английском языке (22 %)**, далее в порядке уменьшения показателя частотности следует **русский язык (20,5 %)** и гораздо реже выделительно-ограничительные частицы используются перед **дополнением** в **испанском языке (19,2 %)**.

Что касается **обстоятельства**, то наиболее ярко выражена частотность использования выделительно-ограничительных частиц в **испанском языке (19,7 %)**. В порядке уменьшения показателя частотности использования выделительно-ограничительных частиц перед обстоятельством следует **русский язык (15,6 %)** и довольно реже выделительно-ограничительные частицы используются перед обстоятельством в **английском языке (15,8 %)**.

Чаще всего выделительно-ограничительные частицы используются перед **определением** в **испанском языке (9,5 %)**. Далее в порядке уменьшения показателя следует **английский язык (8,8 %)** и вслед за английским языком находится **русский язык (8,6 %)**.

Исследование слов с модальным значением и модальных частиц в предложении-высказывании в англо-, испано- и русскоязычном художественном дискурсе позволило установить, что данные лексемы, употребляясь перед тем или иным синтаксическим компонентом, способны создавать коммуникативный центр высказывания и вносить модальные и дополнительные смысловые значения в предложение-высказывание, а также, являясь лексико-семантическими конкретизаторами, способны выражать различные **модальные оттенки значений**, например, такие как: *вероятность, восхищение, достоверность, недоверие, предположение, уверенность/неуверенность, предположение* и др. Таким образом, данные лексические единицы способны демонстрировать причастность литературных героев и автора художественного произведения (адресанта) к происходящему, отражая их миропонимание.

При сравнительно-сопоставительном анализе частотности употребления слов с модальным значением и модальных частиц в предложении-высказывании перед разными синтаксическими компонентами (членами) предложения-

высказывания в разноструктурных языках были выявлены следующие закономерности: модальные частицы и слова с модальным значением как показатели рематического характера синтаксических компонентов предложения-высказывания художественного дискурса употребляются перед **подлежащим** (группой подлежащего) чаще всего в *русском языке* (27,0 %), реже в *испанском языке* (16,5 %) и гораздо реже в *английском языке* (15,4 %).

Согласно приведенной таблице, перед **сказуемым** наиболее часто слова с модальным значением и модальные частицы как показатели рематичности синтаксических компонентов (членов) предложения-высказывания художественного дискурса употребляются в *испанском языке* (57,5 %), на втором месте находится *английский язык* (55,4 %) и на третьем месте – *русский язык* (27,4 %).

Наиболее часто слова с модальным значением и модальные частицы употребляются в предложении-высказывании художественного дискурса перед **дополнением** в *русском языке* (15,1 %), далее в порядке уменьшения показателя частотности использования данных лексических единиц в предложении-высказывании художественного дискурса перед **дополнением** следует *испанский язык* (12,5 %) и затем *английский язык* (9,2 %).

Употребление слов с модальным значением и модальных частиц в предложении-высказывании перед **обстоятельством** наиболее ярко прослеживается в *русском языке* (16,4 %). Вслед за русским языком следует *английский язык* (12,3 %) и *испанский язык* (7,3 %).

Перед **определением** чаще всего слова с модальным значением и модальные частицы используются в *русском языке* (14,1 %). Далее в порядке уменьшения показателя частотности использования данных лексических единиц в предложении-высказывании перед **определением** следуют *английский язык* (7,7 %) и *испанский язык* (6,2 %).

Что касается усилительных частиц в англо-, испано- и русскоязычном художественном дискурсе, то довольно часто данные лексические единицы

выступают средством рематизации синтаксических компонентов в предложении-высказывании, при этом, находясь в препозиции, выполняют функцию формулирования мысли и фокусирования внимания реципиента (адресата) на последующей новой для него информации. Семантика усилительных частиц проявляется на определённом фоне, выражая конкретные смысловые отношения. Так, как показал анализ материала, основное функциональное предназначение усилительных частиц в исследуемых языках – это отражение *исключительного факта*, а также и *неожиданного факта*. Таким образом, отметим, что усилительные частицы в художественном дискурсе усиливают смысловые нагрузки слова, словосочетания или целого высказывания, привнося в высказывание дополнительную композиционно-смысловую нагрузку.

Сравнительно-сопоставительный анализ частотности употребления усилительных частиц в предложении-высказывании перед разными синтаксическими компонентами (членами) предложения-высказывания в разноструктурных языках позволил обнаружить следующие закономерности: усилительные частицы как показатели рематичности синтаксических компонентов предложения-высказывания художественного дискурса употребляются перед **подлежащим** (группой подлежащего) чаще всего в *русском языке (18,2 %)*, менее распространённое употребление обнаруживается в *испанском языке (14,1 %)* и в *английском языке (7,4 %)*.

Гораздо чаще употребление усилительных частиц в предложении-высказывании художественного дискурса перед **сказуемым** (группой сказуемого) обнаруживается в *английском языке (52,9 %)*, менее в *русском языке (46,2 %)* и в *испанском языке (29,9 %)*.

По частотности использования усилительных частиц в предложении-высказывании художественного дискурса перед **дополнением** выделяется *испанский язык (25,3 %)*. Далее за испанским языком следует *русский язык (15,0 %)* и *английский язык (10,3 %)*.

Довольно часто усилительные частицы употребляются перед обстоятельством в *английском языке* (23,5 %), далее в порядке уменьшения показателя частотности использования усилительных частиц в предложении-высказывании художественного дискурса перед обстоятельством следует *испанский язык* (14,6 %) и *русский язык* (10,1 %).

Частотность употребления усилительных частиц перед **определением** в *испанском языке* – 16,1 % – выражена наиболее ярко, в *русском языке* – 10,5 % – выражена менее и в *английском языке* – 5,9 % – выражена довольно редко.

Исследование позволило выявить, что отрицательные частицы в английском, испанском и русском языках являются рематизаторами в предложении-высказывании, тем самым выполняют функцию фокусирования внимания реципиента (адресата) на новой информации. В ходе анализа в английском языке не выявлено употребления отрицательных частиц перед подлежащим. Таким образом, можно заключить, что данная закономерность характеризует построение предложения в английском языке и проявляется лакунарность в английском языке на фоне испанских и русских соответствий. Данные лексические единицы в предложении-высказывании в англо-, испано- и русскоязычном художественном дискурсе способны отражать эмоциональную коннотацию, связанную с выражением эмоций человека на языковом уровне. Таким образом, автор подчёркивает эмоциональное отношение литературных персонажей к объектам окружающей действительности. Кроме того, как показал проведенный анализ, отрицательные частицы в английском, испанском и русском языках способны оказывать экспрессивно-эмоциональное воздействие на читателя/слушателя (адресата), усиливать эмоциональное и эстетическое воздействие на читателя/слушателя (адресата), а также усиливать прагматический эффект художественного дискурса.

Сравнительно-сопоставительный анализ частотности употребления отрицательных частиц в предложении-высказывании перед разными синтаксическими компонентами (членами) предложения-высказывания англо-,

испано- и русскоязычного художественного дискурса показал, что перед **подлежащим** данные частицы употребляются чаще всего в *испанском языке* (26,6 %), далее в порядке убывания показателя следует *русский язык* (8,4 %). Как показал лингвостатистический анализ, не было выявлено употребления отрицательных частиц перед подлежащим в *английском языке* (0 %), что позволяет говорить о лакуарности английского языка в данном аспекте.

Наиболее часто отрицательные частицы в художественном дискурсе употребляются в *английском языке* (55,8 %), реже в *русском языке* (52,8 %) и в *испанском языке* (51,1 %). Наиболее ярко употребление отрицательных частиц в предложении-высказывании художественного дискурса обнаруживается перед **дополнением** в *английском языке* (20,9 %), далее следует *русский язык* (17,0 %) и *испанский язык* (15,5 %).

Перед **обстоятельством** исследуемый тип лексем используется чаще всего в *английском языке* (16,3 %). Далее в порядке уменьшения показателя частотности использования данных лексических единиц в предложении-высказывании перед обстоятельством следует *русский язык* (15,1 %) и *испанский язык* (4,4 %).

Употребление отрицательных частиц в предложении-высказывании перед **определением** наиболее ярко прослеживается в *английском языке* (16,4 %). Вслед за английским языком в порядке уменьшения показателя частотности использования вышеупомянутых лексических единиц в предложении-высказывании художественного дискурса перед определением следует *русский язык* (6,7 %) и *испанский язык* (2,4 %).

ГЛАВА 3. НАЦИОНАЛЬНО-СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАТИВНЫХ ЧАСТИЦ В АНГЛО-, ИСПАНО- И РУССКОЯЗЫЧНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРЕ

Для полноценного общения необходимо тщательное изучение мира носителей языка, их культуры и менталитета, так как мир представлен человеку через призму его языка и культуры. Следует отметить, что в языке отражаются различные модели видения мира, характерные для человечества на протяжении его истории, а тем самым и различные возможности формирования и развития языковых значений и форм.

Согласно довольно распространенному мнению, художественный дискурс отражает все особенности национально-культурной специфики языка и мироощущения этноса. Так, осмысление этнокультурных различий и сходств в сопоставляемых разноструктурных языках даёт возможность обнаружить взаимосвязанные смысловые линии в английской, испанской и русской лингвокультурах.

3.1. Взаимодействие коммуникативных частиц и риторических средств в англо-, испано- и русскоязычном художественном дискурсе

Как отмечалось выше, *художественный дискурс* является отражением объективной реальности, которая наполнена эстетическим, эмоциональным и оценочным смыслом, объединённая в идейно-художественном содержании текста. Одним из главных факторов, оказывающих влияние на художественный дискурс, является внутренний мир отправителя (писателя, адресанта), его стиль мышления, то есть объединение реальности и вымысла, а также его культурные ценности. Таким образом, отметим, что для художественного текста характерна экспрессивность, при помощи которой формируются художественные образы.

Как отмечает ряд исследователей, язык художественной литературы обладает определённой системой средств художественной выразительности,

которая служит для выражения полноты смысла. Художественный текст передаёт эмоциональную и эстетическую информацию при помощи эстетического воздействия на читателя (адресата), которое «происходит благодаря использованию автором (адресантом) языковых средств разных уровней (грамматическая семантика, фоносемантика, ритмическая организация текста и др.)». Для того чтобы привлечь внимание читателя (адресата), пробудить в нём эмоции и чувства, писатель (адресант) прибегает к использованию разнообразных средств выражения экспрессивности, без которых, как правило, не обходится ни одно художественное произведение [Курбанова, 2017, с. 88-89].

В соответствии с полнотой смысла единицы дискурса образуют риторические отношения, которые используются автором (адресантом) для достижения определенных целей при передаче актуальной информации в художественном дискурсе [Купцов, 2021а, с. 126].

Риторические отношения в художественном дискурсе выражаются посредством различных риторических средств, таких как *артикуль, порядок слов, эмфатические конструкции, лексические повторы, инверсия*, а также *частицы*. Заметим, что риторические средства и частицы, являясь экспрессивными средствами языка в текстах художественной литературы, придают художественному дискурсу особую яркость и выразительность.

Риторические средства художественного дискурса, обладая прагматическими и когнитивными функциями, создают конкретные условия для понимания определённых скрытых смыслов в тексте художественного произведения. При помощи данных средств писатель (адресант) пытается донести до читателя (реципиента, адресата) свою прагматическую цель. Соответственно, основная цель писателя – привлечь внимание, тем самым и воздействовать на читателя и наиболее точно представить внутреннюю речь художественного дискурса [Mammedli, 2015, с. 166].

Итак, из всего вышеизложенного можем заключить, что синтаксические и лексические выразительные средства, а также стилистические приёмы,

представляют собой основной инструмент для создания художественного дискурса и инструмент формирования его своеобразия. Таким образом, считаем целесообразным подробнее рассмотреть взаимодействие коммуникативных частиц с риторическими средствами, которые играют большую роль в художественном дискурсе.

3.1.1. Эмфатические конструкции и частицы

Необходимо отметить, что специфика грамматического строя языков определяет функциональные характеристики средств актуализации коммуникативного центра высказывания. Так, если в языках синтетического строя, например, в русском языке основными средствами выражения коммуникативной структуры предложения выступают порядок слов и логическое ударение, то в языках аналитического строя, например, в английском и испанском языках наиболее характерными средствами выражения коммуникативной структуры предложения являются артикль, синтаксические конструкции с выделительными оборотами (Ср.: в английском языке – «*There+to be*», «*There is no...*», «*It is ...that/who...*»; в испанском языке – «*Ser ...el (la) que (quien)*»; «*Es ... que*»).

И. В. Арнольд отмечает, что в современном английском языке структура «*It is ...that/who...*» является специальной синтаксической конструкцией усиления и с её помощью растёт эмоциональность предложения-высказывания [Арнольд, 2002, с. 20]. В современных грамматиках английского языка данную структуру называют эмфатической, и в русском языке ей соответствуют соответствующие конструкции, начинающиеся так называемыми словами-интенсификаторами «*Именно.../ Как раз...*». Многие исследователи языка (Н. А. Калевич, Л. А. Соколова, Е. П. Трофимова) справедливо считают, что эмоционально-экспрессивное выделение высказывания или её части – слова, словосочетания – в современном английском языке достигается лексическими и грамматическими

средствами, но среди них преобладают грамматические средства, а именно синтаксические.

Следует отметить, что при описании синтаксической стилистики современного английского языка И. В. Арнольд приходит к заключению, что актуальное членение предложения является стилистически существенной характеристикой текста, так как при анализе текста следует обращать внимание на артикль, повторение слов, использование местоимений и др. Таким образом, актуальное членение направляет и контролирует процесс декодирования текста читателем [Арнольд, 2002, с. 263-265].

Что касается испанского языка, отметим, что одним из эффективных средств выражения коммуникативного членения предложения являются выделительные обороты *Es...que* и *Ser...el (la) que (quien)*. При помощи данных эмфатических конструкций выделяется неглагольный элемент предложения. Здесь имеет место коммуникативная инверсия, так как применение конструкций *Es.. que* и *Ser...el (la) que (quien)* требует вынесения рематического члена в начало предложения, что подчеркивает эмфатический характер всего высказывания [Купцов, 2017б, с. 439].

Л. Н. Сорокопуд делает акцент на том, что «выделительные конструкции неразрывно связаны с актуальным членением, в котором проявляется их информативная функция. Роль темы и ремы определяется самим говорящим (адресантом), и если в устной речи выделение наиболее важной информативной части предложения сопровождается определенным просодическим оформлением, а именно интонацией и ударением, то при исследовании письменного произведения, опираемся только на контекст. Конструкция *ser...el (la) que (quien)* служит проводником новой, важной информации в сверхфразовом единстве» [Сорокопуд, 1998, с. 14].

Как показал анализ фактического материала настоящего исследования, синтаксическая конструкция *It is ...that/ who...* с частицами в современном английском языке и конструкции *Es...que* и *Ser...el (la) que (quien)* с частицами в

испанском языке являются эффективным средством, позволяющим выделить в качестве ремы главный член предложения – подлежащее (126) **It is only Andalusia that**; (127) **it is only vanity that**; (128) **no solamente era agua lo que**; (129) **no era ésta la respuesta que**. Таким образом, подлежащее является коммуникативным центром высказывания. Например:

(англ.) (126) 'A Greek god,' the countess murmured to herself. **It is only Andalusia that** can produce such types.' And then aloud: 'I hear that you are going to marry the daughter of the Duchess of Dos Palos.' (Maugham);

(127) 'Good gracious, no,' said Ashenden. 'All sensible people know that vanity is the most devastating, the most universal, and the most ineradicable of the passions that afflict the soul of man, and **it is only vanity that** makes him deny its power (Maugham);

(исп.) (128) Ella se percataba enseguida de que **no solamente era agua lo que** le ofrecían y entonces cerraba la boca con tanta firmeza que únicamente apalancando podían abrírsele (Delibes);

(129) Dionisio suspiró con alivio pero observó que **no era ésta la respuesta que** don Bernardo esperaba (Benedetti).

Приведенные выше примеры (126-129) указывают на тот факт, что эмфатические конструкции с выделительно-ограничительными и отрицательными частицами (в английском языке – ***only***; в испанском языке – ***solamente, no***), выделяя подлежащее, создают в целом эмоционально окрашенное предложение-высказывание в художественном дискурсе. Исследуемые конструкции служат для выражения утверждения (126, 127), возражения (128), выражения эмоционального состояния литературных героев/ персонажей (129).

Кроме подлежащего, данные конструкции с частицами в современном англо- и испаноязычном художественном дискурсе употребляются достаточно часто для выделения в качестве ремы дополнения (130) **it is only by reconciling**

contradictions that; (131) **No es... sobre todo para el que**; (132) **no es para mocosos que**. Например:

(англ.) (130) *These contradictions are not accidental, nor do they result from ordinary hypocrisy; they are deliberate exercises in doublethink. For **it is only by reconciling contradictions that** power can be retained indefinitely (Orwell);*

(исп.) (131) – *¿Por qué te separaste de mamá? – **No es tan sencillo de explicar, sobre todo para el que** no lo vivió (Benedetti);*

(132) *La Ley de Seguridad Interior **no es para mocosos que** no saben dónde están parados, don Cayo – con una furia frenada (Llosa).*

Как следует из вышеприведённых примеров англо- и испаноязычных предложений-высказываний художественного дискурса (130-132), функционально-прагматическая стратегия эмфатической конструкции *It is ...that/who...* с выделительно-ограничительной частицей ***only*** в английском языке, конструкции *Es...que* с отрицательной частицей ***no*** и конструкции *Ser...el (la) que (quien)* с усилительной частицей ***sobre todo*** в испанском языке – влиять на активизацию воображения читателя (адресата, реципиента), таким образом писатель (адресант) передаёт своё отношение и эмоции в косвенной форме. Необходимо отметить, что экспрессивность и образность художественного текста создаётся за счёт взаимодействия эмфатических конструкций и коммуникативных частиц, таким образом, степень воздействующей силы высказывания значительно повышается.

В то же время отметим, что в ходе анализа фактического материала выявлено достаточно мало случаев употребления эмфатических конструкций с частицами в английском и испанском языках при обстоятельстве-реме (133) **It is only when we are young that**; (134) **No es por tanto de extrañar que**; (135) **No fue fácil para mí llegar a una postura que**. Например:

(англ.) (133) *"Love is not everything, Mademoiselle." Poirot said gently, **It is only when we are young that** we think it is." (Christie);*

(исп.) (134) *No es por tanto de extrañar **que** yo recibiera siempre con alegría la orden de partir (Delibes);*

(135) ***No fue fácil** para mí llegar a una postura **que** contradecía viejas tradiciones — llamémoslas humanísticas con una sonrisa en los labios— de filosofías y religiones antropocéntricas, para las que es inconcebible que el ser humano real, estructura de carne y huesos perecibles, sea considerado menos digno de interés y de respeto que el inventado, el que aparece (Llosa).*

На наш взгляд, важно обратить внимание на то, что, акцентируя обстоятельство при помощи эмфатических конструкций и коммуникативных частиц (133-135), автор (адресант) обращает внимание читателя (адресата) на время, когда происходит действие (133) ***only when** we are young*, эмоции (отсутствие удивления) (134) *No es por tanto de extrañar*, выражение эмоционального состояния героев (135) ***No fue fácil** para mí llegar*.

Следует подчеркнуть, что приведённые выше примеры предложений-высказываний художественного дискурса (133-135) показывают, что эмфатические конструкции, употребляясь с выделительно-ограничительной частицей *only* в современном английском языке и с отрицательной частицей *no* в испанском языке, усиливают экспрессивно-эмоциональное воздействие на читателя (адресанта), а также фиксируют его внимание на вещественной информации. Данные синтаксические конструкции с частицами как экспрессивные средства выражения содержания в художественном дискурсе отражают эмоционально-оценочные (134, 135) и образные характеристики (133). Под образными характеристиками понимается выражение внешнего облика реальной действительности, а под эмоционально-оценочными – внутреннее состояние литературных героев и их отношение к действительности.

Итак, следует заметить, что эмфатическая конструкция *It is ...that/ who...* в современном английском языке и эмфатические конструкции *Es...que, Ser...el (la) que (quien)* в испанском языке, а также различные коммуникативные частицы

позволяют выделить в качестве ремы почти все неглагольные элементы предложения – *подлежащее, дополнение, обстоятельство*. Дополняя и усиливая друг друга, эмфатические конструкции и коммуникативные частицы служат эффективным показателем коммуникативного центра высказывания предложения, рельефно выделяют заключенную в высказывании актуальную информацию. Важно подчеркнуть тот факт, что художественные тексты строятся по принципу художественно-образной речевой конкретизации, что отражается во взаимосвязи языковых единиц, а именно эмфатических конструкций и коммуникативных частиц, которые оказывают значительное влияние на воображение читателя (адресата) и несут дополнительную композиционно-смысловую нагрузку в художественном дискурсе.

3.1.2. Синтаксические конструкции с отделительными частицами

Отделительные частицы (изолянты) употребляются в сегментированных предложениях, в которых один из синтаксических (как правило, именных) компонентов предложения выносится в обособленный сегмент и тем самым противопоставляется глагольной части. Глагольная часть и синтаксически, и интонационно является независимым предложением (Например, в испанском языке: ***En cuanto a Juan Duenas, el criado que había ido a recoger al doctor (Delibes)***; в русском языке: *Что касается меня, то **я привык бриться один раз в неделю**...* (Пикуль). Таким образом, можем сказать, что в сегментированных предложениях противопоставляется тема и рема: глагольная часть является ремой, а именной компонент, выносимый за пределы предложения, выступает в качестве темы [Гак, 2004; Ковтунова, 2002, Шевякова, 1980].

Наиболее употребительными изолянтами, как показывает анализ фактического материала, являются конструкции с отделительными частицами *en cuanto a..., cuanto a..., en lo que toca a..., en lo que concierne a...* в современном испанском языке.

В современном русском языке вышеупомянутым синтаксическим конструкциям соответствует конструкция *что касается..., то...* Как отмечает Н. Н. Лапынина, особенностью данной синтаксической конструкции является бинарность структуры, так как в первой части выделяется объект речи, а во второй содержится сообщение о нём [Лапынина, 2015, с. 13].

Следует отметить, что особенностью отделительных частиц и в испанском, и в русском языках является то, что они выделяют не только рему высказывания (136) *ni uno solo dudaba de que bajo el raído*; (137) *el destino natural del toro macho es la plaza taurina*; (138) *dejó de existir*; (139) *le he contado*; (140) *я бы давно покончил с этой глупой комедией*; (141) *я тебе от души сочувствую*; (142) *мне так и не удалось выяснить, был ли он верующим человеком, имел ли своего бога*; (143) *о сем вы скоро сможете прочитать в газете*, но позволяют автору (адресанту) акцентировать внимание и на теме высказывания (136) *los habitantes de Oiquixa*; (137) *a mí*; (138) *a este régimen*; (139) *Mercedes, nuestra hija*; (140) *меня, господа*; (141) *твоей жизненной трагедии, мичман*; (142) *бога и веры*; (143) *стоимости вашего патриотизма*, что усиливает коммуникативную значимость отделительной частицы [Купцов, 2017б, с. 81]. Например:

(исп.) (136) *En cuanto a los habitantes de Oiquixa, ni uno solo dudaba de que bajo el raído* (Matute);

(137) *En lo que a mí concierne*, *el destino natural del toro macho es la plaza taurina* (Llosa);

(138) *Vive, pero en lo que concierne a este régimen, dejó de existir* (Llosa);

(139) *En cuanto a Mercedes, nuestra hija, le he contado, sin entrar en detalles, nuestra separación y no ha hecho ningún comentario* (Llosa);

(рус.) (140) – *А что касается меня, господа, то я бы давно покончил с этой глупой комедией* (Васильев);

(141) *А что касается твоей жизненной трагедии, мичман, то я тебе от души сочувствую* (Пикуль).

(142) Что касается бога и веры, то мне так и не удалось выяснить, был ли он верующим человеком, имел ли своего бога (Гранин);

(143) А что касается стоимости вашего патриотизма, то о сем вы скоро сможете прочитать в газете (Васильев).

Примеры (136-143) позволяют говорить о том, что синтаксические конструкции с отделительными частицами в испанском и русском языках отражают особенность факта. Таким образом, приходим к выводу о том, что, акцентируя тематическую и рематическую части в предложении-высказывании, усилительные частицы в испано- и русскоязычном художественном дискурсе способны направлять содержание акцентированного компонента к предикативной части высказывания, тем самым, расширяют содержание высказывания в целом.

В испано- и русскоязычном художественном дискурсе конструкции с отделительными частицами в качестве ремы выделяют глагольную часть в предложении-высказывании (144) ya se tomaron las precauciones debidas; (145) me iluminó; (146) я привык бриться один раз в неделю; (147) где знаки вопросительные превалируют над знаками восклицательными. Например:

(исп.) (144) *En cuanto a los exámenes, ya se tomaron las precauciones debidas*
(Llosa);

(145) *En lo que a mí concierne, además de parecerme, como a usted, huera
у cursi, me iluminó* (Llosa);

(рус.) (146) *Что касается меня, то я привык бриться один раз в неделю*
(Пикуль);

(147) *А что касается поэзии в частности и искусства вообще, то мне
больше по душе то, где знаки вопросительные превалируют
над знаками восклицательными* (Васильев).

Основное назначение отделительных частиц (изолянтов) – предикативное противопоставление темы и ремы. Поэтому синтаксические конструкции с отделительными частицами в испаноязычном и русскоязычном художественном дискурсе позволяют, с одной стороны, адресанту строить коммуникативно-

однозначное высказывание, а с другой стороны, позволяют адресату (реципиенту) адекватно понимать основное содержание чужого высказывания.

3.1.3. Коммуникативные частицы и артикль

Несмотря на довольно большой объём работ, посвящённых исследованию артикля, вопрос об универсальных и национально-специфических особенностях функционирования данной категории в англоязычном и испаноязычном художественном дискурсе не получил до сих пор однозначного толкования. Таким образом, представляется важным выявление определённых закономерностей в функционировании артиклей и коммуникативных частиц при передаче актуальной информации в предложении-высказывании в неблизкородственных языках, а именно, в английском и испанском языках.

Артикль, являясь эксплицитной категорией соотнесённости/ несоотнесённости в европейских языках, обеспечивает точное выражение мысли, может являться единственным показателем рематического характера того или иного синтаксического компонента предложения-высказывания, особенно в тех случаях, когда данный компонент (подлежащее, дополнение, обстоятельство) занимает в структуре предложения-высказывания начальную позицию или оформляется определённым артиклем, а также обладает эмоционально-выделительной функцией в художественном дискурсе [Купцов, 2018, с. 44].

Что касается германских языков, важно отметить, что в них артикль обладает эмоциональной силой воздействия, так как по своему происхождению определённый артикль – это «сочетание ослабленного указательного местоимения и выделительной частицы, которая в древнегерманском языке использовалась для эмоциональной характеристики тех или иных объектов, выраженных существительным [Парамонова, 2016, с. 74-75].

М. Г. Парамонова приходит к выводу о том, что в современных германских языках артикль, помимо выражения категории определённости/ неопределённости, обобщённости и др., также «несёт большую эмоциональную

нагрузку, тем самым позволяя читателю понять и декодировать авторский замысел, тот «глубинный» смысл, который является основой понимания текста» [Парамонова, 2016, с. 75].

В современном испанском языке артикль служит не только для выражения семантической категории определённости/ неопределённости, грамматических категорий существительного (рода и числа), для субстантивации других частей речи, но и выражает различные стилистические оттенки: эмоционально-оценочные оттенки, уточнение, сравнение и др. [Виноградов, 2008, с. 5-17].

И. В. Тимошенко, изучая функционирование артиклей в английском и французском художественном дискурсе, отмечает, что одной из главных функций артикля является указание на тип референции существительного. «Под референцией имени или именной группы понимается соотнесённость именного выражения с называемым объектом внеязыковой реальности. При этом реальность может быть как действительная (человеческий мир), так и текстовая (существующая в рамках отдельного художественного текста и создаваемая автором)» [Тимошенко, 2021, с. 2222-2223].

Таким образом, в рамках настоящей работы представляется целесообразным исследовать взаимодействие артикля и коммуникативных частиц в предложениях-высказываниях англо- и испаноязычного художественного дискурса, поскольку русский язык относится к так называемым безартиклевым языкам.

Как показали результаты предпринятого исследования, коммуникативные частицы в английском и испанском языках чаще всего выделяют в качестве ремы именные компоненты предложения-высказывания (подлежащее или дополнение), рематический характер которых дополнительно акцентируется с помощью неопределённого артикля, являющегося, как известно, коммуникативно однозначным сигнализатором ремы. Например:

*(англ.) (148) Any scientific worker or technician could find all the words he needed in the list devoted to his own speciality, but he seldom had more than a smattering of the words occurring in the other lists. **Only a very few***

words were common to all lists, and there was no vocabulary expressing the function of Science as a habit of mind, or a method of thought, irrespective of its particular branches (Orwell);

(149) Neither he nor anyone of Miss Marple's acquaintance would be likely to ring up before eight in the morning. Actually a quarter to eight. Too early even for a telegram, since the post office did not open until eight (Christie);

(ucn.) (150) No vivió su gloria. Cuando reconoció en sí mismo los trastornos irreparables que había visto y compadecido en los otros, no intentó siquiera una batalla inútil, sino que se apartó del mundo para no contaminar a nadie (Márquez);

(151) – Sí, otro nene («... si lo tenemos con nosotros es sólo por un acto de misericordia...» «... la madre vive de mala manera con un hombre...» «...comprenderéis») (Delibes).

Употребление в предложении-высказывании неопределённого артикля *a (an)* в современном английском языке и *un, una* в современном испанском языке с выделительно-ограничительными частицами *only* в английском языке, *sólo* в испанском языке и усилительными частицами *even* в английском языке, *siquiera* в испанском языке (148-151) отражает идейный замысел автора (адресанта), то есть данные контексты могут быть истолкованы как отсутствие индивидуализации предмета, но при этом употребление в предложении-высказывании неопределённого артикля с выделительно-ограничительными и усилительными частицами, как правило, даёт определённо новую, яркую характеристику предмету. Отметим, что неопределённый артикль вносит своеобразный эмоциональный оттенок в предложение-высказывание, но особой эмоциональной силы не имеет. Следует отметить, что экспрессивность и эмоциональность предложению-высказыванию придают частицы (148) Only a very few words; (149) even for a telegram; (150) siquiera una batalla inútil; (151) sólo por un acto de misericordia. Считаю необходимым подчеркнуть, что при

употреблении в предложении-высказывании художественного дискурса артикля и частицы с прилагательным, определяющим существительное, данные служебные слова дополняют номинативное значение существительного и подчёркивают определённые признаки прилагательного, передавая различные оттенки значений существительного (150) *siquiera una batalla inútil*.

Как отмечают исследователи и как свидетельствуют наблюдения над фактическим материалом, встречаются случаи, когда в предложении-высказывании рема маркируется определенным артиклем и частицей. Например:

(англ.) (152) *The village maidens lost interest, and the ruling class of censorious spinsters took exception to Basil Blake's way of life. **Only the landlord of the Blue Boar** continued to be enthusiastic about Basil and Basil's friends (Christie);*

(153) *"The alternative is that she went to meet someone in Danemouth unknown to her family and friends, and that her death is quite unconnected with the other death." "Yes, sir, and I don't believe that's so. Look how **even the old lady**, old Miss Marple, tumbled to it at once that there was a connection (Christie);*

(исп.) (154) *Terminó por aparecer en su casa a cualquier hora, **sobre todo en las mañanas de los domingos**, que eran las más apacibles (Márquez);*

(155) *La esposa había muerto cuando la hija era muy niña. La hermana se llamaba Escolástica, tenía cuarenta años y estaba cumpliendo una manda con el hábito de San Francisco cuando salía a la calle, y **sólo el cordón** en la cintura cuando estaba en casa. La niña tenía trece años y se llamaba igual que la madre muerta: Fermina (Márquez).*

Как следует из вышеприведённых примеров предложений-высказываний англо- и испаноязычного художественного дискурса (152-155), определённый артикль *the* в современном английском языке и *el, las* в современном испанском языке придают существительному уникальность, выделяют его из всех предметов или явлений и являются наиболее сильным средством выделения в предложениях-

высказываниях, по сравнению с неопределённым артиклем. Употребление в предложениях-высказываниях определенного артикля *the* с выделительно-ограничительной частицей *only*, усилительной частицей *even* в английском языке и выделительно-ограничительной частицей *sólo* и усилительной частицей *sobre todo* в испанском языке способствует выделению (153) *even the old lady*; (154) *sobre todo en las mañanas de los domingos* или ограничению (152) *Only the landlord of the Blue Boar*; (155) *sólo el cordón* чего-либо необычного в предложении-высказывании и, по замыслу автора, иногда проявляются отступления от нормы, что и является стилистическим средством в англо- и испаноязычном художественном дискурсе, привнося в него дополнительную информацию.

В ходе проведенного анализа англо- и испаноязычных предложений-высказываний художественного дискурса выявлено, что определенный артикль и частица в испанском языке оформляет именную тему. Приведем примеры, в которых определенный артикль с частицей оформляет именную тему, выраженную подлежащим (156) *El mismo doctor Urbino*, дополнением (157) *pues de los mismos bienes* и обстоятельством (158) *así que en la oficina*. Например:

(исп.) (156) *Ella se ocupaba de mantener la limpieza y el orden del laboratorio una vez por semana, pero ni los vecinos peor pensados confundieron las apariencias con la verdad, porque suponían como todo el mundo que la invalidez de Jeremiah. de Saint-Amour no era sólo para caminar. El mismo doctor Urbino lo suponía por razones médicas bien fundadas, y nunca habría creído que tuviera una mujer si él mismo no se lo hubiera revelado en la carta (Márquez);*

(157) *No había para más, pues de los mismos bienes había que pagar varias deudas pendientes, grandes y pequeñas, y entre ellas los veinte mil duros de pesadilla recurrente del profesor Lancaster (Márquez).*

(158) *Por disposición gubernamental, en los últimos tiempos no se llenan las vacantes, así que en la oficina ahora somos sólo cinco, además*

del jefe, que, claro, sigue teniendo su despacho, al que solemos entrar sin mayores restricciones (Benedetti).

Приведенные примеры предложений-высказываний испаноязычного художественного дискурса (156-158) показывают, что усилительные частицы *mismo, pues, así que* с определённым артиклем *el, la, los, las* являются важным средством выделения мысли и фокусирования внимания читателя (реципиента, адресата) на уже известной ему информации, а степень эмоциональности достигается при помощи употребления данных служебных слов в значении уникальности. При этом заметим, что частица является дополнительным средством маркирования темы в предложении-высказывании, которая придает экспрессивность всему высказыванию в испаноязычном художественном дискурсе.

Таким образом, считаем необходимым обратить внимание на то, что, если неопределённый артикль в структуре предложения-высказывания в подавляющем большинстве случаев может служить коммуникативно однозначным средством выделения именной темы, то для выявления коммуникативной нагрузки существительного с определённым артиклем потребуется ряд таких дополнительных факторов, как:

- 1) позиция компонента – *артикль + существительное* – в предложении-высказывании;
- 2) логико-семантические отношения компонента – *артикль + существительное* – в предложении-высказывании;
- 3) коммуникативные частицы.

Выбор артикля в английском и испанском языках обусловлен необходимостью формирования коммуникативной перспективы высказывания. Коммуникативные частицы могут являться единственным показателем тематического характера того или иного синтаксического компонента (члена) предложения особенно в тех случаях, когда данный компонент – *подлежащее, дополнение, обстоятельство* – занимает начальную позицию в структуре

предложения или оформляется определенным артиклем. Употребление артикля и коммуникативной частицы в англо- и испаноязычном художественном дискурсе является особым эмоциональным маркером, так как вносит в предложение-высказывание своеобразные оттенки коннотативного характера, например, *усиление, ограничение, уточнение, добавление* и т. д. Взаимодействие коммуникативных частиц и артиклей в синтаксической структуре предложения-высказывания даёт возможность автору (адресанту) реализовать большую интенсивность в предложении-высказывании, усиливать то или иное значение определенного компонента (члена) предложения-высказывания.

3.2. Универсальные и национально-специфические особенности использования коммуникативных частиц в англо-, испано- и русскоязычном художественном дискурсе

Изучение национально-специфических особенностей использования коммуникативных частиц в языках и выявление сущностных характеристик исследуемых лексических единиц языка является одной из ключевых проблем в современном языкознании, так как использование частиц, несомненно, связано с прагматической стороной общения и «отражает специфические принципы функционирования национального языка». Особенности функционирования частиц в речи отражает национальную и речевую культуру [Талигина, 2014, с. 63]. Таким образом, можно заключить, что анализ коммуникативных частиц с позиции лингвокультурологических исследований является целесообразным и релевантным.

Как справедливо считает В. А. Маслова, предметом лингвокультурологических исследований «являются языковые средства, которые приобрели символическое, эталонное, образно-метафорическое значение в культуре и которые обобщают результаты собственно человеческого сознания» [Маслова, 2001, с. 36]. По мнению исследователя, к лингвокультурологическим единицам могут относиться:

- 1) безэквивалентная лексика и лакуны,
- 2) мифологизированные языковые единицы: архетипы и мифологемы, обряды и поверья, ритуалы и обычаи, закрепленные в языке;
- 3) паремиологический фонд языка;
- 4) фразеологический фонд языка;
- 5) эталоны, стереотипы, символы;
- 6) метафоры и образы языка;
- 7) стилистический уклад языков;
- 8) речевое поведение;
- 9) область речевого этикета [Маслова, 2001, с. 37].

Н. Е. Реброва высказывает мнение о том, что «языковыми средствами репрезентации лингвокультурной информации могут выступать языковые обозначения, аккумулирующие дополнительную информацию о реалиях общества (культуры, страны) и среды существования народа-носителя того или иного языка, его нравов, обычаев, культурно-исторических традиций, мировосприятия и др.» [Реброва, 2019, с. 171; Реброва, 2020, с. 19].

Как показал проведенный количественный анализ, коммуникативные частицы в английской, испанской и русской лингвокультурах имеют общие механизмы лингвистической реализации. Использование данных лексем как показателей релативности синтаксических компонентов (членов) предложения в английском, испанском и русском языках отражает определенные закономерности, универсальные и национально-специфические особенности, присущие каждой из исследуемых – английской, испанской и русской – лингвокультур.

Выделительно-ограничительные частицы употребляются перед различными синтаксическими компонентами (членами) предложения, что является **универсальной лингвокультурной особенностью** для английского, испанского и русского языков. Тем не менее, как показал количественный анализ употребления данных лексических единиц в структуре предложения-

высказывания англо-, испано- и русскоязычного художественного дискурса, показатель частотности использования данного типа частиц перед определенным компонентом предложения в исследуемых языках различен, что и определяет **национально-специфическую особенность** английской, испанской и русской лингвокультур.

Наиболее широкое употребление в предложении-высказывании художественного дискурса выделительно-ограничительных частиц-рематизаторов наблюдается в английской, испанской и русской лингвокультурах при **сказуемом-реме**, что отражает совокупность закономерностей, регулирующих построение синтаксических единиц. Что касается употребления данных лексических единиц в предложении-высказывании художественного дискурса при **подлежащем-реме**, то следует отметить, что в английской и русской лингвокультурах данное явление встречается довольно часто, а для испанской лингвокультуры данный феномен менее характерен, так как в глагольной категории лица содержится указание на производителя действия. Показатель использования выделительно-ограничительных частиц при **дополнении-реме** во всех исследуемых лингвокультурах приблизительно одинаковый, что может свидетельствовать о сверхдальнем языковом родстве или о древних языковых контактах. Довольно неравномерно выделительно-ограничительные частицы используются в исследуемых лингвокультурах при **обстоятельстве-реме**. Так, довольно часто данные лексические единицы употребляются в испанской лингвокультуре, реже в русской и гораздо реже в английской лингвокультуре. Количественный анализ употребления выделительно-ограничительных частиц как показателей рематичности синтаксических компонентов (членов) предложения позволил установить, что выделительно-ограничительные частицы в данных лингвокультурах употребляются довольно редко при **определении-реме**.

Что касается слов с модальным значением и модальных частиц, то отметим, что довольно часто вышеупомянутые лексические единицы употребляются в английской, испанской и русской лингвокультурах при **сказуемом-реме**. При

этом следует обратить внимание на то, что в английской и испанской лингвокультурах слова с модальным значением и модальные частицы используются значительно чаще, чем в русской лингвокультуре. При **подлежащем-реме** довольно часто используются модальные частицы в русской лингвокультуре, а для английской и испанской лингвокультур, согласно количественному анализу, данное явление менее характерно, причём, в английской и испанской лингвокультурах показатели частотности почти одинаковые. Что касается использования слов с модальным значением и модальных частиц в предложении-высказывании художественного дискурса при **дополнении-реме**, то следует отметить, что в русской лингвокультуре данное явление встречается чаще, а для испанской лингвокультуры показатель частотности использования слов с модальным значением и модальных частиц немного меньше. Необходимо отметить, что в английской лингвокультуре слова с модальным значением употребляются при дополнении-реме довольно редко. Количественный анализ частотности употребления слов с модальным значением и модальных частиц в исследуемых лингвокультурах позволил установить, что в испанской и русской лингвокультурах данные лексические единицы используются при **обстоятельстве-реме** чаще в английской и испанской лингвокультурах, что позволяет сделать вывод о языковых контактах, то есть о взаимодействии двух языковых систем. При **определении-реме** слова с модальным значением и модальные частицы в английской, испанской и русской лингвокультурах используются довольно редко. Данный феномен наиболее характерен для русской лингвокультуры, так как в русском языке существует большое количество модальных частиц, предназначенных для выражения различных субъективно-модальных значений. Что касается английской и испанской лингвокультур, отметим, что в них данные лексемы при определении-реме употребляются довольно редко.

При сравнительно-сопоставительном анализе английской, испанской и русской лингвокультур, наиболее широкое употребление в предложении-

высказывании художественного дискурса усилительных частиц-рематизаторов наблюдается при **сказуемом-реме**. Данный факт, безусловно, отражает совокупность закономерностей, регулирующих построение синтаксических единиц. Употребление исследуемых лексических единиц при сказуемом-реме довольно часто выявлено в английской и русской лингвокультурах, а для испанской лингвокультуры данный феномен менее характерен. Это обусловлено тем, что испанский язык является «слабопартиклевым» языком, соответственно, в нем реже используются усилительные частицы при сказуемом-реме. При **подлежащем-реме** довольно часто используются усилительные частицы в русской лингвокультуре, а для английской и испанской лингвокультур, согласно количественному анализу, данное явление менее характерно. Употребление усилительных частиц в предложении-высказывании художественного дискурса при **дополнении-реме** в испанской лингвокультуре значительно выше, чем английской и русской лингвокультурах. Количественный анализ позволил выявить, что довольно неравномерно усилительные частицы используются в исследуемых лингвокультурах при **обстоятельстве-реме**. Так, в английской лингвокультуре данные лексические единицы употребляются довольно часто, реже – в испанской и гораздо реже в русской лингвокультурах. Употребление усилительных частиц как показателей рематичности синтаксических компонентов (членов) предложения-высказывания художественного дискурса позволило установить, что данные лексемы употребляются довольно часто при **определении-реме** в испанской лингвокультуре, реже – в русской лингвокультуре. Отметим, что для английской лингвокультуры показатель употребления усилительных частиц при определении-реме также довольно низкий.

Что касается отрицательных частиц, отметим, что данные лексические единицы довольно часто употребляются в английской, испанской и русской лингвокультурах при **сказуемом-реме**. При этом необходимо отметить, что в английской и русской лингвокультурах отрицательные частицы используются

чаще, чем в испанской лингвокультуре. При **подлежащем- реме** отрицательные частицы довольно часто используются в испанской лингвокультуре, а для русской лингвокультуры, согласно количественному анализу, данный феномен менее характерен. Следует также отметить, что в английской лингвокультуре вообще не было выявлено случаев употребления отрицательных частиц при подлежащем- реме, что свидетельствует о лакунарности английского языка в этом аспекте. Что касается употребления отрицательных частиц при **дополнении- реме**, то следует отметить, что в английской лингвокультуре данное явление встречается довольно часто. Необходимо отметить, что в испанской и русской лингвокультурах показатель частотности употребления отрицательных частиц приблизительно одинаковый. Количественный анализ частотности употребления отрицательных частиц в исследуемых лингвокультурах позволил установить, что в английской и русской лингвокультурах данные лексические единицы используются при **обстоятельстве- реме** довольно часто, а в испанской лингвокультуре достаточно редко. При **определении- реме** отрицательные частицы используются довольно редко во всех исследуемых – английской, испанской и русской – лингвокультурах. Однако следует заметить, что данный феномен наиболее характерен для английской и русской лингвокультур. В испанской лингвокультуре употребление отрицательных частиц при определении- реме встречается крайне редко.

Таким образом, из всего вышесказанного можно заключить, что коммуникативные частицы как инструмент отражения коммуникационных процессов в речевой сфере являются универсальной лингвокультурной особенностью для всех – английского, испанского и русского – языков, то есть проявляются типологические черты языков. Следует отметить, что в англо-, испано- и русскоязычном художественном дискурсе выявлены также и национально-специфические особенности использования данных лексических единиц, которые отражаются в лингвостатистическом анализе употребления коммуникативных частиц. Так, например, отличаются показатели частотности

употребления данных лексем перед синтаксическими компонентами в высказываниях, некоторые частицы не употребляются перед тем или иным синтаксическим компонентом высказывания, проявляется языковая лакунарность. Феномен лакунарности отражает национальную специфику английской, испанской и русской лингвокультур, а также национально-культурную действительность общества.

Выводы по Главе 3

Проведённый анализ по выявлению национально-специфических особенностей коммуникативных частиц в англо-, испано- и русскоязычном художественном дискурсе позволяет сделать следующие выводы:

Синтаксические и лексические выразительные средства, а также и стилистические приёмы представляют собой основной инструмент для создания художественного дискурса и инструмент формирования его своеобразия. В ходе исследования выявлено взаимодействие частиц с риторическими средствами (*артикуль, порядок слов, эмфатические конструкции, лексические повторы, инверсия*), которые являются экспрессивными средствами языка в текстах художественной литературы, придавая особую выразительность художественному дискурсу.

Анализ имеющегося в нашем распоряжении материала позволил установить, что эмфатическая конструкция *It is that... / who...* в современном английском языке и эмфатические конструкции *Es...que, Ser...el (la) que (quien)* в испанском языке и коммуникативные частицы, выделяя коммуникативный центр высказывания, дополняют друг друга, тем самым, усиливают экспрессивно-эмоциональное воздействие на читателя (адресанта), а также фиксируют его внимание на вещественной информации, таким образом степень воздействующей силы высказывания повышается.

Говоря об **отделительных частицах (изолянтах)** *en cuanto a...*, *cuanto a...*, *en lo que toca a...*, *en lo que concierne a...*, в современном испанском языке и *что касается...*, *то...* в русском языке выполняют экспрессивно-эмфатическую (выделительную) функцию и экспрессивно-поясняющую (конкретизирующую) функцию и тем самым расширяют для читателя (адресата) содержание высказывания в целом.

Проведённый в настоящей работе анализ фактического материала показал, что употребление неопределенного и определенного артиклей *a/an*, *the* в английском языке и артиклей *un*, *una*, *el*, *la*, *los*, *las* в испанском языке с коммуникативными частицами в англо- и испаноязычном художественном дискурсе создает дополнительные смысловые и эмоционально-экспрессивные оттенки значений, усиление эмоциональной выразительности художественного текста, а также выражает специфические референции.

Национально-специфические особенности использования коммуникативных частиц в английском, испанском и русском языках, прежде всего, связаны с прагматической стороной общения. Так, лингвостатистический анализ частотности употребления коммуникативных частиц позволил обнаружить универсальные и национально-специфические особенности в английской, испанской и русской лингвокультурах. Коммуникативные частицы как лексические единицы языка присущи английскому, испанскому и русскому языкам, что свидетельствует об их универсальной лингвокультурной особенности. Тем не менее, лингвостатистический анализ частотности употребления коммуникативных частиц позволил выявить и национально-специфические особенности. К данным особенностям следует отнести: показатели частотности употребления данных лексем различны, некоторые частицы не употребляются перед тем или иным синтаксическим компонентом высказывания. Таким образом, можно сделать вывод о том, что в данном феномене проявляется языковая лакунарность, отражающая национальную

специфику исследуемых лингвокультур, и национально-культурная действительность общества.

В ходе диссертационного исследования также выявлены соответствия частиц в английском, испанском и русском языках, которые также отражают национально-специфические особенности английской, испанской и русской лингвокультур.

Таблица 17

СООТВЕТСТВИЯ ЧАСТИЦ В АНГЛИЙСКОМ, ИСПАНСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Частицы	Английский язык	Испанский язык	Русский язык
Выделительно-ограничительные	<i>only</i>	<i>sólo, solamente</i>	<i>только, лишь</i>
Модальные	<i>indeed, really</i>	<i>en efecto, en realidad</i>	<i>действительно, неужели</i>
	<i>exactly, precisely</i>	<i>seguramente</i>	<i>точно</i>
Усилительные	<i>even</i>	<i>hasta, ni siquiera</i>	<i>даже, даже и</i>
Отрицательные	<i>no, not</i>	<i>no, ni</i>	<i>не, ни</i>

Как видно из вышеприведенной Таблицы 17, коммуникативные частицы имеют некоторые соответствия в исследуемых лингвокультурах. Сравнительно-сопоставительный анализ позволил выявить, что в английском, испанском и русском языках встречаются частицы, которые полностью совпадают по значению: выделительно-ограничительные частицы *only* в английском языке, *sólo, solamente* в испанском языке и *только, лишь* в русском языке, а также отрицательные частицы *no, not* в английском языке, *no, ni* в испанском языке и *не, ни* в русском языке.

Тем не менее, система деления лексических единиц на части речи, в основе которой, как правило, находятся универсальные принципы, наблюдается

вариабельность истолкования, которая зависит от строя английского, испанского и русского языков. Таблица 17 отражает тот факт, что частицы обладают собственным значением и пополняются за счет перехода других частей речи в частицы. Следует отметить, что сравнительно-сопоставительный анализ позволяет выявить национальную специфику семантики данных лексических единиц. Тем не менее, при переводе и при сравнительном анализе данных лексических единиц выявляется, что сходные по семантике частицы английского, испанского и русского языков не всегда совпадают по значению. Так, например, модальные частицы *en efecto, en realidad* в испанском языке по своему значению не соответствуют словам с модальным значением в английском языке *indeed, really* и в русском языке *неужели*. Испанская частица *seguramente* со значением «*непрененно, вероятно*» не соответствует значениям слов с модальным значением *exactly, precisely* в английском языке и значениям частицы *точно* в русском языке. Усилительная частица *even* в английском языке также в некоторых контекстах может не совпадать по своей семантике с частицами *hasta, ni siquiera* в испанском языке и с частицами *даже, даже и* в русском языке. Таким образом, проявляется национальная специфика семантики данных лексических единиц в исследуемых разноструктурных языках.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящее диссертационное исследование посвящено одной из актуальных, но еще недостаточно разработанных проблем современного языкознания и, в частности, художественного дискурса – коммуникативным частицам как языковым средствам репрезентации дополнительной информации в художественном дискурсе (на материале английского, испанского и русского языков).

Результаты проведенного исследования демонстрируют тот факт, что коммуникативные частицы имеют особое значение в художественном дискурсе, поскольку оказывают большое влияние на повышение его выразительности. Рассмотрены основные определения, характеристики, классификации частиц, коммуникативные функции и их отличие от других служебных частей речи в английском, испанском и русском языках. Проведён обзор основных подходов к пониманию термина «дискурс» и «художественный дискурс», проблема сегментации дискурса и его единицы (высказывания). Особое внимание уделено коммуникативно-прагматическим функциям коммуникативных частиц в англо-, испано- и русскоязычном художественном дискурсе.

Проведённое исследование позволило определить **частицы** как класс слов, которые выражают многообразные отношения, реализующиеся в акте речи или тексте [Караулов, 1997, с. 620]. Выявлено, что частицы в английском, испанском и русском языках представляют особый класс слов и обладают собственным значением, занимают промежуточное положение между знаменательными и служебными словами, динамично пополняющийся как за счет перехода других частей речи в частицы, так и за счет различных контаминаций служебных лексем. Говоря о семантическом потенциале коммуникативных частиц, отметим, что семантика данных лексических единиц, прежде всего, зависит от контекста.

Исследование позволило выявить, что частицы являются дополнительным средством маркирования темы и ремы в высказывании, так как позволяют

говорящему/пишущему (адресанту) продуцировать коммуникативно релевантное высказывание. Поэтому в системе средств, предназначенных для выражения актуального членения предложения, частицы занимают особое место.

Современные подходы к изучению **дискурса** и его единиц позволили определить данный феномен как познавательный процесс и социальное действие человека, участвующего в вербальном взаимодействии (акте коммуникации), а именно, является связным монологическим или диалогическим текстом, который представляет собой семантически и грамматически связанную последовательность предложений-высказываний в устной или письменной форме, обращенный к слушателю/читателю (адресату), отражающий целостную коммуникативно-речевую ситуацию и учитывающий в качестве экстралингвистических факторов всех её участников. Таким образом, **художественный дискурс** является воплощением вербального сообщения, способным передавать эстетическую, эмоциональную, образную, а также оценочную информацию, которая объединена в идейно-художественном содержании текста.

В ходе исследования определено, что **предложение** принадлежит и языку, и речи, то есть является единицей двустороннего характера. Если рассматривать коммуникативную организацию предложения, то целесообразно определять предложение как **высказывание**, что даёт возможность рассматривать речевые отрезки как целостное коммуникативное образование.

Коммуникативные частицы в англо-, испано- и русскоязычном художественном дискурсе, выделяя в качестве ремы тот или иной синтаксический компонент в предложении, являются средствами репрезентации актуальной информации в предложении-высказывании. Следует отметить, что данные лексические единицы в английском, испанском и русском языках, акцентируя синтаксические члены предложения, также притягивают к себе фразовое ударение, создают коммуникативный центр высказывания и усиливают значимость актуальной информации. Коммуникативные частицы не только

обладают ярко выраженной ремовыделяющей функцией, но и, подчеркивая новое/неизвестное, способны придавать разнообразные эмоционально-экспрессивные оттенки высказыванию. Прикрепляясь к синтаксическому компоненту (члену) предложения, частица выделяет его, заставляет сосредоточить внимание на той реалии, которую он обозначает, таким образом, акцентирует выделяемый компонент.

Говоря о характере влияния коммуникативных частиц как языковых средств репрезентации дополнительной информации на коммуникативную цель предложения-высказывания, в ходе исследования выявлены наиболее эффективные и часто употребляемые частицы в англо-, испано- и русскоязычном художественном дискурсе.

Так, **выделительно-ограничительные частицы** *only* в английском языке, *sólo, solamente* в испанском языке и *только, лишь* в русском языке могут употребляться с различными членами предложения, выделяя их в качестве ремы и придавая дополнительные оттенки всему высказыванию. Употребление выделительно-ограничительной частицы в высказывании направлено не только на выражение содержания. Выделительное или ограничительное значение предопределяется смыслом более широкого контекста, то есть той коммуникативной установкой, которую выражает говорящий/пишущий (адресант). Выделительно-ограничительные частицы вносят в высказывание большую интенсивность, усиливают то или иное значение акцентируемого ими компонента предложения-высказывания. Таким образом, основной коммуникативно-прагматической функцией выделительно-ограничительных частиц в англо-, испано- и русскоязычном художественном дискурсе является их способность фокусировать внимание реципиента/читателя (адресата) на последующей новой информации в высказывании, доносить до читателя (адресата) квалификативные смыслы высказывания, вносить в высказывание большую интенсивность, усиливать то или иное значение акцентируемого ими компонента (члена) предложения-высказывания. Выделительно-ограничительные

частицы в англо-, испано- и русскоязычном художественном дискурсе способны вносить в высказывание различные оттенки дополнительных значений (смыслов), при этом, несомненно, влиять на значение высказывания в целом, тем самым формируя прагматический эффект акта коммуникации (дискурса). Они способны усиливать выразительность речи (высказывания), оказывать влияние на эмоционально-экспрессивную окраску, которая создаётся за счёт различных оттенков коннотативного характера.

Анализ материала позволил выявить, что **слова с модальным значением** *indeed, probably* в английском языке, **модальные частицы** *seguramente, en efecto, en realidad* в испанском языке, модальные частицы *вряд ли, неужели, точно* в русском языке, употребляясь при синтаксическом компоненте, часто являются в предложении-высказывании единственным показателем его релативности. Выделяя релативный характер того или иного синтаксического компонента (члена) предложения и влияя на развитие всего акта коммуникации, слова с модальным значением и модальные частицы привносят в предложение-высказывание как дополнительную информацию, так и оттенки модальных значений, например, *вероятность, восхищение, достоверность, недоверие, предположение, уверенность/ неуверенность, предположение* и др. Исследование позволило установить, что данные лексические единицы демонстрируют причастность литературных героев/персонажей и автора художественного произведения к происходящему, отражая их миропонимание.

Что касается **усилительных частиц** *even, just* в английском языке, частиц *hasta, sobre todo, siquiera* в испанском языке и частиц *даже, даже и* в русском языке, отметим, что данные лексические единицы являются наиболее эффективными и сравнительно чаще употребляемыми в англо-, испано- и русскоязычном художественном дискурсе. Усилительные частицы способны выдвигать на передний план наиболее важную информацию в высказывании и выделять информативную значимость синтаксического компонента. Являясь средством интенсификации высказывания, усилительные частицы оказывают

влияние на формирование у читателя (адресата) определённого мнения и концентрируют внимание на поступающей новой информации. Функционально-семантический анализ предложений-высказываний с усилительными частицами англо-, испано- и русскоязычного художественного дискурса позволил выявить, что основное функциональное предназначение усилительных частиц в исследуемых языках – это отражение *исключительного факта*, а также *неожиданного факта*. Таким образом, усилительные частицы в художественном дискурсе усиливают смысловую нагрузку слова, словосочетания или всего высказывания в целом, привнося в высказывание дополнительную композиционно-смысловую нагрузку.

Анализ имеющегося в нашем распоряжении материала позволил выявить, что **отрицательные частицы** *not* в английском языке, частицы *no, ni* в испанском языке и частицы *не, ни* в русском языке в качестве коммуникативного центра высказывания способны выделять практически любой синтаксический компонент. Необходимо отметить, что в ходе анализа фактического материала в английском языке не выявлено употребления отрицательных частиц перед подлежащим, что говорит о лакунарности английского языка в данном аспекте. Вышеупомянутые лексические единицы способны придавать высказыванию эмоционально-экспрессивную насыщенность, а именно, отражать эмоциональную коннотацию, связанную с выражением эмоций человека на языковом уровне. Таким образом автор подчёркивает эмоциональное отношение литературных персонажей к объектам окружающей действительности. Проведённый анализ обнаруживает ряд особенностей отрицательных частиц. Так, частицы и инверсия способствуют усилению экспрессивности и обладают эмоциональным воздействием на реципиента/читателя (адресата), тем самым, усиливают прагматический эффект художественного дискурса.

Как свидетельствует проанализированный материал, взаимодействие **частиц с риторическими средствами** (*артикуль, порядок слов, эмфатические конструкции, лексические повторы, инверсия*) является довольно значимым для

достижения определенных целей при передаче актуальной информации. Следует отметить, что подобное взаимодействие придает выразительность текстам художественной литературы.

Исследование позволило установить, что коммуникативные частицы комбинируются с эмфатической конструкцией *It is... that.../ who...* в английском языке и эмфатическими конструкциями *Es...que, Ser...el (la) que (quien)* в испанском языке, которые вносят дополнительную информацию и придают новый оттенок значения высказыванию, а именно, усиливают экспрессивно-эмоциональное воздействия на читателя (адресата).

В ходе исследования выявлены синтаксические конструкции с отделительными частицами (изолянтами) *en cuanto a..., cuanto a..., en lo que toca a..., en lo que concierne a* в современном испанском языке и *что касается..., то...* в современном русском языке, которые, как показал анализ, являются центром концентрации языковых средств в испаноязычном и русскоязычном художественном дискурсе, выполняя экспрессивно-эмфатическую, то есть выделительную функцию, а также экспрессивно-поясняющую, то есть конкретизирующую функцию.

В ходе исследования выявлено взаимодействие коммуникативных частиц и артикля, которые имеют особое значение в художественном дискурсе. В англо- и испаноязычном художественном дискурсе употребление данных риторических средств, прежде всего, связано с эмоционально-выделительной функцией, так как вносят в высказывание тончайшие оттенки коннотативного характера (*усиление, ограничение, уточнение, добавление* и т. д.). Выбор коммуникативных частиц и артикля в художественном дискурсе определяется не только синтагматической конструкцией предложения, но и идеей автора, а именно то, что автор вкладывает в уста своих литературных героев/персонажей. Итак, можно заключить, что выбор коммуникативных частиц и артикля в художественном дискурсе зависит от множества различных факторов.

Таким образом, отметим, что употребление коммуникативных частиц и других риторических средств, прежде всего, соотносится с сознательным выбором автора (адресанта), так как главная их функция состоит в том, чтобы придавать словам, словосочетаниям или предложениям-высказываниям новый (дополнительный) оттенок значения, привлекать внимание слушателя/читателя (адресата) и сделать акцент на определенном значении высказывания, тем самым создавая всеобъемлющий, полный и значимый дискурс. Таким образом, как видим, эмоциональная окрашенность и экспрессивность текстов создается посредством различных эмфатических средств. Разнообразие средств выражения экспрессии в англо-, испано- и русскоязычном художественном дискурсе определяет их своеобразный национально-специфический характер в исследуемых лингвокультурах.

Количественный анализ частотности употребления отрицательных частиц в предложении-высказывании перед разными синтаксическими компонентами (членами) предложения-высказывания художественного дискурса позволил выявить универсальные и национально-специфические особенности, присущие каждой из исследуемых – английской, испанской и русской – лингвокультур. Коммуникативные частицы являются универсальной лингвокультурной особенностью для всех – английского, испанского и русского – языков, то есть проявляются типологические черты языков. Выявлены также и национально-специфические особенности использования данных лексических единиц: отличаются показатели частотности употребления данных лексем, некоторые частицы не употребляются перед тем или иным синтаксическим компонентом высказывания, то есть проявляется языковая лакунарность, которая отражает национальную специфику английской, испанской и русской лингвокультур, а также национально-культурную действительность общества.

Выявленные соответствия частиц в английском, испанском и русском языках, отражают национально-специфические особенности английской, испанской и русской лингвокультур. Сравнительно-сопоставительный анализ

позволил выявить, что в исследуемых языках встречаются частицы, которые полностью совпадают по значению. Тем не менее, при переводе и при сравнительном анализе данных лексических единиц выявляется, что сходные по семантике частицы не всегда совпадают по значению. Таким образом, проявляется национальная специфика семантики данных лексических единиц в исследуемых разноструктурных языках.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абашина, В. Н. Вопросы коммуникативно-прагматического описания сложного предложения в русском языке : аспект актуального членения / В. Н. Абашина. – Львов : Издательский центр ЛНУ им. Франко, 2006. – 344 с. – Текст : непосредственный.
2. Адамец, П. Порядок слов в современном русском языке / П. Адамец. – Москва : Просвещение, 1999. – 197 с. – Текст : непосредственный.
3. Алефиренко, Н. Ф. Дискурс как смыслопорождающая категория (дискурс и вторичное знакообразование) / Н. Ф. Алефиренко // Язык. Текст. Дискурс : межвузовский научный альманах / под редакцией Г. Н. Манаенко. Выпуск 3. – Ставрополь : Изд-во ПГЛУ, 2005. – С. 5-13.
4. Алефиренко, Н. Ф. Теория языка. Вводный курс : уч. пос. для студ. филол. спец. вузов / Н. Ф. Алефиренко. – Москва : Академия, 2007. – 384 с. – Текст : непосредственный.
5. Алпатова, С. Д. Комбинаторные свойства частиц в современном английском языке (семантические аспекты) : специальность 10.02.04 «Германские языки» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Алпатова Светлана Денисовна ; Ленинградский государственный университет им. А. А. Жданова. – Ленинград, 1977. – 16 с. – Текст : непосредственный.
6. Апресян, Ю. Д. Лексическая семантика : Синонимические средства языка / Ю. Д. Апресян. – Москва : Языки русской культуры, 1995. – 472 с. – Текст : непосредственный.
7. Арнольд, И. В. Стилистика. Современный английский язык : учебник для вузов / И. В. Арнольд. – Москва : Флинта : Наука, 2002. – 383 с. – Текст : непосредственный.
8. Арутюнова, Н. Д. Синтаксис / Н. Д. Арутюнова. – Текст : непосредственный // Общее языкознание : Внутренняя структура языка. – Москва, 1972. – С. 264-270.

9. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – Москва : Языки русской культуры, 1999. – 896 с. – Текст : непосредственный.
10. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – Москва : КомКнига, 2007. – 571 с. – Текст : непосредственный.
11. Ашнин, Ф. Д. Указательные частицы в тюркских языках / Ф. Д. Ашнин. – Текст : непосредственный // Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. – Москва : Известия ОЛЯ АН СССР, 1958. – Т. 17. – Вып. 5. – С. 417-434.
12. Бабаева, Р. И. Незнаменательная лексика в немецком обиходном дискурсе (прагматический аспект) : специальность 10.02.04 «Германские языки» : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Бабаева Раиса Ивановна ; Московский педагогический государственный университет. – Иваново, 2008. – 42 с. – Текст : непосредственный.
13. Бабаян, В. Н. Теория дискурса в системе наук о языке / В. Н. Бабаян, С. Л. Круглова. – Текст : непосредственный // Ярославский педагогический вестник. – 2002. – № 3. – С. 55-57.
14. Бабаян, В. Н. Дискурс как сложный коммуникативный фономен / В. Н. Бабаян. – Текст : непосредственный // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. – 2006а. – № 4. – С. 127-129.
15. Бабаян, В. Н. Лакуны в триаде (диалог с молчащим наблюдателем /МН/) / В. Н. Бабаян. – Текст : непосредственный // Вопросы психолингвистики. – 2006б. – № 3.– С. 168-182.
16. Бабаян, В. Н. Дискурсивное пространство терциарной речи : специальность 10.02.19 «Теория языка» : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Бабаян Владимир Николаевич ; НОУ ВПО «Международная академия бизнеса и новых технологий (МУБиНТ)». – Ярославль, 2009. – 385 с. – Текст : непосредственный.
17. Бабаян, В. Н. Различные подходы к определению понятия «дискурс» и его основные характеристики / В. Н. Бабаян. – Текст : непосредственный //

- Верхневолжский филологический вестник: научный журнал. – 2017. – № 1. – С. 76-81.
18. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. – Москва : Изд-во иностр. лит., 1955. – 416 с. – Текст : непосредственный.
 19. Баранов, А. Н. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка / А. Н. Баранов, В. А. Плунгян, Е. В. Рахилина. – Москва : Помовский и партнеры, 1993. – 207 с. – Текст : непосредственный.
 20. Бахтин, М. М. Собрание сочинений / М. М. Бахтин. – Москва : Русское слово, 1996. – 731 с. – Текст : непосредственный.
 21. Беллерт, И. Об одном условии связности текста / И. Беллерт. – Текст : непосредственный // Новое в зарубежной лингвистике. – Москва : Прогресс, 1978. – Вып. 8. – С. 172-207.
 22. Белошапкина, В. А. Современный русский язык. Синтаксис : учебное пособие для филол. специальностей ун-тов / В. А. Белошапкина. – Москва : Высшая школа, 1989. – 248 с. – Текст : непосредственный.
 23. Беляева, М. А. Грамматика английского языка / М. А. Беляева. – Москва : Высшая школа, 1984. – 333 с. – Текст : непосредственный.
 24. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист ; [перевод с французского Ю. Н. Караулова и др.]. – Москва : Едиториал УРСС, 2002. – 448 с. – Текст : непосредственный.
 25. Бергельсон, М. Б. Прагматическая и социокультурная мотивированность языковой формы / М. Б. Бергельсон. – Москва : Университетская книга, 2007. – 320 с. – Текст : непосредственный.
 26. Бирюкова, О. А. Семантико-прагматические функции и стилистические возможности частиц в художественном тексте (на материале прозы С. Довлатова) : специальность 10.02.01 «Русский язык» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Бирюкова Оксана Анатольевна ; Дальневосточный государственный университет. – Владивосток, 2007. – 20 с. – Текст : непосредственный.

27. Блох, М. Я. Коммуникативные типы предложения в свете актуального членения / М. Я. Блох. – Текст : непосредственный // Иностранные языки в школе. – 1976. – № 5. – С. 14-23.
28. Блох, М. Я. Теоретические основы грамматики / М. Я. Блох. – Москва : Высшая школа, 2002. – 160 с. – Текст : непосредственный.
29. Богданов, В. В. Текст и текстовое общение : учебное пособие / В. В. Богданов. – Санкт-Петербург : СПбГУ, 1993. – 68 с. – Текст : непосредственный.
30. Богуславский, И. М. О соотношении семантических и синтаксических свойств некоторых ограничительных частиц в русском языке : специальность 10.02.01 «Русский язык» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Богуславский Игорь Михайлович ; Московский государственный университет. – Москва, 1979. – 237 с. – Текст : непосредственный.
31. Большой академический словарь русского языка / Российская академия наук, Институт лингвистических исследований / главный редактор К. С. Горбачевич. – Москва : Наука ; Санкт-Петербург : Наука, 2004. – Т. 1 : А - Бишь / ред. Л. И. Балахонова. – 2004. – 661 с. – Текст : непосредственный.
32. Большой толковый словарь русского языка / РАН, Институт лингвистических исследований / под ред. С. А. Кузнецова. – Санкт-Петербург : Норинт, 1998. – 1534 с. – Текст : непосредственный.
33. Бондаренко, В. Н. Отрицание как логико-грамматическая категория / В. Н. Бондаренко. – Москва : Наука, 1983. – 212 с. – Текст : непосредственный.
34. Бондарко, А. В. О стратификации семантики / А. В. Бондарко. – Текст непосредственный // Общее языкознание и теория грамматики : материалы чтений, посвященных 90-летию со дня рождения С. Д. Кацнельсона. – Санкт-Петербург : Наука, 1998. – С. 51-63.

35. Борисова, Е. Г. Отражение коммуникативной организации высказывания в лексическом значении / Е. Г. Борисова. – Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. – 1990. – № 2. – С. 113-120.
36. Борисова, Е. Г. Управление пониманием. Языковые единицы, регулирующие понимание сообщения / Е. Г. Борисова. – Текст : непосредственный // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. – 2018. – № 6. – С. 34-48.
37. Боротько, В. Г. Элементы теории дискурса : уч. пособие / В. Г. Борботько. – Грозный : ЧИГУ, 1981. – 113 с. – Текст : непосредственный.
38. Булатникова, А. Е. Семантика и функция частиц даже, же, то, таки в современном русском языке : специальность 10.02.01 «Русский язык» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Булатникова Алина Евгеньевна ; Московский областной педагогический институт им. Н. К. Крупской. – Москва, 1973. – 23 с. – Текст : непосредственный.
39. Васильева-Шведе, О. К. Испанский язык : теоретическая грамматика. Морфология и синтаксис частей речи / О. К. Васильева-Шведе, Г. В. Степанов. – Москва : Высшая школа, 1990. – 300 с. – Текст : непосредственный.
40. Виноградов, В. В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике / В. В. Виноградов. – Москва : Наука, 1975. – 559 с. – Текст : непосредственный.
41. Виноградов, В. В. Русский язык : (Грамматическое учение о слове) / В. В. Виноградов. – Москва : Высшая школа, 1986. – 639 с. – Текст : непосредственный.
42. Виноградов, В. С. Грамматика испанского языка. Практический курс / В. С. Виноградов. – Москва : КДУ, 2008. – 432 с. – Текст : непосредственный.
43. Волкова, Л. М. Семантика и прагматика частиц в современном английском языке (на материале частиц со значением темпоральности) : специальность 10.02.04 «Германские языки» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Волкова Лидия Михайловна ;

- Киевский государственный педагогический институт иностранных языков. – Киев, 1987. – 26 с. – Текст : непосредственный.
44. Всеволодова, М. В. Проблемы синтаксической парадигматики : Коммуникативная парадигма предложений / М. В. Всеволодова, О. Ю. Дементьева. – Москва : КРОН-ПРЕСС, 1997. – 176 с. – Текст : непосредственный.
45. Гак, В. Г. К типологии функциональных подходов к изучению языка / В. Г. Гак. – Текст : непосредственный // Проблемы функциональной грамматики. – Москва : Наука, 1985. – С. 5-15.
46. Гак, В. Г. Высказывание / В. Г. Гак. – Текст : непосредственный // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Главный редактор В. Н. Ярцева. – Москва : Советская энциклопедия, 1998. – С. 90.
47. Гак, В. Г. Теоретическая грамматика французского языка / В. Г. Гак. – Москва : Добросвет, 2004. – 864 с. – Текст : непосредственный.
48. Гак, В. Г. Сравнительная типология французского и русского языков / В. Г. Гак. – Москва : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 288 с. – Текст : непосредственный.
49. Галеева, Н. Д. Параметры художественного текста и перевод : монография / Н. Д. Галеева. – Тверь : ТвГУ, 1999. – 155 с. – Текст : непосредственный.
50. Гиндин, С. И. Риторика и проблемы структуры текста / С. И. Гиндин. – Текст : непосредственный // Общая риторика / Дюбуа Ж., Эделин Ф. и др. – Москва : Прогресс, 1986. – С. 355-367.
51. Годкина, И. Л. «Собственно частицы» в современном английском языке : специальность 10.02.04 «Германские языки» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Годкина Инесса Львовна ; Московский государственный педагогический институт им. В. И. Ленина. – Москва, 1965. – 15 с. – Текст : непосредственный.
52. Горелов, И. Н. Основы психолингвистики / И. Н. Горелов, К. Ф. Седов. – Москва : Либринт, 2001. – 304 с. – Текст : непосредственный.

53. Грамматика русского языка : Синтаксис / под ред. Н. Ю. Шведовой. – Москва : Наука, 1982. – Т. 2. – 709 с. – Текст : непосредственный.
54. Грамматика современного русского литературного языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. – Москва : Наука, 1970. – 767 с. – Текст : непосредственный.
55. Григорян, А. А. О сексизме, антисексизме и политкорректности / А. А. Григорян. – Текст : непосредственный // Личность. Культура. Общество. – 2003. – Спец. вып. 1-2. – С. 466-474.
56. Григорян, А. А. Американский предвыборный медиадискурс: стратегии и лингвориторические особенности (на материале теледебатов Х. Клинтон и Д. Трампа 2016 года) / А. А. Григорян, С. А. Маник. – Текст : непосредственный // Вестник Костромского государственного университета. – 2017. – № 1. – Т. 23. – С. 204-208.
57. Григорян, А. А. Отражение гендерных особенностей речевого поведения детей на разных уровнях языковой системы / А. А. Григорян, В. Н. Четверикова. – Текст : непосредственный // Верхневолжский филологический вестник: научный журнал. – 2021. – №3. – С. 146-150.
58. Давыдова, А. Р. Тема-рематическая организация текста газетных сообщений : специальность 10.02.04 «Германские языки» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Давыдова Анна Робертовна ; Волгоградский государственный университет. – Пятигорск, 2009. – 212 с. – Текст : непосредственный.
59. Девкин, В. Д. Немецкая разговорная речь : Синтаксис и лексика / В. Д. Девкин. – Москва : Международные отношения, 1979. – 257 с. – Текст : непосредственный.
60. Дегтярева, Л. М. О прагматическом потенциале усилительных частиц (на материале русского и немецкого языков) / Л. М. Дегтярева, Е. Ю. Оберемченко. – Текст : непосредственный // Балтийский гуманитарный журнал. – 2018. – Т. 7. – № 1 (22). – С. 57-60.

61. Дейк, Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / ван Дейк. – Москва : Прогресс, 1989. – 310 с. – Текст : непосредственный.
62. Демьянков, В. З. Англо-русские термины по прикладной лингвистике и автоматической переработке текста / В. З. Демьянков // Методы анализа текста. Серия : Тетради новых терминов. – Москва : Всесоюзный центр переводов ГКНТ и АН СССР, 1982. – Вып. 2. – 288 с. – Текст : непосредственный.
63. Денисов, К. М. Терминология когнитивной парадигмы англоязычного политического дискурса / К. М. Денисов. – Текст : непосредственный // Теория и практика иностранного языка в высшей школе. – Иваново : Ивановский государственный университет, 2012. – С. 9-16.
64. Добиаш, А. Опыт семасиологии частей речи и их форм на почве греческого языка / А. Добиаш. – Прага : тип. др. Э. Грегга, 1897. – 544 с. – Текст : непосредственный.
65. Доброва, Н. В. Частицы и их аналоги в коммуникативной структуре чувашского предложения : специальность 10.02.02 «Языки народов РФ (чувашский язык)» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Доброва Надежда Васильевна ; Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова. – Чебоксары, 2001. – 24 с. – Текст : непосредственный.
66. Дондуа, К. Д. Статьи по общему и кавказскому языкознанию / К. Д. Дондуа. – Москва : Наука, 1975. – 319 с. – Текст : непосредственный.
67. Жельвис, В. И. Смерть в немецких эвфемизмах / В. И. Жельвис. – Текст : непосредственный // Ярославский педагогический вестник. – 2012. – № 4. – Т. I (Гуманитарные науки). – С. 168-174.
68. Жигадло, В. Н. Современный английский язык : Теоретический курс грамматики / В. Н. Жигадло, И. П. Иванова, Л. Л. Иофик. – Москва : Изд-во лит-ры на иностр. языках, 1956. – 259 с. – Текст : непосредственный.

69. Заикин, А. Е. Коммуникативно-прагматические функции немецких модальных частиц : специальность 10.02.04 «Германские языки» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Заикин Анатолий Ефимович ; Московский государственный педагогический институт им. В. И. Ленина. – Москва, 1985. – 215 с. – Текст : непосредственный.
70. Звегинцев, В. А. Предложение и его отношение к языку и речи / В. А. Звегинцев. – Москва : Изд-во Московского ун-та, 1976. – 307 с. – Текст : непосредственный.
71. Зеликов, М. В. Синтаксис испанского языка : Особенности структуры предложений по характеру коммуникативной установки и цели высказывания / М. В. Зеликов. – Санкт-Петербург : КАРО, 2005 – 304 с. – Текст : непосредственный.
72. Золотова, Г. А. Роль ремы в организации и типологии текста / Г. А. Золотова. – Текст : непосредственный // Синтаксис текста. – Москва : Наука, 1979. – С. 113-133.
73. Золотова, Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса / Г. А. Золотова. – Москва : Наука, 1982. – 368 с. – Текст : непосредственный.
74. Золотова, Г. А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г. А. Золотова, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидорова / под общей редакцией доктора филол. наук Г. А. Золотовой. – Москва : МГУ им. М. В. Ломоносова, 2004. – 544 с. – Текст : непосредственный.
75. Золотова, Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка / Г. А. Золотова. – Москва : Едиториал УРСС, 2005. – 352 с. – Текст : непосредственный.
76. Иванов, Н. В. Актуальное членение предложения в текстовом дискурсе и в языке (по материалам сопоставительного изучения португальских и русских текстов) : монография / Н. В. Иванов. – Москва : ЗАО «Издательство», 2010. – 215 с. – Текст : непосредственный.

77. Иванова, Л. В. Конструкция прямое дополнение-подлежащее- сказуемое в современном французском языке. (К вопросу о соотношении коммуникативной и линейной структур предложения): специальность 10.02.05 «Романские языки»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Иванова Лидия Васильевна; Ленинградский педагогический институт им. А. И. Герцена. – Ленинград, 1976. – 26 с. – Текст : непосредственный.
78. Ившин, В. Д. Коммуникативный синтаксис современного английского языка (актуальное членение предложения): специальность 10.02.04 «Германские языки»: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Ившин, Василий Дмитриевич; Киевский государственный университет им. Т. Г. Шевченко. – Киев, 1990. – 47 с. – Текст : непосредственный.
79. Ильиш, Б. А. Строй современного английского языка / Б. А. Ильиш. – Ленинград : Просвещение, 1971. – 366 с. – Текст : непосредственный.
80. Калинина А. А. Сомнение в системе значений утверждения/отрицания / А. А. Калинина. – Текст : непосредственный // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2010. – № 3 (15). – С. 106-114.
81. Камянова, Т. Г. English Grammar. Грамматика английского языка : теория и практика. Часть 1. Теоретическая грамматика / Т. Г. Камянова. – Москва : Эксмо, 2017. – 768 с. – Текст : непосредственный.
82. Канонич, С. И. Справочник по грамматике испанского языка / С. И. Каконич. – Москва : Высшая школа, 1991. – 191 с. – Текст : непосредственный.
83. Карасик, В. И. Язык социального статуса / В. И. Карасик. – Москва : ИТДГК «Гнозис», 2002. – 333 с. – Текст : непосредственный.
84. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Москва : ИТДГК «Гнозис», 2004. – 390 с. – Текст : непосредственный.

85. Караулов Ю. Н. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса / Ю. Н. Караулов, В. В. Петров. – Текст : непосредственный // Язык. Познание. Коммуникация. – Москва : Прогресс, 1989. – С. 5-11.
86. Касевич, В. Б. Семантика. Синтаксис. Морфология / В. Б. Касевич. – Москва : Наука, 1988. – 311 с. – Текст : непосредственный.
87. Киселев, И. А. Частицы в современных восточнославянских языках / И. А. Киселев. – Минск : Изд-во БГУ, 1976. – 160 с. – Текст : непосредственный.
88. Кобрина, Н. А. Грамматика английского языка. Морфология. Синтаксис : учебное пособие / Н. А. Кобрина, Е. А. Корнеева, М. И. Оссовская, К. А. Гузеева. – Санкт-Петербург : Союз, 1999. – 496 с. – Текст : непосредственный.
89. Кобрина, Н. А. Теоретическая грамматика современного английского языка : учебное пособие / Н. А. Кобрина, Н. Н. Болдырев, А. А. Худяков. – Москва : Высшая школа, 2007. – 368 с. – Текст : непосредственный.
90. Кобрина, О. А. Модусные категории, их выражение и значимость в структуре предложения / О. А. Кобрина. – Текст : непосредственный // Язык и мысль : традиции и новые парадигмы в лингвистике и лингводидактике / отв. ред. О. С. Егорова, Л. А. Становая. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 2007. – С. 220-227.
91. Кобозева, И. М. Проблемы описания частиц в исследованиях 80-х годов / И. М. Кобозева. – Текст : непосредственный // Прагматика и семантика. – Москва : ИНИОН, 1991. – С. 147-176.
92. Ковтунова, И. И. Современный русский язык: Порядок слов и актуальное членение предложения / И. И. Ковтунова. – Москва : Едиториал УРСС, 2002. – 240 с. – Текст : непосредственный.
93. Колшанский, Г. В. Контекстная семантика / Г. В. Колшанский. – Москва : Издательство ЛКИ, 2007. – 152 с. – Текст : непосредственный.

94. Копцев, И. Д. Модальные частицы в диалогической речи в немецком языке (синтаксическое и экспериментально-фонетическое исследование) : специальность 10.02.04 «Германские языки» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Копцев Иван Демьянович ; Ленинградский государственный университет им. А. А. Жданова. – Ленинград, 1976. – 14 с. – Текст : непосредственный.
95. Копыленко, И. М. О коммуникативных функциях частиц : специальность 10.02.01 «Русский язык» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Копыленко Ирина Моисеевна ; Казахский государственный университет им. С. М. Кирова. – Алма-Ата, 1981. – 23 с. – Текст : непосредственный.
96. Кох, В. А. Предварительный набросок дискурсивного анализа семантического типа / В. А. Кох. – Текст : непосредственный // Новое в зарубежной лингвистике. – Москва : Прогресс, 1978. – Вып. 8. – С. 149-171.
97. Кошарная, С. А. В зеркале лексикона : введение в лингвокультурологию / С. А. Кошарная. – Белгород : Изд-во Белгор. ун-та, 2009. – 141 с. – Текст : непосредственный.
98. Красных, В. В. Основы психолингвистики и теории коммуникации : курс лекций / В. В. Красных. – Москва : ИТДГК «Гнозис», 2001. – 270 с. – Текст : непосредственный.
99. Кривоносов, А. Т. Модальные частицы как средство логико-грамматического членения предложения в немецком языке / А. Т. Кривоносов. – Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. – 1982. – № 3. – С. 48-61.
100. Кривоносов, Б. А. Выделительные частицы в английском языке (слова типа already, even, only, too): специальность 10.02.04 «Германские языки» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Кривоносов Борис Алексеевич ; Ленинградское отделение института языкознания. – Ленинград, 1984. – 266 с. – Текст : непосредственный.

101. Крушельницкая, К. Г. К вопросу о смысловом членении предложения / К. Г. Крушельницкая. – Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. – 1956. – № 5. – С. 55-67.
102. Крылова, Э. Б. Статус модальных частиц датского языка и порядок их следования в предложении / Э. Б. Крылова. – Текст : непосредственный // Скандинавская филология (Scandinavica). Языкознание и литературоведение. – 2009. – № 10. – С. 112-121.
103. Кулиева, Р. И. Частицы в современном азербайджанском языке : специальность 10.02.02 «Языки народов РФ (азербайджанский язык) : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Кулиева Рахила Ильдырым кызы ; Институт языкознания имени Насими. – Баку, 1980. – 22 с. – Текст : непосредственный.
104. Купцов, А. Е. К вопросу о модальности и средствах её выражения в современном испанском языке / А. Е. Купцов. – Текст : непосредственный // Язык и мысль : традиции и новые парадигмы в лингвистике и лингводидактике / отв. ред. О. С. Егорова, Л. А. Становая. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 2007. – С. 237-240.
105. Купцов, А. Е. К вопросу о модальности и актуальном членении предложения / А. Е. Купцов. – Текст : непосредственный // Язык. Культура. Образование / науч. ред. О. С. Егорова. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 2008. – Вып. IV. – С. 25-28.
106. Купцов, А. Е. К вопросу о классификации частиц в русском языке / А. Е. Купцов. – Текст : непосредственный // Язык. Культура. Образование / науч. ред. О. С. Егорова. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 2009. – Вып. V. – С. 7-10.
107. Купцов, А. Е. Коммуникативная функция частиц в свете теории актуального членения предложения / А. Е. Купцов. – Текст : непосредственный // Филология и культура / отв. ред. Н. Н. Болдырев. – Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2009. – С. 492-494.

108. Купцов, А. Е. О роли частиц в коммуникативной организации высказывания (на примере испанской частицы *sólo*) / А. Е. Купцов. – Текст : непосредственный // Международный конгресс по когнитивной лингвистике / отв. ред. Н. Н. Болдырев. – Тамбов : Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2010. – С. 410-412.
109. Купцов, А. Е. Средства выражения тема-рематического членения предложения (на материале русского и испанского языков) / А. Е. Купцов. – Текст : непосредственный // Язык. Культура. Образование / под. науч. ред. О. С. Егорова. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 2010. – Вып. VI. – С. 38-43.
110. Купцов, А. Е. Отрицательные частицы как средство выделения ремы в высказывании (на материале испанского языка) / А. Е. Купцов. – Текст : непосредственный // Когнитивные исследования языка. – 2011. – С. 539-542.
111. Купцов, А. Е. Роль частиц в логико-коммуникативной организации предложения (на материале испанского языка) / А. Е. Купцов. – Текст : непосредственный // Ярославский педагогический вестник. Гуманитарные науки. – 2011. – № 3. – Том I. – С. 194-197.
112. Купцов, А. Е. Классификации частиц в современном испанском языке / А. Е. Купцов. – Текст : непосредственный // Язык. Культура. Образование / науч. ред. О. С. Егорова. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 2012. – Вып. VIII. – С. 40-48.
113. Купцов, А. Е. Лексические средства выделения темы в предложении (на материале испанского языка) / А. Е. Купцов. – Текст : непосредственный // Когнитивные исследования языка. – 2012. – С. 383-385.
114. Купцов, А. Е. Усилительно-выделительные частицы как средство передачи актуальной информации в высказывании (на материале русского и испанского языков) / А. Е. Купцов. – Текст : непосредственный // Язык. Культура. Образование / науч. ред. О. С. Егорова. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 2013. – Вып. IX. – С. 36-43.

115. Купцов, А. Е. Особенности коммуникативно-синтаксической организации предложения с частицами (на материале испанского и русского языков) / А. Е. Купцов. – Текст : непосредственный // Функционально-когнитивный анализ языковых единиц и его аппликативный потенциал : материалы региональной научно-практической конференции. – Барнаул : Изд-во АлтГПА, 2014. – С. 176-179.
116. Купцов, А. Е. Основные общеинформативные типы предложения с частицами (на материале испанского языка) / А. Е. Купцов. – Текст : непосредственный // Когнитивные исследования языка. – 2016. – С. 139-142.
117. Купцов, А. Е. Частицы как средство выделения темы в предложении (на материале русского и испанского языка) / А. Е. Купцов. – Текст : непосредственный // Наука сегодня: факты, тенденции, прогнозы. – Вологда : ООО «Маркер», 2016. – Ч. 1. – С. 147-148.
118. Купцов, А. Е. Классификация частноверификативных типов предложения, включающих частицы (на материале испанского и русского языков) / А. Е. Купцов. – Текст : непосредственный // Язык. Культура. Образование / под науч. ред. О. С. Егорова. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2017. – С. 46-53.
119. Купцов, А. Е. Отделительные частицы как коммуникативно однозначные показатели тема-рематической структуры предложения в русском и испанском языках / А. Е. Купцов. – Текст : непосредственный // Язык. Культура. Образование / под науч. ред. О. С. Егоровой. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2017. – С. 78-83.
120. Купцов, А. Е. Усилительные частицы как средство маркирования темы в испанском и русском предложении / А. Е. Купцов. – Текст : непосредственный // Вестник Костромского государственного университета. – 2017а. – № 3. – С. 195-197.
121. Купцов, А. Е. Эмфатические конструкции и частицы как средство актуализации ремы в испанском языке / А. Е. Купцов. – Текст : непосредственный // Когнитивные исследования языка. – 2017б. – С. 438-441.

122. Купцов, А. Е. Коммуникативная функция артикля и частиц в современном испанском языке / А. Е. Купцов. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы лингвистики, педагогики и методики преподавания иностранных языков. – Калининград : Изд-во ФГБОУ ВО «КГТУ», 2018. – С. 57-62.
123. Купцов, А. Е. Языковые средства реализации коммуникативной структуры предложения в английском и испанском языке / А. Е. Купцов. – Текст : непосредственный // «Инновационные технологии и подходы в межкультурной коммуникации, лингвистике и лингводидактике». – Барнаул : РИО АлтГПУ, 2018 – С. 77-79.
124. Купцов, А. Е. Коммуникативные частицы как средства репрезентации актуальной информации в художественном дискурсе (на материале английского, испанского и русского языков) / А. Е. Купцов, В. Н. Бабаян. – Текст непосредственный // Верхневолжский филологический вестник: научный журнал. – 2021а. – №3. – С. 125-131.
125. Купцов, А. Е. Средства выражения модальных отношений в современном испанском языке / А. Е. Купцов. – Текст : непосредственный // Лингводидактика и лингвистика в вузе: традиционные и инновационные подходы. – Ярославль : Изд-во ЯГТУ, 2021б. – С. 380-382.
126. Лапынина, Н. Н. Лексико-семантическое наполнение предложений, включающих функтив Что касается..., То... / Н. Н. Лапынина. – Текст : непосредственный // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2015. – № 5 (19). – С. 13-21.
127. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – Москва : Советская энциклопедия, 1990. – 685 с. – Текст : непосредственный.
128. Ломтев, Т. П. Общее и русское языкознание / Т. П. Ломтев. – Москва : Наука, 1976. – 384 с. – Текст : непосредственный.
129. Лотман, Ю. М. О природе искусства // Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа / Ю. М. Лотман. – Москва : ИТДГК «Гнозис», 1994. – 547 с. – Текст : непосредственный.

130. Лукин, О. В. Части речи в античной науке (логика, риторика, грамматика) / О. В. Лукин. – Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. – 1999. – № 1. – С. 131-141.
131. Лукин, О. В. Дискуссии о частях речи и «Вопросы языкознания» в 1950-е годы / О. В. Лукин. – Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. – 2002. – № 1. – С. 35-47.
132. Макаров, М. Л. Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. – Москва : ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с. – Текст : непосредственный.
133. Маковеева, С. В. Частицы в современном английском языке (генезис и функциональный аспект): специальность 10.02.04 «Германские языки»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Маковеева Светлана Евгеньевна; Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена. – Санкт-Петербург, 2001. – 18 с. – Текст : непосредственный.
134. Манаенко, С. А. Параметры дискурсивного употребления лексических единиц / С. А. Манаенко. – Текст : непосредственный // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2009. – № 3. – С. 12-17.
135. Манерко, Л. А. Структуры знаний, представленные в художественном и академическом дискурсах / Л. А. Манерко. – Текст : непосредственный // Вестник Московского университета. Серия 22: Теория перевода. – 2013. – № 1. – С. 100-118.
136. Маслова, В. А. Когнитивный и коммуникативный аспекты художественного текста. / В. А. Маслова. – Витебск : Витебский государственный университет им. П. М. Машерова, 2014. – 104 с. – Текст : непосредственный.
137. Маслова, В. А. Лингвокультурология : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В. А. Маслова. – Москва : Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с. – Текст : непосредственный.

138. Матезиус, В. О так называемом актуальном членении предложения / В. Матезиус. – Текст : непосредственный // Пражский лингвистический кружок. – Москва : Прогресс, 1967. – С. 239-245.
139. Матько, И. Д. Коммуникативно-прагматические функции французских субъективно-модальных частиц : специальность 10.02.05 «Романские языки» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Матько Ирина Дмитриевна ; Минский государственный лингвистический университет. – Минск, 2002. – 16 с. – Текст : непосредственный.
140. Маццола, Е. Семантика русских модальных частиц и способы её отражения средствами итальянского языка: специальность 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Елена Маццола ; Институт языкознания РАН. – Москва, 2004. – 24 с. – Текст : непосредственный.
141. Мелишкевич, С. В. Семантика французских частиц / С. В. Мелишкевич. – Текст : непосредственный // Вестник Киевского университетата. Романско-германская филология. – 1989. – № 23. – 40-42 с.
142. Мельчук, И. А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл \Leftrightarrow текст» : Семантика, синтаксис / И. А. Мельчук. – Москва : Языки русской культуры, 1999. – 346 с. – Текст : непосредственный.
143. Мещанинов, И. И. Члены предложения и части речи / И. И. Мещанинов. – Ленинград : Наука, 1978. – 388 с. – Текст : непосредственный.
144. Минина, Н. С. «Сгущение» частиц НЕ, НИ Как способ их поэтической актуализации / Н. С. Минина. – Текст : непосредственный // Русская филология : Вестник Харьковского национального педагогического университета имени Г. С. Сковороды. – 2015. – № 1 (54). – С. 34-37.
145. Михелевич, Е. Е. Логико-смысловые частицы в современном немецком языке (к вопросу о грамматической системе морфологически неизменяемых слов) : специальность 10.02.04 «Германские языки» : автореферат диссертации на

- соискание ученой степени кандидата филологических наук / Михелевич Елена Ефимовна ; Московский педагогический институт им. Н. К. Крупской. – Москва, 1960. – 19 с. – Текст : непосредственный.
146. Мороховский, А. Н. К проблеме текста и его категорий / А. Н. Мороховский // Текст и его категориальные признаки : сборник научных трудов. – Киев : КГПИИЯ, 1989. – С. 3-8.
147. Нагорный, И. А. Информативно-знаковая функция модальных частиц / И. А. Нагорный. – Текст : непосредственный // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2013. – № 13 (156). – С. 66-71.
148. Никитин, М. В. Курс лингвистической семантики : учебное пособие / М. В. Никитин. – Санкт-Петербург : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2007. – 819 с. – Текст : непосредственный.
149. Николаева, Т. М. Лингвистика текста. Современное состояние и перспективы / Т. М. Николаева. – Текст : непосредственный // Новое в зарубежной лингвистике. – Москва : Прогресс, 1978. – Вып. 8. – С. 5-39.
150. Николаева, Т. М. От звука к тексту / Т. М. Николаева. – Москва : Языки русской культуры, 2000. – 680 с. – Текст : непосредственный.
151. Николаева, Т. М. Функции частиц в высказывании (на материале славянских языков) / Т. М. Николаева. – Москва : Едиториал УРСС, 2005. – 168 с. – Текст : непосредственный.
152. Николаева, Т. М. Семантика акцентного выделения / Т. М. Николаева. – Москва : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 104 с. – Текст : непосредственный.
153. Оберемченко, Е. Ю. Прагмалингвистический аспект речевого поведения дипломатов (на материале русского и немецкого языков) : специальность 10.02.19 «Теория языка» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Оберемченко Елена Юрьевна ; Южный федеральный университет. – Ростов-на-Дону, 2011. – 23 с. – Текст : непосредственный.

154. Овчинникова Т. Е. Пространственная метафора в семантике модальных частиц дейктического происхождения : специальность 10.02.19 «Теория языка» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Овчинникова Татьяна Евгеньевна ; Московский государственный лингвистический университет. – Москва, 2009. – 24 с. – Текст : непосредственный.
155. Олтиев, Т. Ж. Коммуникативная функция субъективно-модальных частиц в современном испанском языке : специальность 10.02.05 «Романские языки» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Олтиев Темир Жонимбоевич ; Московский ордена дружбы народов государственный лингвистический университет. – Москва, 1992. – 24 с. – Текст : непосредственный.
156. Онищенко, Я. А. Семантико-синтаксичні функції часток в іспанській мові : спеціальність 10.02.05 «Романські мови» : автореферат дисертації на здобуття наукового ступеня кандидата філологічних наук / Онищенко Яна Анатоліївна ; Київський університет імені Тараса Шевченка. – Київ, 1995. – 29 с. – Текст : непосредственный.
157. Орлов, Г. А. Современная английская речь / Г. А. Орлов. – Москва : Высшая школа, 1991. – 240 с. – Текст : непосредственный.
158. Ошанова, Е. С. Роль модальных частиц в формировании когнитивно-прагматических аспектов высказывания / Е. С. Ошанова. – Текст : непосредственный // Вестник Чувашского университета. – 2012. – № 2. – С. 312-317.
159. Павличкова, А. Части речи в испанском языке во взаимодействии морфологических и синтаксических характеристик : специальность 10.02.05 «Романские языки» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Павличкова Анита ; Минский государственный лингвистический университет. – Минск, 1993. – 45 с. – Текст : непосредственный.

160. Падучева, Е. В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива) / Е. В. Падучева. – Москва : Школа «Языки русской культуры», 1996. – 464 с. – Текст : непосредственный.
161. Панфилов, В. З. Грамматика и логика : Грамматическое и логико-грамматическое членение простого предложения / В. З. Панфилов. – Москва : Изд-во АН СССР, 1963. – 79 с. – Текст : непосредственный.
162. Панфилов, В. З. Взаимоотношение языка и мышления / В. З. Панфилов. – Москва : Наука, 1971. – 232 с. – Текст : непосредственный.
163. Парамонова, М. Г. Роль артикля и его эмоционально-выделительная функция в дискурсе рекламы (на материале английского и немецкого языков) / М. Г. Парамонова. – Текст : непосредственный // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2 : Филология и искусствоведение. – 2016. – № 1 (172). – С. 73-77.
164. Пешковский, А. М. Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. – Москва : УРСС, 2001. – 432 с. – Текст : непосредственный.
165. Плунгян, В. А. Общая морфология : Введение в проблематику / В. А. Плунгян. – Москва : Едиториал УРСС, 2003. – 384 с. – Текст : непосредственный.
166. Потеня, А. А. Из записок по русской грамматике / А. А. Потеня. – Т. 1-2. – Москва : Просвещение, 1968. – 551 с. – Текст : непосредственный.
167. Рамазанова, Д. А. Экспрессивность в художественном тексте и способы ее выражения / Д. А. Рамазанова, Х. М. Хасбулатова, З. Г. Курбанова. – Текст : непосредственный // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. – 2017. – Т. 11. – № 3. – С. 86-91.
168. Распопов, И. П. Строение простого предложения в современном русском языке / И. П. Распопов. – Москва : Просвещение, 1970. – 191 с. – Текст : непосредственный.

169. Распопов, И. П. Актуальное членение предложения (на материале простого повествования преимущественно в монологической речи) / И. П. Распопов. – Москва : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 168 с. – Текст : непосредственный.
170. Реброва, Н. Е. Эвфемизмы как средство репрезентации лингвокультурологической информации (на материале английского и немецкого языков) / Н. Е. Реброва, В. Н. Бабаян. – Текст : непосредственный // Верхневолжский филологический вестник. – 2019. – № 3 (18). – С. 171-177.
171. Реброва, Н. Е. Лексикографический статус эвфемизмов как языковых средств репрезентации лингвокультурной информации (на материале английского и немецкого языков) : специальность 10.02.19 «Теория языка» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Реброва Наталия Евгеньевна ; Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. – Ярославль, 2020. – 209 с. – Текст : непосредственный.
172. Реферовская, Е. А. Лингвистические исследования структуры текста / Е. А. Реферовская. – Ленинград : Наука, 1983. – 216 с. – Текст : непосредственный.
173. Реферовская, Е. А. Коммуникативная структура текста в лексико-грамматическом аспекте / Е. А. Реферовская. – Москва : УРСС, 2007. – 165 с. – Текст : непосредственный.
174. Розенталь Д. Э. Современный русский язык / Д. Э. Розенталь, И. Б. Голуб, М. А. Теленкова. – Москва : Айрис-пресс, 2010. – 448 с. – Текст : непосредственный.
175. Руднев, В. П. Теоретико-лингвистический анализ художественного дискурса : специальности 10.02.19 «Общее языкознание, социолингвистика, психоллингвистика» : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Руднев Вадим Петрович ; Институт языкознания. – Москва, 1996. – 210 с. – Текст : непосредственный.

176. Русская грамматика. Т. 1 : Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / гл. ред. Н. Ю. Шведова. – Москва : Наука, 1980. – 784 с. – Текст : непосредственный.
177. Русская грамматика. Т. 2: Синтаксис / гл. ред. Н. Ю. Шведова. – Москва : Наука, 1980. – 709 с. – Текст : непосредственный.
178. Рылов, Ю. А. Частицы и контекст / Ю. А. Рылов. – Текст : непосредственный // Функционирование языковых единиц в контексте. – Воронеж : Изд-во воронежского университета, 1978. – С. 10-16.
179. Рылов, Ю. А. Очерки сопоставительного изучения испанского и русского языков / Ю. А. Рылов, Г. А. Бессарабова. – Воронеж : ИПЦ Воронежского педагогического университета, 1997. – 188 с. – Текст : непосредственный.
180. Рылов, Ю. А. Простое осложненное предложение в испанском языке / Ю. А. Рылов. – Москва : Высшая школа, 2007. – 221 с. – Текст : непосредственный.
181. Рябова, Г. Н. Роль частиц в коммуникативно-синтаксической организации предложения в поэтическом тексте (на материале русского и испанского языков) / Г. Н. Рябова. – Текст : непосредственный // Ярославский педагогический вестник. – 2011. – № 1. – С. 126-130.
182. Самарская, Т. Б. Художественный дискурс : специфика составляющих и особенности организации художественного текста / Т. Б. Самарская, Е. Г. Мартиросьян. – Текст : непосредственный // Сфера услуг : инновации и качество. – 2012. – № 10. – С. 20.
183. Селиверстова, О. Н. К вопросу о задачах и методах синтаксической семантики / О. Н. Селиверстова. – Текст : непосредственный // Вопросы романо-германской филологии. Синтаксическая семантика. – Москва : МГПИИЯ им. М. Тореза, 1977. – Вып. 112. – С. 23-30.
184. Селиверстова, О. Н. Коммуникативная перспектива высказывания / О. Н. Селиверстова, Л. А. Прозорова. – Текст : непосредственный // Теория функциональной грамматики. Субъектность. Объектность. Коммуникативная

- перспектива высказывания. Определенность / неопределенность. – Санкт-Петербург : Наука, 1992. – С. 189-231.
185. Сиротина, О. Б. Лекции по синтаксису русского языка : учебное пособие для филол. специальностей университетов / О. Б. Сиротина. – Москва : Высшая школа, 1980. – 141 с. – Текст : непосредственный.
186. Скиба, Ю. Г. Семантика и функции частицы как служебного слова : курс лекций / Ю. Г. Скиба. – Черновцы : Министерство высшего и среднего специального образования УССР, 1969. – 56 с.
187. Слюсарева, Н. А. Проблемы функционального синтаксиса современного английского языка / Н. А. Слюсарева. – Москва : Наука, 1981. – 206 с. – Текст : непосредственный.
188. Слюсарева, Н. А. Категориальная основа тема-рематической организации высказывания / Н. А. Слюсарева. – Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. – 1986. – № 4. – С. 3-15.
189. Соколова, Л. А. Грамматические трудности перевода с английского языка на русский / Л. А. Соколова, Е. П. Трофимова, Н. А. Калевич. – Москва : Высшая школа, 2008. – 204 с. – Текст : непосредственный.
190. Сорокопуд, Л. Н. Семантико-синтаксические и функционально-прагматические особенности выделительных конструкций ES QUE и SER X ... EL (LA)QUE(QUIEN) в испанском языке : специальность 10.02.05 «Романские языки» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Сорокопуд Лариса Николаевна ; Иркутский государственный лингвистический университет. – Иркутск, 1998. – 21 с. – Текст : непосредственный.
191. Стародумова, Е. А. Акцентирующие частицы в современном русском литературном языке : специальность 10.02.01 «Русский язык» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Стародумова Елена Алексеевна ; Ленинградский государственный

- университет им. А. А. Жданова. – Ленинград, 1974. – 24 с. – Текст :
непосредственный.
192. Стародумова, Е. А. Акцентирующие частицы в русском языке /
Е. А. Стародумова. – Владивосток : Изд-во ДВГУ, 1988. – 96 с. – Текст :
непосредственный.
193. Стародумова, Е. А. Русские частицы (письменная монологическая речь) :
специальность 10.02.01 «Русский язык» : автореферат диссертации на
соискание ученой степени доктора филологических наук / Стародумова
Елена Алексеевна ; Дальневосточный государственный университет. –
Москва, 1997. – 39 с. – Текст : непосредственный.
194. Степанов, В. Н. Прагматика спонтанной телевизионной речи /
В. Н. Степанов. – Ярославль : РИЦ МУБиНТ, 2008. – 248 с. – Текст :
непосредственный.
195. Степанов, В. Н. Провоцирование в социальной и массовой коммуникации /
В. Н. Степанов. – Санкт-Петербург : Роза мира, 2008. – 309 с. – Текст :
непосредственный.
196. Степанов, В. Н. От субъектной перспективы к субъектной навигации текста /
В. Н. Степанов, Ю. Н. Варфоломеева. – Текст : непосредственный // *Верхневолжский филологический вестник: научный журнал*. – 2021. – № 2. –
С. 64-70.
197. Степанов, Г. В. Язык. Литература. Поэтика / Г. В. Степанов. – Москва :
Наука, 1988. – 380 с. – Текст : непосредственный.
198. Степанов, Ю. С. Альтернативный мир, дискурс, факт и принцип
причинности / Ю. С. Степанов. – Текст : непосредственный // *Язык и наука
конца 20 века* / науч. ред. Ю. С. Степанов. – Москва : Институт Языкознания
РАН, 1995. – С. 35-73.
199. Сусов, И. П. Введение в языкознание : учебник для студентов
лингвистических и филологических специальностей / И. П. Сусов. – Москва :
АСТ : Восток-Запад, 2007. – 382 с. – Текст : непосредственный.

200. Сущинский, И. И. Коммуникативно-прагматическая категория акцентирования и ее роль в вербальной коммуникации (на материале немецкого языка) / И. И. Сущинский. – Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. – 1987. – № 6. – С. 110-120.
201. Тимошенко, И. В. Функционирование артиклей в английском и французском языках в художественном дискурсе через призму русского языка (на материале переводов романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание») / И. В. Тимошенко. – Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2021. – Том 14. – Выпуск 7. – С. 2221-2226.
202. Торопова, Н. А. К исследованию логических частиц / Н. А. Торопова. – Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. – 1978. – № 5. – С. 82-89.
203. Тухватулина, С. И. Влияние актуального членения предложения на его синтаксическую структуру : специальность 10.02.01 «Русский язык» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Тухватулина Светлана Иосифовна ; Московский городской педагогический университет. – Москва, 2016. – 26 с. – Текст : непосредственный.
204. Фещенко, В. В. Художественный дискурс: к определению термина в перспективе лингвоэстетики / В. В. Фещенко. – Текст : непосредственный // Новый филологический вестник. – 2021. – № 1. – С. 16-35.
205. Филиппова, Т. Н. Формально-семантический и прагматический аспекты функционирования рестриктивных высказываний : специальность 10.02.19 «Теория языка» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Филиппова Татьяна Николаевна ; Воронежский государственный университет. – Воронеж, 1996. – 19 с. – Текст : непосредственный.
206. Фирбас, Я. Функция вопроса в процессе коммуникации / Я. Фирбас. – Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. – 1972. – № 2. – С. 55-65.

207. Фортунатов, Ф. Ф. Избранные труды / Ф. Ф. Фортунатов. – Москва : Учпедгиз, 1965. – 450 с. – Текст : непосредственный.
208. Фуко, М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности / М. Фуко. – Москва : Издательский дом «Касталь», 1996. – 447 с. – Текст : непосредственный.
209. Хроленко, А. Т. Основы лингвокультурологии : учебное пособие / А. Т. Хроленко. – Москва : Флинта: Наука, 2009. – 184 с. – Текст : непосредственный.
210. Хуиян, Г. Особенности дискурса художественного произведения / Г. Хуиян. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2017. – № 20 (154). – С. 483-486.
211. Хэллидэй, М. Место «функциональной перспективы предложения» (ФПП) в системе лингвистического описания / М. Хэллидэй. – Текст : непосредственный // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. – Москва : Прогресс, 1978. – С. 138-148.
212. Чейф, У. Л. Значение и структура языка / У. Л. Чейф. – Москва : Прогресс, 1975. – 432 с. – Текст : непосредственный.
213. Шахматов, А. А. Синтаксис русского языка / А. А. Шахматов. – Москва ; Ленинград : Учпедгиз, 1941. – 399 с. – Текст : непосредственный.
214. Шведова, Н. Ю. Об основных синтаксических единицах и аспектах их изучения / Н. Ю. Шведова. – Текст : непосредственный // Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. – Ленинград : Наука, 1975. – С. 123-129.
215. Шведова, Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи / Н. Ю. Шведова. – Москва : Азбуковник, 2003. – 378 с. – Текст : непосредственный.
216. Шевякова, В. Е. Актуальное членение вопросительного предложения / В. Е. Шевякова. – Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. – 1974. – № 5. – С. 107-116.

217. Шевякова, В. Е. Современный английский язык. Порядок слов, актуальное членение, интонация / В. Е. Шевякова. – Москва : Наука, 1980. – 382 с. – Текст : непосредственный.
218. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. – Москва : ИТДГК «Гнозис», 2004. – 326 с. – Текст : непосредственный.
219. Щерба, Л. В. Языковая система и речевая деятельность / Л. В. Щерба. – Ленинград : Наука, 1974. – 428 с. – Текст : непосредственный.
220. Щур, М. Г. Коммуникативная организация высказываний с частицей «только» / М. Г. Щур. – Текст : непосредственный // НДВШ. Филологические науки. 1988. – № 1. – С. 72-76.
221. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – Москва : Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с. – Текст : непосредственный.
222. Янко, Т. Е. О понятиях коммуникативной структуры и коммуникативной стратегии (на материале русского языка) / Т. Е. Янко. – Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. – 1999. – № 4. – С. 28-55.
223. Янко, Т. Е. Коммуникативные стратегии русской речи / Т. Е. Янко. – Москва : Языки славянской культуры, 2001. – 382 с. – Текст : непосредственный.
224. Ярцева, В. Н. Пределы развертывания синтаксических структур в связи с объемом информации / В. Н. Ярцева. – Текст : непосредственный // Инвариантные синтаксические значения и структура предложения. – Москва : Наука, 1969. – С. 163-178.
225. Alarcos Llorac, E. Gramática de la lengua castellana / E. Alarcos Llorac. – Madrid : Espasa-Calpe, 1995. – 406 p.
226. Alcina Franch, J. Gramática Española / J. Alcina Franch, J. M. Blecua. – Barcelona : Editorial Ariel, 2001. – 1280 p.
227. Alonso C. H. Nueva sintaxis de la lengua española / C. H. Alonso. – Salamanca : Ediciones Colegio de España, 1995. – 246 p.

228. Bello, A., Cuervo, R. J. Gramática de la lengua castellana / A. Bello, R. J. Cuervo. – La Habana: Editorial de ciencias sociales, 1979. – 552 p.
229. Bolinger, D. The Phrasal Verb in English. / D. Bolinger. – Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1971, P. 99–104.
230. Bosque, I. Fundamentos de Gramática Formal (1ª edición) / I. Bosque, J. Gutiérrez-Rexach. – Madrid : Akal. – 2009. – 799 p.
231. Bosque, I., Gutiérrez-Rexach, J. Fundamentos de Gramática Formal (1ª edición). – Madrid: Akal. – 2009. – 799 p.
232. Bosque, I. Gramática descriptiva de la lengua española / I. Bosque, V. Demonte. – Madrid : Espasa-Galpe, 1999. – T. 2. – 1983 p.
233. Crystal, D. The Cambridge Encyclopedia of the English Language / D. Crystal. – Cambridge : Cambridge Press, 2019. – 506 p.
234. Daneš, F. Functional Sentence Perspective and the Organization of the Text / F. Daneš. – Prague : Academia. The Hague : Mouton , 1974. – P. 106-128.
235. Dijk, T. A. van. Some Aspects of Text Grammars. A Study in theoretical Linguistics and Poetics / T. A. van Dijk. – The Hague-Paris, 1972. – 375 p.
236. Firbas, J. Some aspects of the Czechoslovak approach to problems of functional sentence perspective / J. Firbas // Papers on Functional Sentence Perspective / Ed. by F. Danes. – Prague : Academia Praha, 1974. – P. 11-37.
237. Fraser, B. The Verb-Particle Combination in English / B. Fraser. – New York: Academic Press, 1976.
238. Gili Gaya, S. Curso superior de sintaxis española / S. Gili Gaya. – Barcelona : Biblograf, 1980. – 333 p.
239. Gutiérrez-Rexach, J. Enciclopedia de Lingüística Hispánica. Volumen I / J. Gutiérrez Rexach. – Editorial : Routledge, 2016. – 898 p.
240. Gutiérrez Ordóñez, S. Temas, remas, focos, tópicos y comentarios / Gutiérrez Ordóñez, S. – Madrid : Arco Libros, 2000. – 96 p.
241. Harris, Z. Analyse du discours. “Languages” / Z. Harris, 1969. – 13 p.

242. Hatcher, A. G. Syntax and Sentence / A. G. Hatcher // Word. – 1956. – Vol. 12. – № 2. – P. 234-250.
243. Klepanski, G. A. Towards the main highlights in the history of modern lexicography / G. A. Klepanski, A. Włodarczyk-Stachurska // Zeszyty naukowe uniwersytetu rzeszowskiego. Seria filologiczna. – № 51. – 2008. – P.
244. Koktova E. Sentence adverbials in a functional description. (Pragmatics & beyond, VII: 2). Amsterdam/Philadelphia: John Benjamin's Publishing Company, 1986. – 99 p.
245. Lambrecht, K. Information structure and sentence form : Topic, focus, and the mental representations of discourse referents / K. Lambrecht. – Cambridge : Cambridge University Press, 1996. – 404 p.
246. Lenz, R. La oración y sus partes / R. Lenz. – Madrid : Centro de estudios técnicos, 1973. – 545 p.
247. Levelt, W. J. M. Speaking: From intention to articulation / W. J. M. Levelt. – Cambridge, MA : MIT Press, 1993. – 566 p.
248. López García, A. Gramática del español: La oración simple / A. López García. – Madrid : Arco Libros, 1996. – 615 p.
249. Mas, L. “Caracterización prosódica del foco de tema y rema en las noticias”, *Círculo de Lingüística Aplicada a la Comunicación*, 2014. P. 35-60.
250. Nueva Gramática de la Lengua Española. RAE y la Asociación de Academias de la Lengua Española. – Санкт-Петербург : Лапа, 1997. – 455 p.
251. Reinhart, T. Topics and the conceptual interface // Context dependence in the analysis of linguistic meaning / T. Reinhart. – Amsterdam: Elsevier, 2004. – P. 275–305.
252. Reyes, G. Orden de palabras y valor informativo en español / G. Reyes // *Philológica Hispaniensa in Honorem M. Alvar*, Madrid, 1985. – P. 567-588.
253. Quirk, R. A university grammar of English / R. Quirk, S. Greenbaum, G. Leech, J. Svartvik. – English Language Book Society and Longman Group, 1982. – 484 p.

254. Rooth, M. E. Association with focus, Doctoral dissertation / M. E. Rooth. – Amherst, MA : University of Massachusetts, 1985. – 227 p.
255. Rylov, Y. A. Sintaxis de relaciones del español actual / Y. A. Rylov. – Leon : La Universidad de Leon, 1989. – 157 p.
256. Seco, R. Manual de Gramática Española / R. Seco. – Madrid, 1980. – 343 p.
257. Schiffrin, D. Approaches to Discourse / D. Schiffrin. – Oxford, 1994. – 470 p.
258. Wierzbicka A. Particles and linguistic relativity // International Review of Slavic Linguistics, 1976. Vol.1. # 2/3. P. 327-367.
259. Zgusta, L. Manual of Lexicography. – De Gruyter Mouton, 2010. – 360 p.

Интернет-источники

260. Падучева, Е. В. Коммуникативное выделение на уровне синтаксиса и семантики / Падучева, Е. В. – Текст : электронный – URL: https://processing.ruscorpora.ru/search.xml?docid=bWFpbi9zb3VyY2UvcG9zdDE5NTAvbmF1a2EvcGhpbG9sL3NlbWlvMzYvcGFkLnhtbA%3D%3D&dpp=5&format=html&g=i_doc&kwsz=5&lang=ru&mode=main&nodia=1&out=normal&req=%D1%80%D0%B5%D0%BC%D0%B0%D1%82%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9&sampling=1&sort=i_grtagging&spd=10&spp=50&sr=1&text=lexform (дата обращения: 15.10.2021).
261. Сёрл, Дж. Р. Логический статус художественного дискурса / Дж. Р. Сёрл. – Текст : электронный // РГГУ, литературно-философский журнал «Логос». – 1993. – № 3(13). – URL: http://www.ruthenia.ru/logos/number/1999_03/1999304.htm (Дата обращения: 11 июля 2021 г.).
262. Locuciones adverbiales o frases adverbiales. – Текст : электронный. – URL: <https://www.profesorenlinea.cl/castellano/AdverbialesLocuc.htm> (дата обращения: 17.10.2021)
263. Matthiessen, Ch. Systemic Functional Grammar: A First Step Into The Theory / Ch. Matthiessen, M. A. K. Halliday. – Текст : электронный – URL: <https://www.alvinleong.info/sfg/sfgintro.html> (дата обращения: 15.10.2021).

264. Savvidou, Ch. An Integrated Approach to Teaching Literature in the EFL Classroom / Ch. Savvidou. – Текст : электронный – URL: <http://iteslj.org/Techniques/Savvidou-Literature.html> (дата обращения: 15.10.2021).
265. Thagard, P. Epistemological Metaphors and the Nature of Philosophy / P. Thagard, Cr. Beam. – Текст : электронный URL: <http://cogsci.uwaterloo.ca/Articles/epistemological.html> (дата обращения: 14.10.2021).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

1. Акунин, Б. Турецкий гамбит : роман / Б. Акунин. – Москва : Захаров, 2008. – 271 с. – Текст : непосредственный.
2. Астафьев, В. П. Тихая птица : роман, повести, рассказы, очерк / В. П. Астафьев. – Москва : Советский писатель, 1991. – 685 с. – Текст : непосредственный.
3. Васильев, Б. Л. Завтра была война : роман / Б. Л. Васильев. – Москва : Вагриус, 2007. – 302 с. – Текст : непосредственный.
4. Васильев, Б. Л. Иванов катер : повести / Б. Л. Васильев. – Москва : Вече, 2004. – 395 с. – Текст : непосредственный.
5. Васильев, Б. Л. Собрание сочинений : в 8 томах. Том 4. Повесть, роман / Б. Л. Васильев. – Смоленск : Траст-Имаком : Фирма «Русич», 1994. – 545 с. – Текст : непосредственный.
6. Гранин, Д. А. Зубр : роман / Д. А. Гранин. – Москва : Эксмо, 2005. – 735 с. – Текст : непосредственный.
7. Домбровский, Ю. О. Факультет ненужных вещей / Ю. О. Домбровский. – Москва : АСТ : Астрель, 2011. – 733 с. – Текст : непосредственный.
8. Пикуль, В. С. Нечистая сила. Книга 1 : роман / В. С. Пикуль. – Воронеж : Центрально-Черноземное книжное изд-во, 1989. – 400 с. – Текст : непосредственный.
9. Пикуль, В. С. Нечистая сила. Книга 2 : роман / В. С. Пикуль. – Воронеж : Центрально-Черноземное книжное изд-во, 1989. – 400 с. – Текст : непосредственный.
10. Пикуль, В. С. Океанский патруль / В. С. Пикуль. – Москва : Вече, 2012. – 784 с. – Текст : непосредственный.
11. Распутин, В. Г. Дочь Ивана, мать Ивана : повесть / В. Г. Распутин. – Москва : Молодая гвардия, 2005. – 214 с. – Текст : непосредственный.
12. Распутин, В. Г. Последний срок: повесть / В. Г. Распутин. – Москва : АСТ, 2019. – 383 с. – Текст : непосредственный.

13. Тендряков, В. Ф. Покушение на миражи : Роман, повесть, рассказы / В. Ф. Тендряков. – Москва : Советский писатель, 1988. – 397 с. – Текст : непосредственный.
14. Benedetti, M. El provenir de mi pasado / M. Benedetti. – Destino : Punto de Lectura, 2010 – 221 с.
15. Cela, C. J. La colmena / C. J. Cela. – Санкт-Петербург : КАРО, 2008 – 446 с.
16. Christie, A. And Then There Were None / A. Christie. – New York : Spark Pub., 2002. – 76 p.
17. Christie, A. Death On The Nile / A. Christie. – Toronto ; New York : Bantam Books, 1978. – 292 p.
18. Christie, A. The Body in the Library / A. Christie. – London : Pan Books, 1979. – 164 p.
19. Delibes, M. El Hereje / M. Delibes. – Barcelona : Destino, 1999. – 501 p.
20. Delibes, M. La sombra del ciprés es alargada / M. Delibes. – Barcelona : Destino, 2011. – 347 p.
21. Fowles, J. R. The collector / J. R. Fowles. London : Vintage, 2004. – 292 p.
22. Llosa, M. V. Conversación en la Catedral / M. V. Llosa. – Madrid : Punto de Lectura, 2011. – 736 p.
23. Llosa, M. V. Elogio de la madrastra / M. V. Llosa. Buenos Aires, Argentina : Emecé, 1988. – 220 p.
24. Llosa, M. V. La fiesta del chivo / M. V. Llosa. – Madrid : Suma de Letras, 2001. – 569 p.
25. Llosa, M. V. La ciudad y los perros / M. V. Llosa. – Madrid : Alfaguara, 1999. – 492 p.
26. Llosa, M. V. Los cuadernos de don Rigoberto / M. V. Llosa. – Madrid : Alfaguara, 1997. – 396 p.
27. Márquez, G. G. Cien años de soledad / G. G. Márquez. – Санкт-Петербург : КАРО, 2008. – 416 с.

28. Márquez, G. G. El amor en los tiempos del cólera / G. G. Márquez. – Barcelona : Mondadori, 1999. – 508 p.
29. Márquez, G. G. El general en su laberinto / G. G. Márquez. – Madrid : Mondadori, 1989. – 296 p.
30. Matute, A. M. Pequeño teatro / A. M. Matute. – Barcelona : Editorial Planeta, 1954. – 282 p.
31. Maugham W. S. Sixty-Five Short Stories / W. S. Maugham – London : Heinemann : Octopus Books, 1976. – 952 p.
32. Maugham W. S. The Painted Veil / W. S. Maugham – London : Allen, 2004. – 258 p.
33. Orwell, G. Nineteen eighty-four / G. Orwell. – Harlow : Longman ; Beirut : York Press, 1983. – 76 p.